

А. І. Смолік
Божы дар Івана Кандрацьева

РЕПОЗИТОРІЙ БГУКИ

*Іван Казіміравіч Кандрацьеў
(1849–1904)*

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ

Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў

Культурны імідж Беларусі

А. І. Смолік

**Божы дар
Івана Кандрацьева**

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ

Мінск
БДУКМ
2013

УДК 929(47)"1849/1904" Кандрацьёў І. К.
ББК 83.3(2=411.2)5-8 Кандрацьёў І. К.
С512

Серыя заснавана ў 2013 г.

Рэцэнзенты:

*А. У. Марозаў, доктар філалагічных навук, прафесар;
У. П. Скараходаў, доктар культуралогіі, прафесар*

*Рэкамендавана навукова-тэхнічным саветам
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры
і мастацтваў (пракакол № 8 ад 28.06.2012 г.)*

Смолік, А. І.

С512 Божы дар Івана Кандрацьёва / А. І. Смолік ; Мін-ва культуры
Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў.
– Мінск : БДУКМ, 2013. – 260 с. – (Культурны імідж Беларусі).
ISBN 978-985-522-075-7.

Прадстаўленая кніга аднаўляе гістарычную справядлівасць і з'яўляецца крыніцай шырокіх звестак пра таленавітага драматурга, пісьменніка, краязнаўцу, аўтара даведніка «Седая старіна Масквы», шырокавядомых песень «По диким степям Забайкалья», «Очаровательные глазки» І. К. Кандрацьёва, які дастойны заняць належнае месца сярод выдатных асоб Беларусі і Расіі другой паловы XIX – пач. XX ст.

Напісаная вобразна і займальна, кніга спадабаецца шырокаму колу чытачоў.

**УДК 929(47)"1849/1904" Кандрацьёў І. К.
ББК 83.3(2=411.2)5-8 Кандрацьёў І. К.**

ISBN 978-985-522-075-7

© Смолік А.І., 2013

© Афармленне.

УА «Беларус. дзярж. ун-т
культуры і мастацтваў», 2013

З небыцця – у стагоддзі

«Есть люди, без которых не может существовать литература <...>. Эти люди – своего рода бродильные дрожжи, искристый винный сок. Не важно, много ли они или мало написали. Важно, что они жили и вокруг них кипела литературная жизнь своего времени»¹, – словы К. Паўстоўскага пра вядомага рускага пісьменніка У. А. Гіляроўскага з упэўненасцю можна аднесці і да яго сучасніка, аўтара шырокавядомых песень, выдатнага паэта, празаіка, перакладчыка, драматурга другой паловы XIX ст. Івана Казіміравіча Кандрацьева і да аўтара прадстаўленай кнігі доктара культуралогіі А. І. Смоліка, які нарадзіўся праз сто гадоў у той самай вёсцы, што і пісьменнік. Лёс падараваў яму шчаслівы выпадак расказаць суайчыннікам пра жыццё і творчасць прадстаўніка беларуска-рускай культурнай прасторы, з якім сябравалі А. К. Саўрасаў, І. І. Левітан, М. В. Успенскі, А. П. Чэхаў і інш.

Паэзія і проза І. К. Кандрацьева па мастацкіх якасцях з'яўляюцца, безумоўна, цікавымі. Яго імя невядомае, несправядліва забытае, да таго ж па сваім паходжанні гэтая выдатная асоба мае непасрэднае дачыненне да Беларусі.

Творы І. К. Кандрацьева неаднаразова выдаваліся вялікімі тыражамі. Вершы, раманы, паэмы друкавалі аўтарытэтныя перыядычныя выданні Вільні і Масквы – «Виленский вестник», «Свет и тени», «Мирской толк» і інш. Некаторыя творы пісьменніка выдаюцца ў Расіі і сёння – «Божье знамение», «Гуны», «Седая старина Москвы», «Салтычиха». Так здарылася, што мастацкая, навуковая, педагагічная спадчына слыннага беларуса выпала з поля зроку нашчадкаў. Яго творы невядомы не толькі сучасным аматарам паэзіі, прозы, гісторыі, але і літаратуразнаўцам, лінгвістам, даследчыкам гістарычных праблем.

¹ Гіляровский В. А. Москва и москвичи. М. : Правда, 1979. С. 6.

А спадчына на дзіва багатая. Толькі ў фондах Расійскай дзяржаўнай бібліятэкі захоўваецца звыш 70 адзінак твораў літаратара. Кніга, якая выходзіць у свет, – першая старонка будучай навукова-даследчай літаратуры, прысвечанай яркай, самабытнай творчай спадчыне І. К. Кандрацьева.

На старонках выдання разглядаюцца разнастайныя жанравыя формы паэзіі Івана Казіміравіча. Даследчык аналізуе не толькі вершы, але і шэраг паэм, балад. Вывучаючы паэтычную спадчыну пісьменніка, А. І. Смолік падкрэслівае, што вершы І. К. Кандрацьева кладуцца музыкай на душу, закранаюць яе самыя тонкія струны. У кожным свая мелодыя, сваё светаўспрыманне. Нездарма на яго вершы кампазітарамі Я. Прыгожым, К. Шклоўскім, Г. і І. Залатарэнкамі напісана музыка. У песенны фальклор увайшлі песні і рамансы І. К. Кандрацьева «Бродзяга» («По диким степям Забайкалья...»), «Очаровательные глазки», «Эти очи – темны ночи», «Чудо-гусли», «Сила песни», «Свирель», «То песни родины моей...», «Достался жребий мне святой...», «Черноброва краса Дуся...» і інш.

Яго вершы, паэмы – гэта лірыка асабістых рэфлексій, якія звернуты ў асноўным на горыч жыцця. Лірычныя героі знаходзяцца ў канфліктных адносінах з соцыумам, востра перажываюць сваю незапатрабаванасць, патрыятычныя матывы пераплятаюцца з сацыяльна-палітычнымі.

Паэзія І. К. Кандрацьева – гэта і пейзажныя замалёўкі, і вершы пра каханне. Мелодыя кахання ў паэта зліваецца з музыкай стыхіі. Вось толькі гучанне яе, за рэдкім выключэннем, мае мінорны лад: журботнае, самотна-бязрадаснае адчуванне немагчымасці зліцця душ.

За больш чым трыццацігадовую літаратурную творчасць І. К. Кандрацьевым напісаны дзясяткі драматургічных твораў. У асобным раздзеле аўтар кнігі спрабуе выявіць адметнасці драматычных п'ес – «Разлучница», «В лесу», аднаактных п'ес «жартаў» – «На Плющихе», «Ради копеечки», «Легко отделался» і інш. Больш грунтоўна прааналізаваны вадэвіль «Волостной писарь, или Где хвост начало, там голова мочало», драма «Пир Стеньки Разина», лірычная сцэна «Пушкин у цыган» («Пушкин у Яра»).

Драматургія І. К. Кандрацьева закранае і гістарычную тэматыку: драма-быліна з часоў князя Уладзіміра «Воевода Волчий Хвост» і драматычная быль «Пир Стеньки Разина» характарызуюцца вострадраматычнымі канфліктамі, спалучэннем любоўна-бытавых матываў і грамадскіх калізій.

Да гістарычнай тэматыкі, адзначае даследчык, І. К. Кандрацьеў звяртаецца не толькі ў драматургіі. Гісторыя як прадмет даследавання, праз які можна звярнуць увагу на мінулае роднага краю, становіцца прыярытэтным напрамкам творчасці аўтара. Ён прыходзіць да высновы, што «самая лучшая форма, которая может знакомить большинство с историей родины – это форма исторического романа, романа, разумеется, добросовестного как относительно исторических фактов, так и относительно домашнего быта народа описываемой эпохи»². Многія значныя гістарычныя падзеі сталі асновай яго раманаў, аповесцей, даведнікаў. Таленавіты гістарычны раманист, падкрэслівае А. І. Смолік, у раманах «Раскольниковы гнезда», «Великий разгром», аповесці «Салтычиха» стварае сапраўдную аб'ёмную карціну жыцця, апісвае працэс фарміравання асобы пад уздзеяннем недасканалыя ўладкавання грамадства, паказвае, як заглушаецца пад уплывам складаных жыццёвых абставін асэнсаванне ўласнай годнасці, якое так неабходна, каб быць чалавекам. Надзвычайна ярка ў рамане «Великий разгром» падаецца трагічны лёс, загубленае жыццё цэлага пакалення інтэлігенцыі.

У даследаванні разглядаюцца раманы «Гунны», «Великий разгром», аповесці «Ермак, завоеватель Сибири», «Божье знамение», у якіх пісьменнік панарамна разгортвае гісторыю славянскіх народаў, раскрывае самабытную ўсходнеславянскую культуру. Адметна, што многія лёсаносныя падзеі славянскай гісторыі, на думку празаіка, адбываліся на сучаснай тэрыторыі Беларусі.

Гісторыя і культура славянскіх народаў, сцвярджаецца ў кнізе, грунтоўна ўвасоблены І. К. Кандрацьевым не толькі ў мастацкіх творах. Ім напісаны аб'ёмныя навукова-даведачныя

² Кондратьев И. К. Гунны. Эпоха великого переселения народов: исторический роман из жизни славян IV и V столетий. М. : Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1878. С. 6.

працы – «Седая старина Москвы», «Московский Кремль», «Историческое описание Киево-Печерской лавры», «Святыни Валаамского монастыря» і інш.

Пісаў І. К. Кандрацьеў і творы для дзяцей, апрацоўваў народныя казкі («Снегурочка», «Сивка-Бурка вещь каурка»). Вершы і апавяданні для дзяцей сталі асновай зборніка «Золотая струна». А. І. Смолік выказвае слушную думку, што па кніжцы для першапачатковага чытання «Искра Божия», якую склаў пісьменнік, навучалася ў канцы XIX – пачатку XX ст. не адно пакаленне беларусаў.

З цікавасцю чытаецца раздзел, дзе прасочваецца складаны творчы і жыццёвы шлях пісьменніка ад сялянскага хлапчука да прадстаўніка літаратурнай багемы. Аўтар даследавання акунае чытача ў атмасферу літаратурнага, тэатральнага, мастацкага жыцця Масквы другой паловы XIX ст. На канкрэтным факталагічным матэрыяле паказвае фарміраванне ўласнага пісьменніцкага стылю І. К. Кандрацьева, уплыў на яго творчасць А. Чэхава, І. Сурыкава, М. Успенскага і іншых заснавальнікаў рускай літаратуры, характарызуе ўзаемаадносіны з класікамі выяўленчага, тэатральнага мастацтва. У кнізе створана галерэя партрэтаў сучаснікаў пісьменніка: Ф. Д. Няфёдаў, І. З. Сурыкаў, М. В. Успенскі, У. А. Гіляроўскі, А. П. Чэхаў, А. К. Саўрасаў, І. І. Левітан і інш.

Аўтар манаграфіі доктар культуралогіі А. І. Смолік усё жыццё прысвяціў вывучэнню гісторыі і культуры нашай краіны. Ён напісаны «Гісторыя Беларусі XVI–XIX стст.»³, «Культура Беларусі XI–XIX стст.»⁴, «Гісторыя і культура беларускіх татар»⁵, «Культуралогія: гісторыя культуры»⁶ і інш. У пералічаных кнігах маецца грунтоўны матэрыял аб знакамітых постацях краіны.

³ Смолік А. І. Гісторыя Беларусі XVI–XIX стагоддзяў : інфарм.-давед. матэрыялы да баз даных : вучэб. дапам. Мінск : Адукацыя і выхаванне, 1997. 236 с.

⁴ Смолік А. І. Культура Беларусі XI–XIX стст. Мінск : Беларус. ун-т культуры, 1998. 182 с.

⁵ Канапацкі І. Б., Смолік А. І. Гісторыя і культура беларускіх татар : вучэб. дапам. Мінск : Беларус. ун-т культуры, 2000. 259 с.

⁶ Смолік А. І., Кухто Л. К., Цобкала А. А. Культуралогія : гісторыя культуры : вучэб. дапам. Мінск : Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2009. 311 с.

Чарговай працай навуковец адкрывае суайчыннікам новае імя, якое ўзбагаціць скарбонку беларускай культуры.

Шлях да кнігі быў доўгі і складаны. Аўтар шукаў матэрыял у архівах, бібліятэках, кнігарнях, букіністычных крамах, але знайсці звесткі пра літаратара з Вілейшчыны не ўдавалася. Адсутнічалі ў Нацыянальнай бібліятэцы нават віленскія перыядычныя выданні, дзе друкаваўся ў свой час І. К. Кандрацьеў. Толькі ў літоўскіх архівах і Віленскай бібліятэцы пашанцавала натрапіць на асобныя звесткі аб пачатку творчай дзейнасці пісьменніка. Творы, што складаюць літаратурную спадчыну І. К. Кандрацьева, у асноўным сканцэнтраваны ў Расійскай дзяржаўнай бібліятэцы, якая стала на працяглы час рабочым кабінетам А. І. Смоліка. Пэўны ўнёсак у даследчы працэс зрабілі вілейскія краязнаўцы (Т. Бурко, С. Ганчар, А. Капцюг, А. Рогач), якія вырашылі ўвекавечыць імя славутага земляка на малой радзіме, у вёсцы Каловічы, што знаходзіцца ў некалькіх кіламетрах ад горада Вілейкі Мінскай вобласці. Апрацацыя пэўных гіпотэз, распрацоўваемых у даследаванні, ажыццёўлена А. І. Смолікам на навуковых канферэнцыях, у артыкулах навукова-тэарэтычных часопісаў. Даследчык на падставе аналізу тэкстаў мастацкіх твораў І. К. Кандрацьева паказвае адметнасці светапогляду пісьменніка, які адмаўляў насілле як адзіны спосаб разумнага ўладкавання грамадства. Гэта ідэя скразной ніткай праходзіць праз шэраг яго твораў («Гунны», «Божье знамение», «Великий разгром» і інш.). Перад намі паўстае вобраз глыбока рэлігійнай, унутрана духоўна багатай асобы, якая прытрымлівалася пазіцыі экуменізму, мастацкім словам імкнулася прыйсці да ўсехрысціянскага яднання. Рэлігійны дыскурс выразна выяўляецца ў шматлікіх паэтычных і празаічных творах І. К. Кандрацьева.

Аўтар імкнецца асэнсаваць творчую дзейнасць паэта, празаіка, драматурга, перакладчыка, гісторыка, краязнаўца, педагога з літаратуразнаўчых пазіцый. На наш погляд, у абмежаванай манаграфічнай прасторы А. І. Смоліку ўдалося дастаткова грунтоўна прааналізаваць паэзію, прозу, драматургічныя творы пісьменніка. Тое, што ў працу ўкладзены душа і сэрца вучонага, адчуваецца з першых радкоў прадмовы і да апошняга слова кнігі.

Даследчык здолеў не толькі паказаць веліч нашага суайчынніка як майстра прыгожай пісьменнасці, але зрабіў практычныя крокі па вяртанні з забыцця яго імя і творчай спадчыны. Варта адзначыць, што разам з вілейскімі краязнаўцамі ажыццёўлены імпрэзы на яго малой радзіме па папулярызацыі мастацкіх твораў, увекавечанні асобы пісьменніка. Выхад у свет дадзенай кнігі – яшчэ адзін крок да сучаснага прачытання і грунтоўнага даследавання мастацкіх і краязнаўчых прац Івана Казіміравіча Кандрацьева. Навуковыя намаганні А. І. Смоліка дапамаглі занатаваць гэтае імя ў беларускай культуры, падараваць новае жыццё таленавітаму аднавяскоўцу.

Перафразуючы словы К. Паўстоўскага, можна сказаць: ёсць людзі, без якіх не можа існаваць культура. Вакол іх кіпіць культурнае жыццё, і яны самі задаюць тэмпературу кіпення. А. І. Смолік стварае галерэю партрэтаў творцаў беларускай культуры, адкрываючы сучаснікам забытыя імёны.

Б. У. Святлоў

Ад аўтара

Сярод старадрукаў, якія сабраны ў Нацыянальнай бібліятэцы Беларусі, зацікавіла невялікая па фармаце кніжка з інтрыгуючай назвай на пажоўклый вокладцы: «Александрь Сергѣевичь Пушкинь, его жизнь, смерть и сочинения. Составиль по новейшимъ даннымъ И. Кондратьевъ» [Кондратьев 1880]. На вокладцы значылася, што выдадзена кніга ў тыпаграфіі І. І. Смірнова ў 1880 г. Узнікла пытанне: хто такі І. Кандрацьеў? Наколькі было вядома, сярод даследчыкаў творчасці А. С. Пушкіна такое прозвішча не згадваецца. Пагартаўшы даведнікі, пераканаўся, што сярод пушкіназнаўцаў І. К. Кандрацьеў не пазначаны. Але складвалася ўражанне, што аўтар разглядаемага выдання дасканала ведаў асабістае і творчае жыццё вялікага рускага паэта, яго блізкае асяроддзе. Пазней, пазнаёміўшыся з творчасцю І. К. Кандрацьева, у лірычнай сцэне «Пушкин у цыган» прачытаў наступныя радкі, у якіх пісьменнік звяртаецца да паэта: «Будь мужествен. Пучина бытия / Ужель тебя смущает и тревожит – / Тебя, певца, кто жизнь постиг, и может / Постигнуть большее, в душе тая / Залог глаголов пламенных пророка!» [Кондратьев 1898а, с. 373]. Выразна адчуваюцца асаблівыя інтанацыі сардэчнасці і любові да А. С. Пушкіна. Кніга пакінула прыемнае ўражанне, захацелася больш даведацца пра аўтара. Пачаў пошукі з Энцыклапедычнага слоўніка Ф. Бракагаўза і І. Эфрона. На маё здзіўленне, звесткі аб І. К. Кандрацьеве адсутнічалі. Безвыніковым было прагляданне Вялікай савецкай энцыклапедыі і іншай інфармацыйна-даведачнай літаратуры. І толькі ў біяграфічным даведніку «Рускія пісьменнікі. 1800–1917 гг.», трэці том якога быў выдадзены ў 1994 г., нарэшце, знайшоўся сціслы артыкул пра пісьменніка [37, с. 48]. Цікавая інфармацыя ўразіла і ўсхвалявала. А. І. Рэйтблат, аўтар артыкула, пісаў, што Іван Кузьміч (сапраўднае імя па бацьку Казіміравіч) Кандрацьеў нарадзіўся 9(21) чэрвеня 1849 г. у сяле Каловічы Вілейскага павета Віленскай губерні. Такім чынам высветлілася, што ён беларус і тым больш мой зямляк. Але ад

аднавяскоўцаў мне ніколі не даводзілася чуць гэтае імя. Грамадскасць Вілейшчыны, як выявілася пазней, у перыяд маёй пошукавай дзейнасці, таксама не ведала пра І. К. Кандрацьева. У гісторыка-дакументальнай хроніцы Вілейскага раёна «Памяць» ёсць раздзел «Іх імёны ў гісторыі Вілейшчыны». Але сярод славурых вілейчан Іван Кандрацьеў не называецца.

Жаданне даведацца больш аб сваім аднавяскоўцы падштурхнула да далейшых даследаванняў. Безумоўна, калі высветлілася, што аўтар кнігі пра Пушкіна родам з Беларусі, была прагледжана беларуская інфармацыйна-даведачная літаратура. Складальнікі энцыклапедычнага даведніка «Мысліцелі і асветнікі Беларусі» ў раздзеле «Беларусь у складзе Расійскай імперыі. ХІХ стагоддзе» нічога не паведамляюць пра славурага беларуса. Абышлі маўчаннем яго літаратурную дзейнасць і складальнікі «Беларускай Савецкай Энцыклапедыі», «Энцыклапедыі літаратуры і мастацтва», «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі». Было крыўдна, але жаданне сабраць як мага больш інфармацыі не пакідала. У вольны час пачаліся відзіты ў бібліятэкі, архівы, у выніку ўдалося стварыць вобраз таленавітага пісьменніка і цікавага чалавека, які прадстаўлены ў дадзенай кнізе.

Частка першая
НА РОДНАЙ ГЛЕБЕ

Малая радзіма

Сяло Каловічы Вілейскага павета Віленскай губерні, дзе 9(21) чэрвеня 1849 г. нарадзіўся будучы пісьменнік Іван Кандрацьеў, раскінулася на тэрыторыі так званых полацкіх крывічоў. Курганныя могільнікі каля вёскі Кастыкі, якія ў XIX ст. даследаваў К. П. Тышкевіч, належылі крывіцка-дрыгавіцкаму насельніцтву XI–XII стст. Пахавальны інвентар, знойдзены ў 1972 г. археолагам М. М. Чарняўскім у могільніку каля в. Сосенка Вілейскага раёна, пацвярджае думку аб прыналежнасці яго да полацкіх крывічоў [54, с. 582]. Айконімы (уласныя назвы населеных пунктаў) вакол с. Каловічы таксама даюць падставу гаварыць аб засяленні Вілейшчыны крывічамі. Так, на паўночны ўсход ад Каловіч знаходзіцца пасёлак Крывічы, а на паўднёвы захад – Крэва. Беларускі гісторык М. І. Ермаловіч пераканаўча даказаў, што назва пасёлка адпавядае племянному саюзу крывічоў (крэвічоў), якія ў старажытныя часы каланізавалі гэтую тэрыторыю, што раней належыла балтам. Калі продкамі крывічоў было заснавана с. Каловічы ўстанавіць не ўдалося. Але можна меркаваць, што ў XVI ст. яно ўжо існавала. У нарматыўных прававых дакументах Вялікага Княства Літоўскага даволі часта ўзгадваюцца Куранецкая і Маркаўская дзяржавы, якія знаходзіліся пад уладай вялікага князя. Дзяржавай называлася ў XV–XVIII стст. дзяржаўна-зямельнае ўладанне ў ВКЛ, што было ў распараджэнні пэўнай асобы – дзяржаўцы – на вызначаных умовах трымання. Дзяржава, як правіла, складалася з некалькіх вёсак. У канцы XVI ст. (1588 г.) кароль Жыгімонт III даў прывілей на трыманне Куранецкай дзяржавы буйнейшаму палітычнаму дзеячу ВКЛ Льву Іванавічу Сапегу [31, с. 83]. У гісторыка-дакументальнай хроніцы Вілейскага раёна «Памяць» адзначаецца, што с. Каловічы ў 1631 г. уваходзіла

ў склад Маркаўскай дзяржавы [31, с. 688]. У XVII ст. ёй валодалі Крыштаф і Станіслаў Сапегі [31, с. 70], а пасля іх смерці ваявода смаленскі Аляксандр Янавіч Корвін-Гасеўскі, Крыштаф Зігмунд Пац і яго нашчадкі [31, с. 70–71]. Некалькі разоў упамінаецца с. Каловічы ў пісьмовых крыніцах XVIII ст.

Галоўным заняткам сялян было земляробства. Асноўнай адзінкай вымярэння зямельнага надзелу і ў той жа час адзінкай падаткаабкладання з'яўлялася валока (21,36 га), якая складалася з трох роўных палёў, што адпавядала трохпольнай сістэме севазвароту. У залежнасці ад якасці зямлі валокі падзяляліся на добрыя, сярэднія, кепскія і вельмі кепскія. Ад якасці валокі залежылі памеры грашовай рэнты (чыншу). На нашу думку, у Каловічах валока была сярэдняя. Таксама валокі падзяляліся на цяглыя (павіннасць – паншчына), асадныя (выплата грашыма) і якія не абкладаліся падаткамі (надзелы дробных чыноўнікаў). Зямельныя надзелы перадаваліся ў спадчыну. Пашы, лясы і воды з'яўляліся ўласнасцю феодалаў. Сяляне выконвалі розныя павіннасці, якія складаліся з выплат падатку грашыма («даніна сярэбраная») і аброку натурай (дзякла), абавязкаў вайскавай службы, будаўніцтва і рамонту дарог, мастоў і інш. Так, з інвентару Вілейскага староства ад 18 жніўня 1789 г. бачна, што цяглы селянін Іосіф Субач плаціў 6 злотых і 2 грошы падымнага, 14 злотых і 18 грошаў чыншу, 1/4 бочкі аўса. Якуб Гулецкі – 6 злотых і 2 грошы падымнага, 24 злотых і 18 грошаў чыншу, 1/4 бочкі аўса [10]. Цяглыя сяляне адбывалі яшчэ і паншчыну. Каловічы знаходзіліся паблізу г. Вілейкі (4 км), куды сяляне маглі хадзіць у заробкі. Паводле справаздачы «Аб сацыяльным і эканамічным становішчы горада Вілейкі і Вілейскага павета ў 1857–1858 гг.» у павеце мелася наступная прамысловасць: адна суконная фабрыка, два шкляныя заводы, 54 вінакурных і 3 піваварных завода, 60 млыноў [10]. Асобныя сяляне маглі займацца і плытагонствам. Рака Вілія каля г. Коўна злучалася з Нёманам, і па ёй сплаўляўся лес.

Сяло Каловічы, напэўна, мала чым адрознівалася ад іншых вёсак Вілейскага павета. Яно складалася з маленькіх драўляных хатак, якія выцягваліся ў адну вуліцу. Памеры і формы аналагічных вясковых паселішчаў выразна адлюстраваны Я. Колас у шэрагу мастацкіх твораў. Пісьменнік адзначаў, што іх памеры і формы былі разнастайныя, але пераважалі невялікія і сярэднія з бессістэмнай забудовай: «Невялічкая вёска ў адну

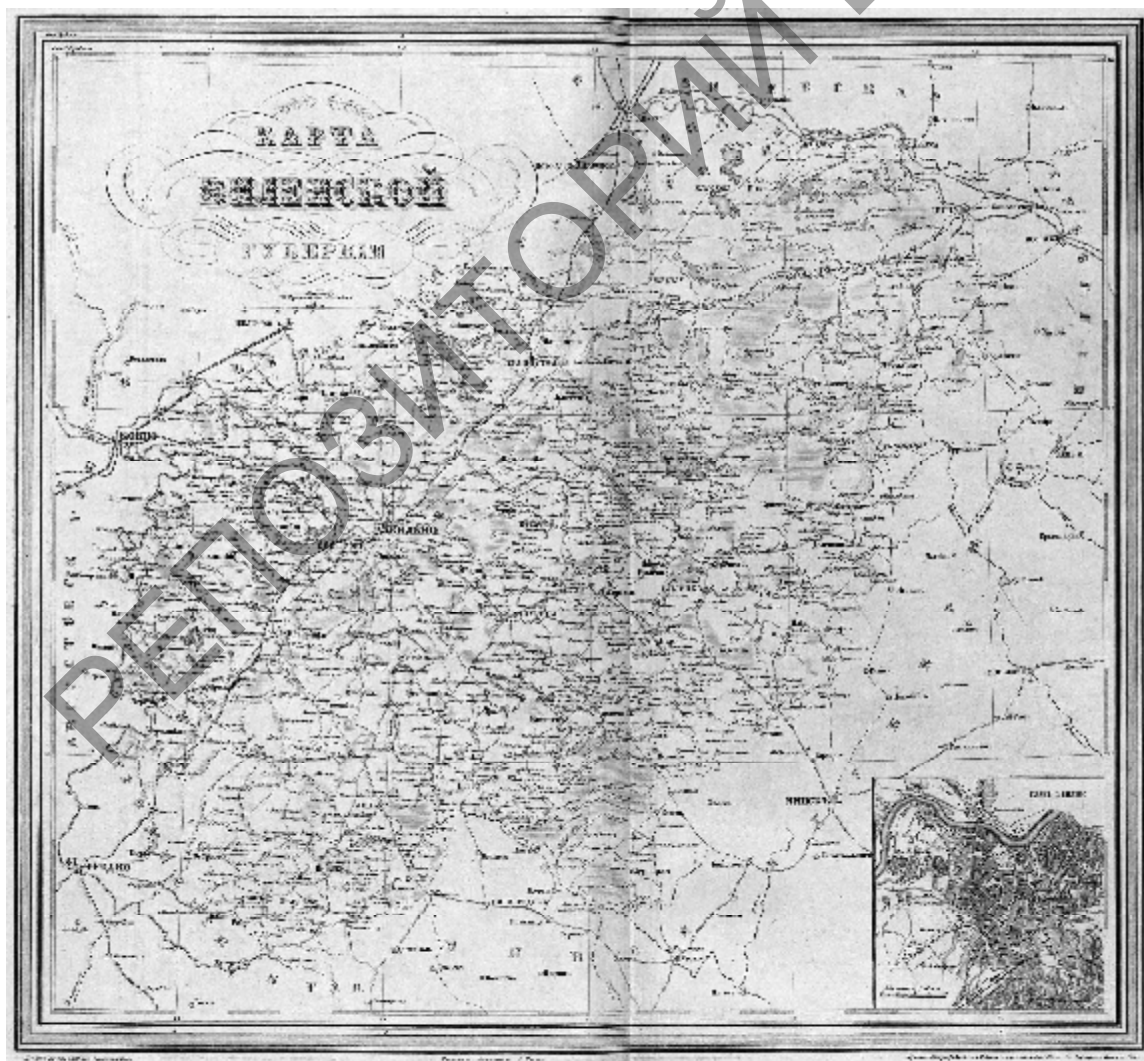
вуліцу выглядала непрыветна і непрытульна» [23, с. 16]. Мастацкі вобраз такой беларускай вёскі намаляваны паэтам у паэме «Рыбакова хата». Колас пры апісанні вёскі Пятрушы адзначаў, што «У Пятрушах сямнаццаць хат, / А хаты пошыбу старога, / Будынкі ўсе на адзін лад» [22, с. 63]. Характарыстыку беларускай вёскі можна знайсці таксама ў коласаўскіх вершах «Наш родны край», «Вёска», «Родныя песні»: «Пазіраюць сумна вёскі, / Глянеш – сэрца забаліць» [21, с. 22], «Цесна збіты нашы хаты, / Як авечкі ў летні жар» [21, с. 35]. Аб гэтым упамінаецца і ў Матэрыялах для геаграфіі і статыстыкі Расіі, сабраных афіцэрамі Генеральнага штаба, па Віленскай губерні: «Сёлы і вёскі, у якіх жывуць сяляне розных ведамстваў, будуюцца па адну вуліцу, дамы сялян наогул без дымавых труб і цесныя для жыхарства. Гаспадарчыя пабудовы ў вёсках збудаваны, большай часткай, вельмі неахайна» [31, с. 120]. Прычынай фарміравання маладворных вёсак, на нашу думку, з'яўлялася дробнаконтурнасць палеткаў і іншых угоддзяў сялян.

Хаты ў Каловічах былі падобныя на хаты ў іншых вёсках Вілейшчыны. Яны ўяўлялі сабой надземнае збудаванне зрубнай канструкцыі. Тэхніка будаўніцтва і асноўныя канструкцыйныя элементы традыцыйнай беларускай хаты склаліся ў XVIII ст. Асноўным будаўнічым матэрыялам з даўніх часоў была драўніна. Будавалі хаты найчасцей з хвої і елкі. Першы вянок падрубывы звычайна клалі на валуны або дубовыя штандары, падстаўленыя толькі пад вуглы, зрэдку зруб ставілі проста на зямлю. Хата двума вугламі абапіралася на ёмістыя шматпудовыя камяні, а процілеглыя бакі падтрымліваліся дзябёлымі кароткімі слупамі, укапанымі ў пячаны дол. Праўда, неабходна адзначыць, што ў пачатку XX ст. у Каловічах сустракаліся хаты на цэментавым падмурку. Падлога ў вясковых хатах была земляная (глінабітная), зрэдку драўляная. Па планіроўцы сялянскае жыллё было двух- (хата, сенцы) і трохкамернае (хата, сенцы і камора). Хаты ў вёсцы, як правіла, былі прыземістыя, накрытыя саломаю.

У 1765 г. Каловічы ўвайшлі ў Вілейскае староства. Сяло налічвала 30 уніяцкіх двароў [31, с. 688]. Староствамі ў ВКЛ у XVI–XVIII стст. называліся дзяржаўныя маёнткі, якія даваў вялікі князь або кароль на часовае карыстанне феодалам за службу. У вышэйзгаданым інвентары Вілейскага староства 1789 г. у ліку аб'ектаў, акрамя двара, мястэчка Вялейка, сяла Вялейка і

фальварка Більцавічы, названы сёлы Каловічы, Жаўткі, Асіпа-вічы, Лішчавічы, а таксама войтаўства Карэйкаўскае – двор Карэйкаўцы, сёлы Лявонавічы, Івашчынавічы, Жукавічы, Аса-вец, Путрычы, Гарадзілавічы, Ліпневічы і засценак Рэчкі за паўмілі ад двара [10]. У інвентары таксама адзначаецца, што за корчмы ў сёлах Вілейка, Каловічы і Більцавічы па кантракце 1788 г. плаціць арандатар Яцка Несяловіч [31, с. 85].

Карчма як тып грамадскай пабудовы ў Беларусі вядома з X–XI стст. Назва паходзіць ад слова «карэц» – коўш, якім зачэрпвалі спіртныя напоі. У шэрагу рэгіёнаў Беларусі корчмы называлі «шынкамі», «трынкамі», «аўстэрыямі», «штофнымі лаўкамі» і інш. Аб распаўсюджанасці корчмаў у Беларусі можна меркаваць па іх колькасці ў Вілейскім павеце. У сярэдзіне XIX ст. у г. Вілейцы на 2 719 жыхароў прыходзілася 10 корчмаў і 1 вінны склеп [24, с. 48].

Карта Віленскай губерні. 1871 г.

Фрагмент карты Віленскай губерні. 1871 г.

Пасля ўключэння Вілейскага староства ў склад Расійскай імперыі (1793) Каловічы дасталіся кашталяну віцебскаму Ігнацію Куранецкаму. У 1800 г. у сяле было 27 двароў, у якіх пражывала 168 жыхароў [31, с. 688]. У 1860 г. мелася сельскае вучылішча, якое апякавалася Міністэрствам дзяржаўных маёмасцей. У ім навучалася 50 дзяцей, якіх вучыў адзін настаўнік [31, с. 119]. У 1866 г. у Каловічах мелася народнае вучылішча, што размяшчалася ў грамадскім доме. На яго ўтрыманне выдзялялася 209 руб. у год са збораў з дзяржаўных сялян [31, с. 153]. Такая навучальная ўстанова прызначалася для першапачатковай адукацыі дзяцей простанароддзя. Прадметамі вучэбнага курса народнага вучылішча з'яўляліся Закон Божы, чытанне, пісьмо, чатыры дзеянні арыфметыкі, царкоўныя спевы.

Такім чынам, Каловічы – малая радзіма І. К. Кандрацьева, было звычайным беларускім сялом. У такім сяле жылі бацькі будучага славутага дзеяча літаратуры. Пра яго бацькоў і сваякоў пакуль не ўдалося адшукаць якіх-небудзь дакладных звес-

так. Вядома, што Іван нарадзіўся ў беднай сялянскай сям’і. Маскоўскі даследчык С. Антонаў нават лічыць, што яго маці хадзіла па вёсках і жабравала [2]. Гэтыя меркаванні небеспадстаўныя. І. Кандрацьеў у вершы «Доля бедная», які можна лічыць аўтабіяграфічным, пісаў:

Кто-ж мне дал ее тяжелую?
Знать, та ноченька, когда
Разнесло водою полою
Нашу хатку без следа,
И когда, нуждой гонимая
От села и до села,
Родила меня родимая,
Где-то в поле родила! [Кондратьев 1898а, с. 267].

Некаторыя даследчыкі творчага і жыццёвага шляху пісьменніка лічаць, што бацьку яго звалі Казімірам. Так, рускі пісьменнік з народа І. А. Белавусаў у кнізе «Ушедшая Москва» сцвярджае, што сапраўднае імя па бацьку Івана Кандрацьева Казіміравіч [4, с. 475]. Такую думку выказвае і А. І. Рэйтблат [37, с. 48]. Думаем, што ёсць падставы з гэтым пагадзіцца. Імя Казімір пры хрышчэнні давалася ў большасці ўніятам. Жыхары с. Каловічы, як сведчаць гістарычныя дакументы, да далучэння Беларусі да Расійскай імперыі былі ўніятамі. Верагодна, што і бацькі Івана былі ўніятамі. Кузьміч – гэта маскоўскі варыянт. У маскоўскіх літаратурных колах яго сябры называлі проста Кузьмічом. Асобныя свае творы ён падпісваў псеўданімам Кузьміч. Кузьмічом маглі яго запісаць і пры афармленні ў Смаленскі батальён ваенных кантаністаў.

Фотаздымак
сям’і сваякоў
І. К. Кандрацьева.
У цэнтры ўнучатая
пляменніца *Пелагея*
Серапіёнаўна Рогач

Ёсць падставы меркаваць, што Іван быў не адзіным дзіцем у бацькоў. Вясковыя старажылы згадваюць, што нібыта была ў яго сястра, якая працавала ў Вільні бухгалтарам.

Невядома, кім быў бацька І. К. Кандрацьева, але адзін факт з яго біяграфіі дазваляе выказаць здагадку, што ён мог быць ніжнім ваенным чынам, а не селянінам. Таму хлопчыка і аддалі ў школу ваенных кантаністаў, куды бралі малалетніх дзяцей салдат, якія з дня нараджэння належалі да ваеннага ведамства і былі абавязаны несці ваенную службу. Наводзіць на роздум адсутнасць звестак у «Рэвізскіх сказках» за 1850–1858 гг. аб каловіцкім селяніне па прозвішчы Кандрацьеў. І дадзенае прозвішча не адпавядае распаўсюджаным у Каловічах – Валынцы, Гулецкія, Клешнякі, Новашы, Смолікі, Субачы. Праўда, за сем’ямі Трахіма Субача і Мікалая Рогача замацавалася мянушка «кандратавы». Іх дзяцей і ўнукаў да гэтага часу празываюць «кандратавымі». Як вядома, у вёсках мала каго завуць па прозвішчах, а больш ведаюць па мянушках. Далейшыя даследаванні творчага і жыццёвага шляху знакамітага суайчынніка магчыма дапамогуць знайсці новыя звесткі пра сваякоў пісьменніка з-пад Вілейкі.

Кантаніст

Пра маладыя гады Івана Кандрацьева вядома вельмі мала.
У вершы «Под шум дубрав» паэт пісаў:

Среди задумчивых дубрав
Я рос, покинутый родными,
И рано был мой чуткий нрав
Пленен красами их глухими.
Томился ум мой молодой,
Душа рвалась на просторы,
И вот – как тать, гоним судьбой,
Бежал я в те глухие боры [Кондратьев 1898а, с. 1].

У 1856 г. ён быў залічаны ў Смаленскі батальён ваенных кантаністаў – пачатковую ваенна-вучэбную ўстанову. Кантонамі ў Прусіі XVIII ст. называліся палкавыя акругі, якія служылі для ўкамплектавання кожнага палка. Кантаністы (ням. Kantonist – прызваны на вайсковую службу, ад франц. canton – акруга) у Расіі сыны ніжніх ваенных чыноў (нярэдка сіраты), якія з дня нараджэння лічыліся за ваенным ведамствам. Інстытут кантаністаў існаваў з 1805 па 1856 г. Пачатак быў пакладзены яшчэ Пятром I, па загадзе якога ў 1721 г. пры кожным гарнізоне (палку) былі створаны гарнізонныя школы для падрыхтоўкі дзяцей салдат да ваеннай службы і навучання іх пісьму і рамёствам. У 1798 г. яны былі перайменаваныя ў «ваенна-сіроцкія аддзяленні», выхаванцы якіх з 1805 г. сталі называцца кантаністамі [18]. Вучэбныя дысцыпліны тады прыраўноўваліся да курса гімназіі. Пазней школы кантаністаў былі прылічаны да ведамства вайсковых пасяленняў, у якіх усе хлопчыкі з 7 да 18 гадоў лічыліся кантаністамі. Вайсковыя пасяленні былі ўведзены Аляксандрам I з мэтай скараціць расходы на ўтрыманне арміі і мець для ваеннага часу падрыхтаваныя рэзервы ваеннаабучаных салдат. Цар лічыў, што гэта дасць магчымасць у выпадку неабходнасці павялічыць колькасць войск і палепшыць матэрыяльнае становішча ніжніх чыноў,

даць ім магчымасць у час службы быць з сем'ямі і працягваць земляробчыя заняткі, а на старасці гадоў забяспечыць прыстанішча і кусок хлеба. На тэрыторыі, адведзенай пад ваенныя пасяленні, усе мясцовыя сяляне ад 18 да 45 гадоў аб'яўляліся ваеннымі пасяленцамі. З іх камплектаваліся батальёны, палкі. Усё насельніцтва паселеных акругоў пераўтваралася ў пажыццёвых салдат. Дзеці іх з 7-гадовага ўзросту залічваліся ў кантаністы, а па дасягненні 18 гадоў пераводзіліся ў воінскія часці. З 45 гадоў пасяленцы выходзілі ў адстаўку і павінны былі далей службы ў шпіталях ці на гаспадарчых пасадах [18].

У 1826 г. школы кантаністаў былі рэарганізаваны ў роты, батальёны, брыгады. На працягу праўлення імператара Мікалая I колькасць гэтых навучальных устаноў і іх выхаванцаў пастаянна павялічвалася. Да 1857 г. у Расіі існавала 52 школы ваенных кантаністаў, па адной амаль у кожным губернскім горадзе, у якіх навучалася 36 тыс. дзяцей. Вучыцца ж у грамадзянскіх школах і вучылішчах ім катэгарычна забаранялася. Рэжым у школах быў выключна суровым, пераважала ваенная муштра. Узровень адукацыі быў ніжэйшым, чым у павятовых вучылішчах, на першае месца ставілася падрыхтоўка да салдацкай службы. На самай справе кантаністы з'яўляліся малалетнімі рэкрутамі. Большая частка з іх на 25 гадоў залічвалася ў салдаты.

Спраба Мікалая I зрабіць з краіны ўзорна-паказальную казарму пацярпела няўдачу. Аляксандра II перспектыва стаць новым «бацькам салдат» не прываблівала. Існаванне ваенных пасяленняў не апраўдала сябе, выклікала вялікія расходы, пасяленцы вельмі збяднелі і для дзяржавы сталі эканамічна нявыгадны. У 1856 г. каранацыйным маніфестам Аляксандра II інстытут кантаністаў ліквідавалі, а ў 1857 г. ліквідавалі і ваенныя пасяленні.

Гарнізонная школа ў Смаленску была створана ў ліку першых 15-ці ў Расіі. Знаходзілася яна ў Казанскай слабадзе, непадалёку ад крапасной сцяны, на месцы цяперашняй сярэдняй школы. У 1798 г. атрымала назву ваенна-сіроцкі дом, а з 1826 г. была пераўтворана ў батальён ваенных кантаністаў.

Салдаты-кантаністы.

На фотаздымку злева *Канстанцін Яўграфавіч Дзікаў* з в. Цімоніна Ніжагародскай губерні, справа *Юрый Іванавіч Смолік* з в. Каловічы

Вучылі пісьму, рамёствам і элементам ваеннай справы. За атрыманую адукацыю кантаністы-выпускнікі былі абавязаны праслужыць у войску ад трох да дваццаці пяці гадоў. Гады знаходжання ў кантаністах не залічваліся ў тэрмін ваеннай службы. Дзеці дваран служылі 3 гады, обер-афіцэраў – 6, духоўных асоб – 8, астатнія – 25 гадоў. Асобныя кантаністы

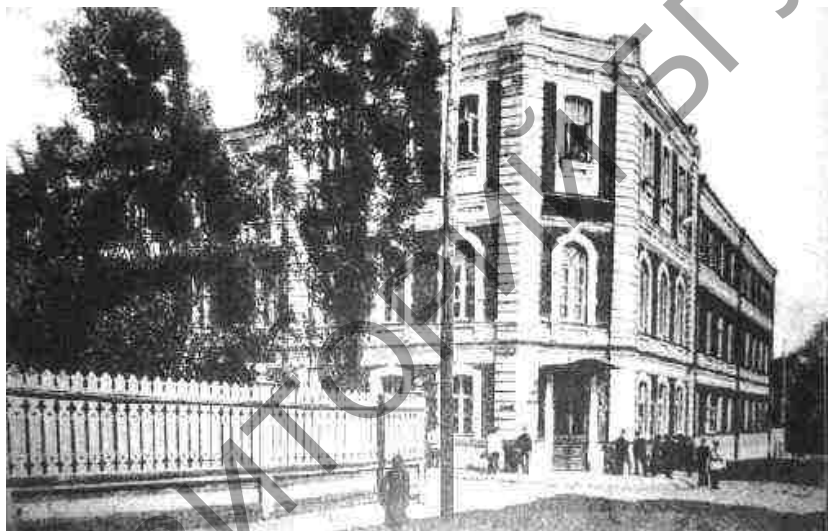
прызначаліся на нестраявыя пасады ваеннага і марскога ведамстваў у якасці пісараў, фельчараў, вахцэраў і г. д. Частку выпускнікоў кантанісцкіх школ накіроўвалі на страйваю службу ў войска, а больш здольныя становіліся настаўнікамі ў тых навучальных установах, якія закончылі самі.

У школы кантаністаў залічвалі ў сямігадовым узросце, і Іван пакінуў Каловічы ў 1856 г. Такім чынам, хлопчыку «свяціла» перспектыва амаль усё жыццё знаходзіцца на вайскавай службе, але лёсам яму было наканавана іншае прызначэнне.

І. К. Кандрацьеў пакінуў школу кантаністаў у сувязі са спыненнем дзейнасці навучальных устаноў дадзенага тыпу. З гэтага часу распачаўся працэс паступовага пераўтварэння кантанісцкіх школ у вучылішчы ваеннага ведамства, перайменаваныя ў ваенна-пачатковыя школы, а ў 1868 г. – у ваенныя прагімназіі. Рэформа, безумоўна, закранула і смаленскую школу, пэўную частку яе навучэнцаў, у тым ліку і Івана Кандрацьева, размеркавалі па іншых навучальных установах. Пазней, стаўшы пісьменнікам, Кандрацьеў у аповесці «Драма на Лубянке» створыць літаратурны вобраз маскоўскага сышчыка, які прай-

шоў муштру ў школе кантаністаў: «Гавриил Яковлев по происхождению был из военных кантонистов и службу свою начал аудиторским писарем. На поприще же сыщика он вступил в 1803 году и оставался им включительно до 1828 года...», і далей: «Суровая школа, которую он прошел в детстве, будучи кантонистом, научила его пользоваться крохами от других и быть довольным всем, что попадалось под руки» [Кондратьев 1992, с. 19, 99].

Правучыўся ён у Смаленску ўсяго два гады і ў 1858 г. быў пераведзены ў фельчарскую школу пры Санкт-Пецярбургскай медыка-хірургічнай акадэміі, якая ўяўляла сабой вельмі своеасаблівую навучальную ўстанову.

Фельчарская школа
пры Санкт-Пецярбургскай медыка-хірургічнай акадэміі

Будынкі акадэміі размяшчаліся на Ніжнегародскай вуліцы, пачыналіся ад Ліцейнага маста. Пабудавалі іх па праекце дойлідаў А. Порта, А. Вараніхіна, А. Захарава. Цэнтральная частка была як бы адсунута ў глыбіню і ўпрыгожана порцікам з каланадай. Сіметрычныя «крылы» працягнуліся ўздоўж вуліцы, і ў выніку займалі цэлы квартал. Непадалёку ад асноўнага будынка размяшчаліся карпусы лабараторый і клінікі.

Падначальвалася акадэмія ваеннаму міністэрству і рыхтавала ўрачоў, ветэрынараў і фармацэўтаў для арміі, флоту і грамадзянскіх ведамстваў. Стыпендыяты ваеннага міністэрства павінны былі пасля заканчэння вучобы несці ваенную службу. У акадэміі налічвалася прыкладна паўтары тысячы студэнтаў, а

стыпендый было ўсяго 200. Таму стыпендыі прапаноўваліся толькі найбольш паспяваючым студэнтам, аднак кожны мог і адмовіцца ад атрымання стыпендыі, каб у далейшым не мець абавязкаў перад ваенным ведамствам. Большая частка студэнтаў была з разначынцаў і, безумоўна, шмат з іх былі матэрыяльна не забяспечаны. За навучанне яны вымушаны былі плаціць 50 рублёў у год (па 25 рублёў у пачатку кожнага паўгоддзя). Калі аплата затрымлівалася больш чым на два месяцы, студэнта з акадэміі выключалі, і ён мог аднавіцца толькі пры ўмове ліквідацыі запазычанасці. Лекцыі ў акадэміі чыталіся шэсць дзён у тыдзень і заканчваліся а трэцяй гадзіне. У пасляабедзенны час студэнты працавалі ў анатамічным тэатры, лабараторыях, клініках, слухалі факультатывы. Сярод выкладчыкаў акадэміі былі такія вядомыя за межамі Расіі прафесары, як А. П. Барадзін, М. І. Пірагоў, П. Ф. Лесгафт, І. П. Мержаеўскі, І. М. Сечанаў і інш.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУИМ

Вільня. Літаратурны дэбют

Звестак пра гады юнацтва Івана Кандрацьева адшукаць не ўдалося. Па нявысветленых абставінах ён не скончыў фельчарскую школу. Вядома, што ў другой палове 1860-х гг. апынуўся ў Вільні, дзе паступіў на службу ў канцылярыю папяршчага Віленскай вучэбнай акругі. У Вільні пачынаецца літаратурная дзейнасць.

Сацыяльна-палітычная сітуацыя ў гэты час у Літве і Беларусі была складаная. Палітыка Расіі ў адносінах да тэрыторый, далучаных у выніку трох падзелаў Рэчы Паспалітай да Расійскай імперыі, ва ўсіх сферах грамадскага жыцця мела вялікадзяржаўную накіраванасць. Улады імкнуліся распаўсюдзіць свой уплыў на насельніцтва, вялікая роля надавалася сродкам культурна-духоўнага ўздзеяння. Забаронена беларуская мова ў школах і цэрквах, афіцыйна дзяржаўнай і найбольш распаўсюджанай стала руская. Пасля нацыянальна-вызваленчага паўстання 1863–1864 гг., у якім актыўны ўдзел прынялі беларусы і літоўцы, расійскі ўрад праводзіў жорсткую палітыку, асабліва ўвага надавалася русіфікацыі адукацыі. Быў устаноўлены рэжым выключных законаў, накіраваных на памяншэнне польскага і ўзмацненне рускага ўплыву. Мясцовых настаўнікаў, медыцынскіх работнікаў, каморнікаў, чыноўнікаў пераводзілі на службу ў цэнтральныя губерні Расіі, а на іх месца адтуль запрашаліся новыя.

У гэты ж перыяд на Віленшчыне сфарміравалася своеасабліва руская літаратура, за якой замацавалася назва «літаратурная ўскраіна». Пры гэтым «ўскраіннасць», адзначае П. Лаўрынец, разумелася як іншая якаснасць у адносінах да вялікай літаратуры цэнтральных губерняў Расіі; як асабліва са сваімі безумоўнымі каштоўнасцямі існасць, без якой цэласны малюнак рускай літаратуры быў бы няпоўны; і як – і гэта асабліва важна – адлюстраванне ў ёй літаратурных матываў карэннага насельніцтва краю [57, с. 5]. Пра прысутнасць рускай літаратуры ў Літве сведчыць часовае знаходжанне ў Вільні вядомых рускіх

літаратараў: В. А. Жукоўскага, П. В. Кукальніка, Л. В. Ляванды, В. фон Роткірха і іншых, – творы якіх друкавалі мясцовыя газеты і часопісы. Паступова заяўлялі аб сабе маладыя паэты і пісьменнікі (М. Ліпкін, А. У. Жыркевіч), што крок за крокам займалі прыкметнае месца ў літаратурным, журналісцкім і навуковым свеце. Гадамі юнацтва І. Кандрацьёў быў звязаны з Вільняй, з «літаратурнай ускраінай», прадстаўнікі якой, безумоўна, аказалі значны ўплыў на маладога паэта.

Казённая служба, напэўна, не задавальняла творчага, эмацыянальнага юнака. Больш вабіла мастацтва, сведчанне таму яго вершы, а потым акцёрская і рэжысёрская дзейнасць. Пакінуўшы службу, спрабуе сябе як акцёр, памочнік рэжысёра ў тэатры Вільні, драматург, друкуе вершы ў газетах і часопісах. З сярэдзіны 1860-х гг. творы Івана Кандрацьёва з’яўляюцца ў газеце «Віленскі вестник», пецябургскіх перыядычных выданнях «Воскресный досуг», «Иллюстрированная газета». З канца 1868 г. на пачатак 1871 г. у «Віленском вестнике» былі змешчаны некалькі вершаў [Кондратьев 1868, 1869а, б, в, г, д], «драматычны жарт» у трох карцінах «Сценка на віленской толкучке» [Кондратьев 1869е], пераклады беларускіх песень, этнаграфічна-бытавы нарыс «Торг в местечках Северо-Западного края» [Кондратьев 1871].

«Віленскі вестник» 1897 г.

Па загадзе генерал-губернатара Паўночна-Заходняга краю М. Мураўёва з 1864 г. «Виленский вестник» выходзіў толькі на рускай мове. Беларускае слова фактычна было выключана з дзяржаўнага і грамадскага ўжытку. Моўную сітуацыю XIX ст. дакладна вызначыў Я. Колас у артыкуле «Беларуская мова ў казённай школе», у якім аналізуюцца прычыны пасіўнага выкарыстання роднай мовы інтэлігентамі-беларусамі ў XIX–пачатку XX ст. Перашкодай на шляху функцыянавання беларускай мовы з’яўлялася палітыка расійскіх улад. Абапіраючыся на гістарычныя факты, Я. Колас тлумачыў, што мова беларусаў вякамі вытрусвалася з народнай свядомасці, беларускае слова ганьбілася, асмейвалася, выганялася. А на таго, хто выступаў з родным словам, пазіралі як на дзівака, з якога можна было толькі пасмяяцца. Закона, які б забараняў публікацыі на беларускай мове, не існавала, але расійская цэнзура ў 1863–1888 гг. не прапусціла ніводнага такога выдання.

Літаратурны дэбют І. К. Кандрацьева адбыўся ў «Виленском вестнике», дзе надрукавалі яго першы верш «Вильня 22-го октября 1868 г.», напісаны з нагоды асвячэння Прачысценскай царквы, адноўленай фактычна з руін. Змест верша адпавядае афіцыйнай гістарыяграфіі: эпоха засілля каталіцызму і паўстання 1863 г. скончылася, на змену «змрочнаму» мінуламу прыходзіць «светлая» сучаснасць [57, с. 47]:

Уж не та ты стала:
Время протекло,
Буря замолчала,
Горе отошло.
Пронеслася туча,
Словно не была,
Стала ты могуча,
Снова зацвела. <...>
Не несет с волнами
Вилия – плач, стон
Над детьми, мужьями
Православных жен...
А тиха внимает
Речи русских слов,
И с волной сливает
Гул колоколов <...> [Кондратьев 1868].

У гэты ж перыяд у «Вестнике» з’явілася яшчэ некалькі падобных вершаў І. К. Кандрацьева: «Пречистенская церковь» [Кондратьев 1869а], «Вильна» [Кондратьев 1869б], «С каждым годом в крае нашем...» [Кондратьев 1869в], «19 февраля» [Кондратьев 1869г], «С природы» [Кондратьев 1869д]. Рэдакцыя газеты змясціла заўвагу, што аўтар – малады селянін Вілейскага павета (ён так і падпісваўся «Крестьянинъ *Ив. Кондратьевъ*». – *заўваг. А. С.*), таму апраўданы прамалінейнасць і недасканаласць формы вершаў, якія характарызаваліся як узор паэзіі мясцовага беларускага самавука-літаратара: «Стихотворение это (“Пречистенская церковь”. – *заўваг. А. С.*) написано прибывшим в Вильну крестьянином Вилейского уезда Ив. Кондратьевым, которого несколько опытов в этом роде помещено уже нами в прежних номерах “Вестника”» [Кондратьев 1869а].

Селянін Іван Кандрацьеў прастадушна апісвае сцэны жыцця вялікага горада. Сюжэт верша «С природы» не складаны: на вуліцы ў слоце стаяць «Мальчик и девчонка / Лет семи на взгляд» і просяць міласціну, а міма імчацца, не звяртаючы ніякай увагі, «Шляпки, панталоны, / Шпоры, каблуки», і толькі адна пані адгукнулася на іх просьбу парадай: «Работать ступай!» [Кондратьев 1869д]. Прапануе свае назіранні ў «драматычным жарце» «Сценка на виленской толкучке» [Кондратьев 1869е]. Рыфмаваныя дыялогі паміж гандлярамі «всяким хламом» і пражымі завяршаюцца заліхвацкім танцам на бруднай маставой. Звычайны кірмашовы дзень апісаны маладым літаратарам у этнаграфічна-бытавым нарысе «Торг в местечках Северо-Западного края» [Кондратьев 1871].

Паэзія віленскага перыяду была пробай пяра паэта-самавука, які не меў прафесійнай літаратурнай адукацыі і толькі становіўся на цяжкі шлях славеснай творчасці. Безумоўна, першыя вершы былі далёкія ад дасканаласці, па змесце ўяўлялі своеасаблівы каментарый афіцыйнай палітыкі М. Мураўёва па аднаўленні ці пабудове праваслаўных храмаў у Беларусі і Літве:

Было время ты страдала –
Жизнь была куда горька!
Ты томилась и стонала
Под рукой поляка.

Над тобой грозой сердитой
Латинизм тогда ходил,
И рукой иезуита
Русский дух в тебе давил...
Храмы русские пустели:
В них, запущенных, одни
Только ветры песни пели,
Да кричали воробьи...
Был твой вид угрюм, печален. –
Но теперь ты расцвела:
Храм за храмом из развалин
Сила веры подняла.
И теперь тебе, счастливой,
Про тяжелый прежний гнет
Лишь волной своей игривой
Тихо Вилия поет.
Расцветай же ты без меры,
За расцвет благодаря,
И молись за край, за веру,
Да за русского Царя! [Кондратьев 1869б].

Але, праслаўляючы рускага цара, І. К. Кандрацьеў не забывае пра свае карані. У «Виленском вестнике» ён публікуе беларускія народныя песні ў перакладзе на рускую мову, якія прадстаўлялі этнаграфічную цікавасць і ўтрымлівалі ў сабе нешта своеасаблівае, выключна ўласцівае беларускай песні. Тры такія песні, у арыгінале і перакладзеныя на рускую мову, былі надрукаваны ў кастрычніку 1869 г. Вопыт выкарыстання рытмічных і інтанацыйных сродкаў і вобразаў рускага і беларускага песеннага фальклору пазней увасобіўся ў яго вершах і песнях. У зборнік паэтычных твораў «Под шум дубрав» [Кондратьев 1898а] увайшла песня «Литвинка», музыку да якой напісаў Г. Залатарэнка:

Раным-рано на широкий Неман
За водой литвинка выходила.
Постояла, рученьки сложила
И, печальная, к нему заговорила:
«Ой ты, Неман, Неман
Черный да суровый!
Где литвин мой храбрый,
Статный, чернобровый?
По весне отъехал
Он с княжой дружиной,
С длинной, острой пикой
И с трубою длинной!»

Раным-рано расшумелся Неман:
На волну волна бурлива набегала,
Пену белую рвала, кружила,
И, играючи, литвинке отвечала:
«Не грусти, девчина,
Смертию героя
Пал твой ратник любимый
Средь полей и боя!
Крестоносец смелый
Прискакал в дружину:
Проколот он сердце
Твоему литвину!»
Раным-рано всколыхнулся Неман,
Руки белыя ломаючи, рыдая,
Словно камень, сорванный с утеса,
В Неман кинулась литвинка молодая [Кондратьев 1898а,
с. 77–78].

Беларускія матывы выразна праяўляюцца таксама ў баладах «В ночь на Купалу» [Кондратьев 1898а, с. 297], «Чурило» [Кондратьев 1898а, с. 110], «Мститель» [Кондратьев 1898а, с. 161].

У 1869 г. малады літаратар вырашыў пакінуць службу чыноўніка і цалкам прысвяціць сваё жыццё мастацтву. Акрамя літаратурнай творчасці І. К. Кандрацьёў спрабуе сябе на тэатральных падмостках, ён паступіў акцёрам у Віленскі тэатр, заснаваны знакамітым артыстам Санкт-Пецярбургскага Імператарскага Александрынскага тэатра П. Васільевым, а затым па чаў пісаць п'есы.

Рускі драматычны тэатр. Вільнюс

У 1870 г. Кандрацьёў напісаў вадэвіль «Волостной писарь, или Где хвост начало, там голова мочало» [Кондратьев 1870]. Гэта немудрагелістая і разлічаная на геданістычнага глядача камічная п'еса. Падзагаловак «Русский водевиль в одном действии» ставіць яе побач са шматлікімі вадэвілямі, якія акцэнтуюць у сваіх назвах этнічны падтэкст. У вадэвілі, гібрыдным жанры, спалучаюцца рысы оперы і камедыі, дзеянне чаргуецца з танцамі і куплетамі – песенкамі персанажаў з характэрнымі для народнай песні вобразамі і непасрэднымі цытатамі. Абставіны і дзеючыя асобы ў п'есе пазбаўлены і намёку на пэўны хранатоп: падзеі адбываюцца ў звычайным мястэчку ў глыбі Расіі. Адносіны аднамерных персанажаў спрошчаны: нячысты на руку, выхвальны і самаўпэўнены валасны пісар Сяргей Горлінкаў зваліў усю работу на свайго памочніка Івана Стружкіна, беднага, але высакароднага, што марыць аб месцы пісара. Яны абодва заляцаюцца да Машы, якая кахае Івана.

Драматургічны дэбют быў адметны выбарам жанру. Прывабны лубок, для чытання і пастаноўкі якога не патрабавалася складанай падрыхтоўкі, з пачатку літаратурнай дзейнасці трывала ўвойдзе ў прафесійны абыходак І. К. Кандрацьева. Аналагічных лубачных карцін у прозе і вершах на самыя разнастайныя тэмы ў маскоўскі перыяд творчасці будзе напісана нямала. П'ескі, сцэны, «жарты», як іх называў сам пісьменнік, ствараліся, з аднаго боку, пад уздзеяннем гумарыстычных апавяданняў папулярнага ў XIX ст. М. А. Лейкіна, з другога, таму што карысталіся поспехам у чытача. Шматлікія падобныя творы, напісаныя ім дастаткова па-майстэрску, з гумарыстычнымі ўстаўкамі і цікавымі характарамі падабаліся, знаходзілі шырокі попыт.

Фарс і вадэвіль – разнавіднасці камедыі. Фарс – невялікая п'еса з прыёмамі грубага камізму, з моцнымі перабольшаннямі. Такі характар мае сцэна высвятлення Горлінкавым законнасці продажу скур местачковым гандляром. Вобраз пісара пададзены ў сатырычным плане. Пісьменнік паказаў усё характэрнае для царскага чыноўніцтва: свавольства, грубасць, хабарніцтва. Прыкметы вадэвіля – лёгкая камедыя, пабудаваная на зямальным сюжэце, любоўнай інтрызе з песнямі-куплетамі. Такі характар мае сцэна кахання Івана Стружкіна і Машы, смешнае заляцанне да Машы валаснога пісара. У сцэнах пераважае гу-

мар, нярэдка адчуваецца вострая іронія. Фармальна-мастацкія сродкі вадэвіля не вызначаюцца разнастайнасцю. П'еса апісальная ў адлюстраванні жыцця мястэчка. У сюжэт уплятаецца немудрагелістая рамантычная інтрыга.

«Волостной писарь» быў напісаны неўзабаве пасля адмены прыгоннага права і паражэння паўстання 1863 г., калі ў краіне наступілі часы рэакцыі. Чыноўніцтва стала паўнаўладным гаспадаром у Беларусі, яно ажыццяўляла ўладу жорсткім і бессаромным чынам. Душылася любая дэмакратычная думка. Царская вярхушка, баючыся новага ўздому прагрэсіўных сіл, была толькі тым і занята, што адсочвала любыя павевы бунтарства з мэтай назаўсёды вытравіць у людзей дух непакорнасці. Гэты час прыйшоўся на руку царскім паслугачам, чыноўніцтву і асабліва тым, хто прывык з усяго на свеце рабіць грошы, не звяртаючы ўвагу на тое, сумленным ці несумленным шляхам гэтыя грошы зароблены. Менавіта гэта – бессаромныя паводзіны царскай мясцовай улады імкнуўся паказаць у сваім творы І. Кондрацьёў. Беззаконнасць улады паўстае перад намі ў вобразе валаснога пісара Сяргея Горлінкава. Першае, што адразу кідаецца ў вочы пры знаёмстве з ім, – неадольная цяга да грошай. Яшчэ не разабраўшыся да канца з правам гандляра на продаж скураных вырабаў Горлінкаў пагражае яму арыштам і канфіскацыяй тавару:

Горлинков: Молчать! Сейчас пишу к становому приставу рапорт: ты будешь арестован, а кожи, для освидетельствования, будут отправлены по принадлежности. Нет потачки! [Кондратьев 1870, с. 2].

Справа набывае іншы паварот, калі гандляр дае хабар пісару:

Торговец: Ромец, ваше благородие, ямайским зовется. Отменный-с! пивал, значит, сам: качество знаю. Не побрезгуйте, ваше благородие: от души приношение... Уж не побрезгуйте, ваше благородие: вот и сахарцу пять фунтиков. Отменный-с! По двадцати пяти копеек серебром платил. Все оно, значит, к чаю... [Кондратьев 1870, с. 2].

У п'есе не даецца непасрэднай характарыстыкі герояў. Але характары выразна паўстаюць праз паводзіны і размовы дзеючых асоб. Пісьменнік паказвае пустую фанабэрлівасць, абмежаванасць Горлінкава. Ён нецікавы і як чалавечая індывідуаль-

насць. У характарыстыцы пісара падкрэслена адно: упартае трыманне за пасаду як сродак нажывы:

Стружкин: Держится крепко. В городе, вишь, покровительство имеет. Да. Трудно проклятого выжить: прилип к этому листу, как смола. Попадется когда-нибудь, попадется. Я хотя и не вижу, а знаю, что он много тово... забирает под свое крылышко. Попадется. Не все вору воровать [Кондратьев 1870, с. 10].

Горлінкаў – чалавек хітры. Акрамя таго, ён добра ведае псіхалогію сваіх кліентаў – гандляра і падобных да яго мяшчан. Яны гатовы даць хабар, абы толькі не пацярпець страты ад гандлю. Нахабства – вось яшчэ адна з асноўных рыс валаснога пісара. Карыстаючыся цемнатой, забітасцю, абмежаванасцю і запалоханасцю мясцовага насельніцтва, ён спасылаецца на розныя законы, абсалютна ўпэўнены ў тым, што ніхто нічога не заўважыць:

Горлинков: Каждый привозящий на ярмарку кожи, должен иметь об их доброкачественности от уездного ветеринарного врача билет [Кондратьев 1870, с. 2].

Калі ж гандляр спрабуе апраўдаць адсутнасць квітка добрай якасцю тавара:

Торговец: Кожи-то у меня, ваше благородие, отменные, стало и без билета можно-с; все же оно как-то тово... безобидно... Потому, значит... [Кондратьев 1870, с. 1], – то пісар прымушае яго замаўчаць і схіляе да хабару. Паводзіны Горлінкава – пародыя на царскую ўладу, якая трымаецца на беззаконнасці. Дарэчы, валасны пісар не супраць пажывіцца і за кошт дзяржаўнай казны. Каб спакусіць Машу, дачку мешчаніна Пятра Курылы, мясцовы чыноўнік вырашае прысвоіць казённыя грошы:

Горлинков: Только денег нет. Ба! (бьет себя по лбу). Вот они! Есть! (вынимает из кармана ключи и побрызгивает ими). Можно позаимствовать. В сундуке четыреста рублей. Сегодня проверяли и ключи у меня оставили. Дело! Теперь мы знаем что делать. (Пауза.) Страшновато. Черт возьми! Попадешься и не выпутаешься... Да что я? Что, разве в первый раз. Новичок я в этих делах, что ли? [Кондратьев 1870, с. 7].

Хабарнікі, злодзеі, хітруны кіравалі грамадствам. Гэта моцна хвалявала літаратара, і як пратэст быў напісаны вадэвіль.

У 1866 г. праблему мясцовай судовай улады адлюстравіў В. Дунін-Марцінкевіч у фарсы-вадэвілі «Пінская шляхта». Праўда, апублікаваны гэты твор быў толькі ў 1912 г.

Такім чынам, І. К. Кандрацьёў выкрывае чыноўнікаў-кручка-твораў, якія імкнуцца нажыцца літаральна на ўсім: і сапраўдных крымінальных справах і дробязных адхіленнях ад прадпісанняў мясцовай улады. У п'есе створаны жыццёва праўдзівыя вобразы купцоў як прадстаўнікоў сярэдняй і дробнай буржуазіі, якая хутка расла ў парэфарменны перыяд. Для іх багацце, нажыва вышэй за ўсё, перад бляскам золата адступаюць сумленне, гонар, вера. Яшчэ больш паглыблена гэта праблема тыка адлюстравана ў п'есе «Ради копеечки», якая будзе напісана драматургам у 1873 г. у Маскве.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУ

Частка другая

МАСКВА

Вялікія спадзяванні

Політэхнічная выстаўка. Малады драматург і актёр-аматар упершыню пабачыў Першапрастолюную ў маі 1872 г. Можна ўявіць сустрэчу з горадам 23-гадовага маладога чалавека, які прыехаў яго заваёўваць. «Наш полупустой поезд остановился на темной наружной платформе Ярославского вокзала, и мы вышли на площадь, миновав галдевших извозчиков, штурмовавших богатых пассажиров и не удостоивших нас своим вниманием <...> Мы шли со своими сундуками за плечами. Иногда нас перегоняли пассажиры, успевшие нанять извозчика <...> Миновали вокзалы... и опять зашагали посредине узких переулков вдоль заборов, разделенных деревянными домишками и запертыми наглухо воротами. Маленькие окна отсвечивали кое-где желто-красным пятнышком лампадки... Темь, тишина, сон беспробудный. Вдали два раза ударил колокол – два часа! <...> Так меня встретила в первый раз Москва...» – такім пабачыў горад у 1873 г. малады У. А. Гіляроўскі [7, с. 11]. А годам раней Масква сустракала натхнёнага правінцыяла Івана Кандрацьева ў поўным парадзе, і, канешне, уразіла.

1872 г. быў асаблівы для горада. Масквічы і іх госці жылі Першай Усерасійскай політэхнічнай выстаўкай, прысвечанай 200-гадоваму юбілею з дня нараджэння Пятра I. Велізарны выставачны гарадок амаль з сотні павільёнаў быў запоўнены экспанатамі прамысловых, сельскагаспадарчых, ваенных, навукова-тэхнічных і культурных дасягненняў Расійскай імперыі, на аснове якіх пазней былі створаны Політэхнічны і Гістарычны музеі.

Драўляны павільён-шацёр у Крамлі таварыства аматараў прыродазнаўства, антрапалогіі, этнаграфіі, пабудаваны да Політэхнічнай выстаўкі 1872 г.

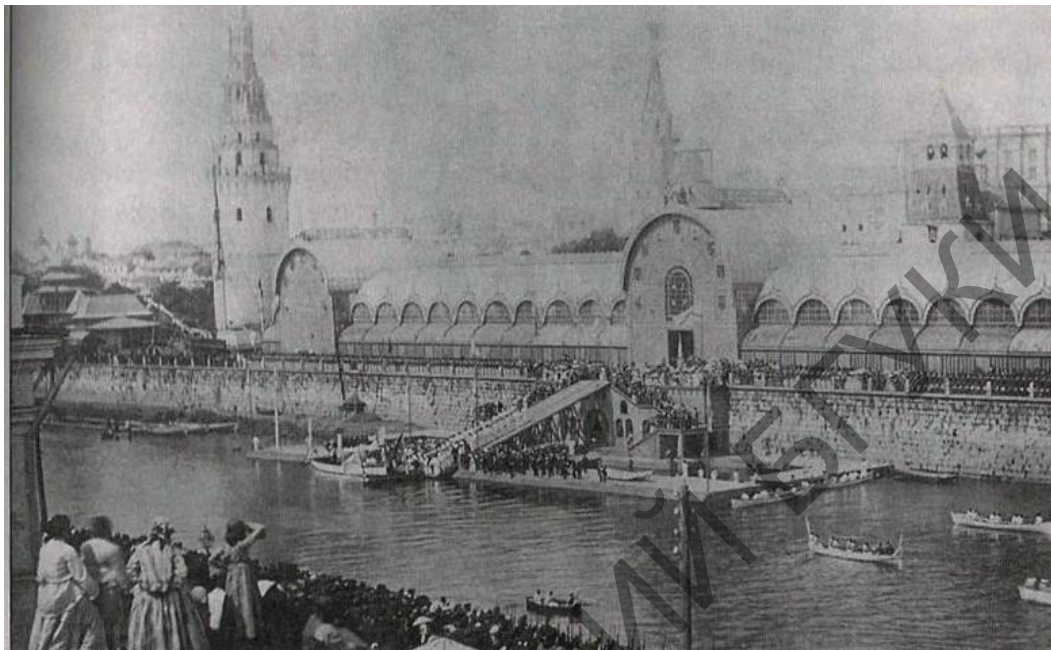
Марскі жалеза-шкляны павільён з канструкцыямі Пуцілаўскага завода

Генеральны план Політэхнічнай выстаўкі ў Маскве. 1872 г.
Фотаздымак з альбома «Инженерное наследие Москвы
в собрании Политехнического музея». М., 2000

Выстаўка, якая стала першым вопытам павільённага збудавання, размясцілася ў самым цэнтры Масквы – у Аляксандраўскім садзе, на Крамлёўскай наберажнай, Варварскай плошчы, і праходзіла з 30 мая па 1 верасня, на ёй пабывалі 750 тысяч чалавек. Пра маштабы сведчыць і той факт, што яе «наведаў»

сам боцік Пятра Вялікага – дзядуля рускага флоту, які быў урачыста адпраўлены з Санкт-Пецярбурга ў Маскву і спушчаны на ваду ў Маскве-рацэ. Таму ў афіцыйнай частцы праграмы святкавання ў Санкт-Пецярбургу замест боціка ў парадзе на Няве ўдзельнічала іншая лодка пятроўскага часу.

Урачысты прыём боціка на Маскоўскую політэхнічную выстаўку ў дзень святкавання 200-гадовага юбілею Пятра I 30 мая 1872 г.

Урачыстае адкрыццё выстаўкі адбылося 30 мая ў прысутнасці Вялікага князя Канстанціна Мікалаевіча, маскоўскага губернатара князя Даўгарукава і іншых афіцыйных асоб. Спецыяльна да знамянальнага дня П. І. Чайкоўскі напісаў кантату, якая была выканана музыкантамі Вялікага тэатра на Траецкім мосце Крамля.

Удзельнічалі прыкладна 2 тыс. замежных (з Аўстра-Венгрыі, Бельгіі, Вялікабрытаніі, Германіі і інш. краін) і звыш за 10 тыс. расійскіх экспанентаў. Дэманстраваліся машыны, параходы, паравозы, схема пабудаваных чыгунак і праектаў, шматлікія прыборы, сельскагаспадарчыя вырабы, прадметы мастацтва і інш. Да выстаўкі ўпершыню была пракладзена лінія коннай чыгункі. Праводзіліся навуковыя і тэхнічныя чытанні, дыспуты, лекцыі, дзейнічалі публічныя педагагічныя курсы. Штодзённа выходзіла газета «Вестник Московской политехнической выставки» [1].

Народны тэатр. З выстаўкай звязана і спроба стварыць у Маскве агульнадаступны народны тэатр. Вядома, што Пётр I быў заснавальнікам першага публічнага тэатра ў Маскве, пагэ-таму вырашылі на перыяд правядзення выстаўкі адкрыць на-родны тэатр. На Варварскай плошчы каля сцен Кітай-горада было пабудавана вялікае драўлянае памяшканне, у якім ставі-ліся спектаклі з удзелам вядомых акцёраў.

Народны тэатр на Варварскай плошчы,
пабудаваны да Політэхнічнай выстаўкі. Архітэктар М. А. Шохін

Працаваў народны тэатр пад кіраўніцтвам знакамітага акцё-ра, рэжысёра, драматурга і тэатральнага педагога А. Ф. Фядо-тава, які сабраў выдатнейшых акцёраў правінцыі (А. П. Ленскі, М. Х. Рыбакоў і інш.) і маладыя таленты. І. Кандрацьёў такса-ма ўдзельнічаў у спектаклях і нават ставіў спектаклі па сваіх п'есах.

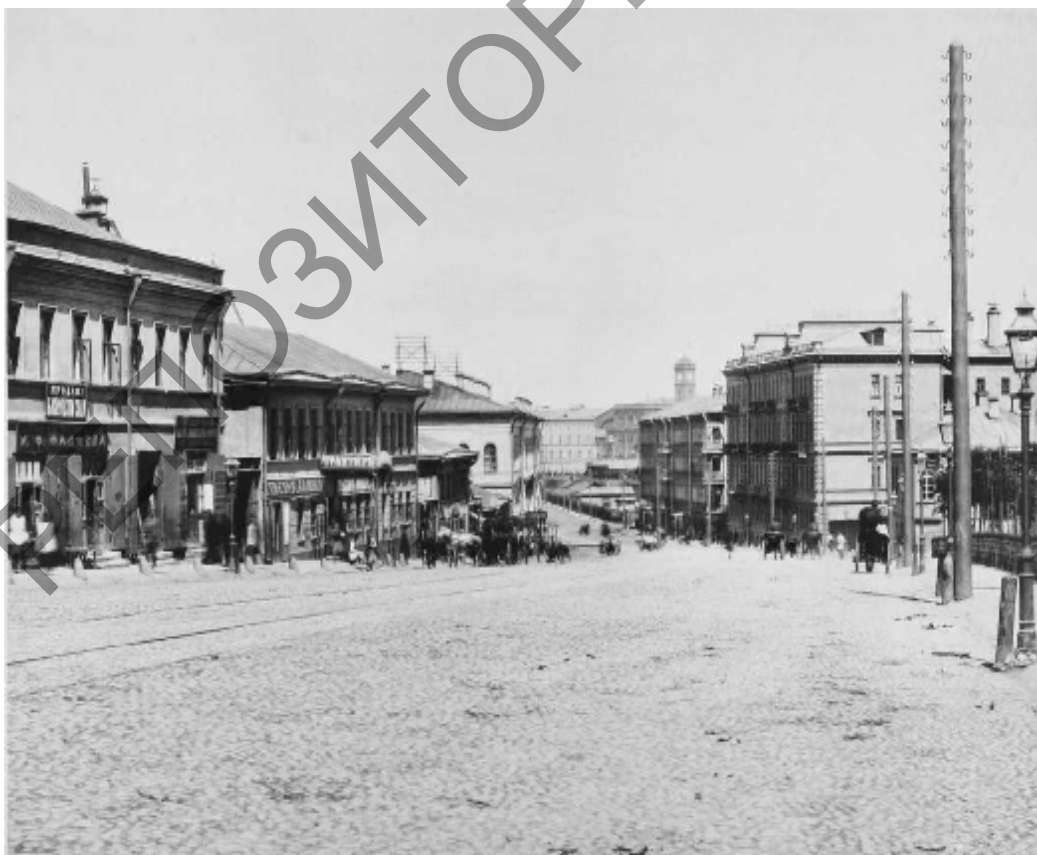
Тэатр адкрыўся спектаклем «Рэвізор». Упершыню ў Маскве на сцэне ажыццёўлена пастаноўка ў нескажоным цэнзурай вы-глядзе. На жаль, лепшы спектакль тэатра быў неўзабаве зняты. Рэпертуар складалі творы рускай класічнай драматургіі – п'есы Фанвізіна, Пушкіна, Астроўскага, Гоголя; былі пастаўлены му-зычныя спектаклі Глінкі, Даргамыжскага і інш. Спектаклі На-роднага тэатра вызначаліся высокай рэжысёрскай культурай, зладжанай іграй акцёраў і карысталіся попытам у глядачоў.

Камісіяй апекі аб рабочых і рамесніках праводзіўся конкурс п'ес для народнага тэатра, у якім удзельнічаў і І. К. Кандраць-ёў. Па выніках конкурсу яго гістарычная драма «На Паволжы»

была признана лучшей, а аўтару быў прысуджаны Вялікі залаты медаль. У п'есе драматург вуснамі казака Ханіна заклікае народ ісці шляхам Пугачова, каб дабіцца лепшай долі. Па гэтай прычыне ў 1873 г. п'еса была забаронена да пастаноўкі. Змест яе прынцыпова адрозніваецца ад першых паэтычных твораў віленскага часу, у якіх ухвалялася палітыка генерал-губернатора М. Мураўёва. Погляды, увасобленыя ў п'есе, былі сугучны прагрэсіўным ідэям дэмакратычных колаў.

Перад закрыццём выстаўкі А. Ф. Фядотаў і іншыя грамадскія дзеячы хадайнічалі аб пераўтварэнні народнага тэатра ў пастаянны, аднак прашэнне адхілілі. Народны тэатр больш не існаваў, памяшканне і маёмасць былі набыты зноў арганізаваным прыватным агульнадаступным тэатрам, у трупі якога перайшлі некаторыя акцёры народнага тэатра. Іван Кандрацьёў, натхнёны першым поспехам, вырашыў займацца літаратурнай дзейнасцю.

Грошай не было, і Кандрацьёў селіцца ў канцы Каланчоўскай вуліцы, каля плошчы трох вакзалаў, у мансардзе дома Магероўскага.

Каланчоўская вуліца ў 1900-е гг.

Сваё ўражанне ад кандрацьеўскай кватэры перадае А. Дабравольскі: «Квартира Кузьмича находилась в чердачном помещении. Собственно говоря – какая же это квартира? Комната с низким потолком, из обстановки лишь стол, кровать да несколько стульев. Вот и все. Словом – мансарда. В Париже в таких мансардах обитали поэты, художники, непризнанные гении. Люди искусства, бедняки, терпеливо ждавшие своего часа, верившие в то, что, наконец, взойдет их звезда и они прославятся» [11, с. 216]. Міжволі выплывае вобраз паэта, намалёваны С. Ясеніным:

Сидит он в тесном чердаке,
Огарком свечи режет взоры,
А карандаш в его руке
Ведет с ним тайно разговоры.
Он пишет песню грустных дум,
Он ловит сердцем тень былого.
И этот шум, душевный шум...
Снесет он завтра за целковый.

Дом на вул. Каланчоўскай,
дзе знаходзілася кватэра І. К. Кандрацьева

Літаратурны вопыт. На Політэхнічнай выстаўцы І. Кандрацьеў пазнаёміўся з шэрагам творчых дзеячаў, у прыватнасці з сялянскім паэтам І. З. Сурыкавым. У гэты перыяд у Маскве жывуць многія знакамітыя пісьменнікі: Л. М. Талстой, У. Г. Караленка, А. В. Сухаво-Кабылін, М. Я. Салтыкоў-Шчадрын

і інш., выдаецца вялікая колькасць літаратурна-мастацкіх і навуковых часопісаў і газет. Маладога літаратара хутка заўважылі, пачалі прапаноўваць да друку яго лепшыя вершы, апавяданні, нарысы. І. Кандрацьеў супрацоўнічаў у наступных перыядычных выданнях: «Волна», «Мирской толк», «Развлечение», «Русский сатирический листок», «Свет и тени» і інш. пад сваім імем і пад псеўданімамі «Археолог Кузмич, Всеволод Андрианов, И. К., И. К-в, Иван Незевайкин, И. Погорелин, Иван Негейне и др.» [20, с. 8]. (Вялікая колькасць псеўданімаў стварае пэўныя цяжкасці пры вызначэнні аўтарства твораў. Велізарная літаратурная спадчына пісьменніка патрабуе асобнага даследавання.) Часопісы «Мирской толк» і «Свет и тени» асвятлялі ўсе асноўныя падзеі грамадскага і палітычнага жыцця і карысталіся прызнаннем публікі. Рэдактара часопісаў М. Л. Пушкарва часта каралі, прыпыняючы выхад часопіса альбо забараняючы рознічны гандаль (напрыклад, за малюнак, прысвечаны падзеям 1 сакавіка 1881 г., на якім паказана вісельня з подпісам: «Наше оружие для решения насущных вопросов»). У часопісах Пушкарва супрацоўнічалі А. П. Чэхаў і яго брат, мастак Мікалай Чэхаў.

І. К. Кандрацьеў быў прыхільна прыняты ў маскоўскім літаратурна-мастацкім асяродку: І. Сурыкавым, У. Гіляроўскім, М. Успенскім, А. Чэхавым, М. Чэхавым, А. Саўрасавым, І. Левітанам і інш. Іван Белавусаў у сваіх успамінах не раз згадвае беларускага пісьменніка [4]. Захаваліся два лісты І. Кандрацьева, адрасаваныя ў 1873 г. Ф. Д. Няфёдаву, пісьменніку-народніку [34]. Іх змест дазваляе меркаваць аб даволі блізкіх сяброўскіх адносінах паміж імі. І. К. Кандрацьеў з галавой акунаецца ў літаратурнае жыццё Масквы. Становіцца актыўным удзельнікам літаратурна-музычнага гуртка, які стварыў Іван Сурыкаў для пісьменнікаў-самавукаў з народа. У праграмным зборніку гуртка «Рассвет» (1872) надрукаваны кандрацьеўскія паэтычныя і праязічныя творы. Працуе адначасова ў некалькіх рэдакцыях часопісаў і газет, выконваючы абавязкі сакратара. У 1878–1884 гг. рэгулярна публікуе свае творы ў часопісах «Свет и тени» і «Мирской толк». Толькі ў названых часопісах І. Кандрацьеў з 1879 па 1884 г. апублікаваў прыкладна 120 вершаў і вершаваных перакладаў з Гётэ, Т. Мура, Байрана, Ленау, А. Мейснера, Э. По, В. Гюго і інш. Ён пісаў таксама песні, думы, быліны, народныя казанні, паэмы, драмы, жарты, вадэвілі,

аповесці, раманы, якія на працягу двух дзясяткаў гадоў пад 34 псеўданімамі друкаваліся ў перыядычных выданнях: «Курьер», «Ремесленной газете», «Русской газете», «Новостях дня», часопісах «Волна», «Московское обозрение», «Спутник», «Россия».

Літаратурная дзейнасць І. К. Кандрацьева развівалася ў адзін з найбольш складаных і супярэчлівых перыядаў у гісторыі рускай літаратуры. У 1870-х гг. у Расіі шырокі размах набылі ідэі народніцтва. Народнікі зыходзілі з формулы «ўсё для народа, усё сіламі народа». У літаратуры паглыбляецца цікавасць да народа, пераважна сялян і рабочых, іх мыслення, звычаяў і патрэб. Так, таленавіты пісьменнік М. В. Успенскі выпускаў у 1872 г. тры тамы нарысаў і апавяданняў «Картины русской жизни», якія сталі значнай з’явай рускай літаратуры. І. Бунін называў яго адным з першых і буйнейшых народных пісьменнікаў своеасаблівай школы, якая ўзнікла ў 60-я гг. Малады Кандрацьеў добра ведаў жыццё народа, яго думы, мары. У вершы «Угасла жизнь» ён пісаў:

Не избалован я судьбой.
Я видел всё: я видел горе,
Я знал тяжелую нужду,
Встречал лихву, встречал вражду, –
И все переносил я вскоре [Кондратьев 1898а, с. 182].

І. К. Кандрацьеў ужо быў здольны перапрацаваць і па-мастацку ўвасобіць сацыяльныя працэсы, якія адбываліся ў народным жыцці.

Масква прыняла таленавітага правінцыяла. Усе свае спадзяванні малады чалавек звязаў з гэтым горадам. Ён прыехаў заваёўваць Маскву, і ў яго атрымалася. Здавалася, удача ўсмінулася яму. Перамога, узнагарода, але жыццё складаецца не толькі з узнагарод. Вялікія спадзяванні на прыжыццёвае літаратурнае прызнанне не спраўдзіліся.

Па дзікіх стэпах Забайкалля

Надзвычайны талент пісьменніка праяўляецца ў разнапланавай і разнастайнай творчай дзейнасці. Пяру І. К. Кандрацьева падуладны ўсе жанры. Крытыкі прызнавалі яго неверагодную працаздольнасць. Нешматлікія даследчыкі, што звярталіся да твораў пісьменніка, адзначалі выдатнае веданне народнай творчасці, выкарыстанне ў паэзіі інтанацыйных сродкаў і вобразнаў песеннага фальклору [20; 57]. Дарэчы, паэт збіраў і выдаваў песні, сам сачыняў.

Паэзія І. Кандрацьева маскоўскага перыяду адметна версіфікатарствам, што для прафесіянальнага літаратара з'яўляецца неабходнай якасцю. У паэтычных экзерсісах відавочна адчуваецца някрасаўскія і нікіцінскія матывы; галоўны акцэнт робіцца на сум, плач, цяжкі лёс народа. Па змесце гэта паэзія любові да працоўнага чалавека, паэзія спачування і спагады. Шырока прадстаўлена разнастайнасць жыццёвых драм і пакут. У вершах «Вдовушка», «Кукушка», «Доля-горе», «Кувшин», «За стеной» і іншых творах паэт паказвае галечу і сіроцтва. Значная колькасць вершаў, балад, апрацаваных народных легенд адлюстроўваюць праблемы смерці, згасання жыцця, пахавання блізкіх. Паказальныя вершы «Рябина», «Похороны», «Курган», «Над могилою», «Смерть казака» і інш. У паэтычных творах пастаянна прысутнічаюць матывы дэспатызму багатага мужа, шлюб па прымусе, нераззеленага кахання, здрады (для прыкладу можна назваць «Дочерино горе», «Рано полюбила», «Кручинушка» і інш.). Расійскі літаратуразнавец К. Новікаў адзначаў: «Жизнь в его стихотворениях оказывается безрадостной, свет – печальным» [29, с. 251]. Так, паэзія І. Кандрацьева напоўнена сумам і горыччу, але іх не трэба разглядаць у якасці асноўнага аднастайнага настрою.

Сярод твораў І. Кандрацьева нямала песень, дум, былін, народных казанняў, заснаваных пераважна на беларускім, літоўскім, польскім, украінскім фальклору. Яшчэ ў Вільні ён перакладаў на рускую мову беларускія народныя песні, выкарыстоўваў фальклорныя сюжэты («Под шум дубрав», «Песни родины», «Сила песни»).

Паэтычныя творы І. К. Кандрацьева склалі два зборнікі «Думы и были» і «Под шум дубрав» [Кондратъев 1898а].

ПОДЪ ШУМЪ

ДУБРАВЪ

— Песни —
— Думы —
— Клеветы —
— Народные сказки —

И. К. Кондратъевъ.

Изданъ В. А. Могилевъ

МОСКВА.
Госиздатъ Г. Лисовскій и А. Галкина
Спешная доставка А. С. Тумана
Адресъ: Москва, Бродяжескій В. Ку., 5. Январь.
1938.

Ім створаны і больш буйныя паэтычныя творы, у 1894 г. напісаны дзве казкі ў вершах: «Снегурочка» [Кондратъев 1894а] і «Сивка-Бурка вещая каурка» [Кондратъев 1894в]. Сучаснікі пазітыўна адгукнуліся на паэмы «Полтавская певунья» і «Альманзор».

І. К. Кандрацьеў быў выдатным знаўцам песеннай творчасці. Песню разглядаў як сродак самавыяўлення народа. У народнай песні, на думку І. К. Кандрацьева, увасоблена сувязь мастацкай творчасці з законамі чалавечай псіхікі і светабудовы. Так, у каляндарна-абрадавай песні адлюстроўваецца распа-

знавальная масавай свядомасцю ўпарадкаванасць з'яў прыроды, у аснове якой – уяўленні аб пастаянным узнаўленні. Універсальная ідэя народнай песні – захаванне традыцый сям'і, роду, працяг жыцця ў часе і прасторы. З гэтай кардынальнай ідэалагемы вынікаюць вытворныя ад яе ідэі ўшанавання продкаў, раслін, урадлівасці зямлі.

Паэта ўражвалі традыцыйныя выразныя сродкі народнай песеннай семантыкі і сінтаксіса: метафары, эпітэты, сімвалы, псіхалагічныя паралелізмы. На погляд І. К. Кандрацьева, у беларускіх і рускіх народных песнях увасобіліся ментальныя характарыстыкі народа, этнічныя духоўныя каштоўнасці. Шырокая панарама жыцця народа, нацыянальны каларыт, багацце народнай песні па-майстэрску адлюстраваны ў паэзіі мастака слова. У вершы «Песня ты русская», характарызуючы ўлюбёны жанр, ён пісаў: «Гнев против доли тяжелой... Силушка з правдою голой – / Все совместилося в тебе» [Кондратъев 1898а, с. 4]. З-пад яго пяра выйшлі добра вядомыя і любімыя ў Беларусі і Расіі песні: «Чудо-гусли», «Сила песни», «Свирель», «То песни родины моей...», «Достался жребий мне святой...», «Черноброва краса Дуся...» і інш. Выкарыстоўваючы традыцыйныя рытмічныя і інтанацыйныя вобразы народнай песні, характэр-

ныя лірычныя тэмы, І. К. Кандрацьеў з лёгкасцю дасягаў выразнасці, сардэчнасці, арганічнай паэтычнасці і эмацыянальнага ўздзеяння на слухача. Паэт стварыў шэраг гарадскіх рамансаў, якія атрымалі папулярнасць і ўвайшлі ў песенны фальклор. Сярод іх найбольш вядомымі і сёння з'яўляюцца «Эти очи – темны очи», «Очаровательные глазки».

Кандрацьеўскія песні настолькі папулярны і любімы, што даўно сталі народнымі. У асяроддзі катаржан Сібіры з 1880-х гг. бытвала песня «Бродяга», шырокавядомая як «По диким степям Забайкалья...». З пачатку ХХ ст. яе ўжо спявалі ва ўсіх кутках Расійскай імперыі, спяваюць і сёння за святочным сталом, у канцэртных залах многіх краін свету. На нашу думку, напісана яна была пад уражаннем паўстання 1863–1864 гг. пад кіраўніцтвам Кастуся Каліноўскага, расправы царскіх улад з народнікамі. Тысячы змагароў за лепшую долю і волю ссылаліся на катаргу ў Сібір. У песні ні слова няма аб паўстанні, народніках, але тэкстуальны аналіз сведчыць, што ў ёй адбілася палітычная і сацыяльна-эканамічная сітуацыя ў Расіі другой паловы ХІХ ст. Беларускі гісторык В. М. Чарапіца сведчыць: «З розных крыніц вядома, што ведалі і спявалі яе паўстанцы, якія засталіся ў жывых, а затым – народнікі і сацыял-дэмакраты, патрыёты і інтэрнацыяналісты, злачынцы і асуджаныя без віны, і, вядома ж, людзі далёкія ад усялякай палітыкі. Спявалі яе рускія і палякі, беларусы і ўкраінцы, яны ўкладвалі асаблівы, толькі ім зразумелы сэнс у словы аб сваёй далёкай старонцы» [53, с. 148].

ПО ДИКИМ СТЕПЯМ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Слова И. КОНДРАТЬЕВА (?)

Не очень скоро

По ди-ким сте-пям За-бай-каль-я,
 где зе-ло-то ро-ют в го-рах, бро-
 дя-га, судь-бу про-кли-на-я, та-щил-ся с су-
 мой на пле-чах. Бро-//чах

У большасці зборнікаў рускіх песень «По диким степям Забайкалья...» пазначаецца як народная. Але карпатлівае даследаванне творчага і жыццёвага шляху Івана Кузьміча дае нам падставу сцвярджаць, што аўтарам першапачатковага тэксту з'яўляецца наш суайчыннік. У шэрагу песеннікаў пачатку ХХ ст. пад тэкстам песні сустракаюцца подпісы «И. К.», «П. К.». Вядома, што ў паэта было больш за тры дзясяткі псеўданімаў. «П. К.» мог быць адным з іх. Наша ўпэўненасць у вызначэнні аўтарства пацвярджаецца і іншымі сведчаннямі. Так, В. Я. Гусеў у грунтоўным двухтомным выданні «Песни русских поэтов» лічыць, што аўтарам песні «Бродяга» з'яўляецца І. Кандрацьеў [32, с. 484]. Адначасова даследчык зазначае, што тэкст песні пры выкананні падвяргаўся зменам. Напрыклад, перад страфой, якая пачынаецца словамі «Бродяга Байкал переехал», спяваецца:

А ветер ему отвечает:
«Напрасно бедняга бежишь!»
А бедное сердце не чувствует,
Что нету родных уж в живых.

Нярэдка строфы 2, 3, 4, 6 прапускаюцца. Безумоўна, пэўныя змены прыносіліся пры музычнай апрацоўцы. Песню апрацоўвалі ў свой час С. Булатаў, Н. Дулькевіч, Ю. Слонаў, А. Фляркоўскі і інш. [13; 35; 36; 42–45].

Расійскі даследчык І. А. Назараў у працы «Встречи и письма» сярод песень, якія напісалі паэты-самавукі, называе «По диким степям Забайкалья...»: «Поют их и теперь всюду, как и многие песни других поэтов-самоучек – А. Е. Разоренова “Не брани меня, родная”, С. Степанова “Мы кузнецы, и дух наш молод”, Л. Родина “Смело, товарищи, в ногу”, М. И. Ожегова “Меж крутых бережков Волга-речка течет”, А. Ф. Нечаева “Когда я еще девицей была”, И. Е. Молчанова “Было дело под Полтавой”, И. К. Кондратьева “По диким степям Забайкалья”» [28, с. 68]. Вядомы літаратуразнавец А. І. Рэйтблат адзначае: «Кондратьев создал ряд “городских романсов”, получивших популярность и вошедших в песенный фольклор» [37, с. 49]. С. Антонаў у артыкуле «По диким степям Забайкалья...» таксама выказвае меркаванне, што аўтар песні І. К. Кандрацьеў. Ён у захапленні ад яе зместу і мелодыі: «Песня колдовского очарования, как и многие народные песни, сюжетная, дей-

ственная, в отличие от безликих мотыльковых “ля-ля-ля”. Поют и не знают, кто ее написал» [2].

Дарэчы, верш «По диким степям Забайкалья...», на наш погляд, вельмі ўдала перакладзены на беларускую мову Вітаўтам Мартыненкам. Пераклад вызначаецца высокай паэтычнай культурай, майстэрскай перадачай мастацкага каларыту кандрацьеўскага твора. Верш на беларускай мове захваў форму, стыль і рытм арыгінала. Параўноўваючы тэксты, трэба адзначыць, што Мартыненка не прытрымліваўся літаральнага перакладу, тым не менш з выключнай дакладнасцю каларытнымі беларускімі словамі і выразамі перадаў адметнасць радкоў песні (захоўваецца ў арфаграфіі аўтара):

БАДЗЯГА

Па стэпах чужых Забайкалья,
Дзе золата поўна ў гарах,
Бадзяга на лёс наракае
Ды цягнецца з кайстрай без сна.
Кашулька на ім састарэла,
Што лапінаў болей на ёй,
Картуз арыштанцкі ня грэе,
Чугай жа – турэмны ня свой.
Даў цягу з турмы цёмнае ноччу,
Пакуты за праўду трываў.
Ды йсьці болей ногі не хочуць,
А далей чакае Байкал.
Да возера ўрэшце падходзіць
І човен рыбацкі бярэ,
Стамлёныя цягліцы ўзводзіць
Ды вёслы натужна дзярэ.
Заводзіць самотныя сьпевы
Пра край свой забраны і дом.
Айчыны гаротнай папэвы
Настрой разьвярнулі ўверх дном.
Нат вецяр яму падпавяе:
Навошта сьпяшаешся?
Стамлёнае сэрца ня знае,
Што хата і вёска пусты.
Бадзяга Байкал перадолеў,
Да матчынай хаты дайшоў,
А думкамі ўсё ў няволі,
Чакае бацькоў, сваякоў.
І вось яна, родная хата,
І маці насустрач ідзе.

Бадзяга пытае: «Дзе тата?
І Янка, браточак мой, дзе?»
– Твой бацька ляжыць у магіле,
Зямлёй прыхаваны даўно,
А брат апынуўся ў Сібіры,
Дзе цягне чужое ярмо.
Са стэпаў, лясоў Забайкалля,
Праз немач, сьнягі і вятры
Бадзяга вярнуўся да краю,
Скуль зьбег ад чужынскай муштры [3, с. 214–215].

Тэксталагічны аналіз вершаў паэта паказвае, што ён часта звяртаўся да турэмнай праблематыкі. Вельмі блізкі да названай песні па сюжэце, змесце і кампазіцыі верш «Узнік»:

Я за волю изведал неволю...
Вижу я, как по дальнему полю,
За тюремной стеной, на восток,
По дороге кружит ветерок...
Я на крыльях бы ветра помчался,
Я помчался б, ни с кем не встречался:
По полям, по холодным снегам
Полетел бы к родным берегам.
И потом, за минутную волю,
Возвратился б я снова в неволю:
Дни неволи свои коротать,
Дни свободы желать, ожидать [Кондратьев 1898а,
с. 55–56].

На кандрацьеўскія вершы пісалі музыку Г. Залатарэнка [Кондратьев 1898а, с. 77], Я. Прыгожы [Кондратьев 1898а, с. 17], К. Шклоўскі [Кондратьев 1898а, с. 404] і іншыя кампазітары. Песні славутага беларуса былі ў рэпертуары Ніны Дулькевіч, Надзеі Плявіцкай, Ізабэлы Юр'евай, Людмілы Русланавай, Чэслава Немана і іншых вядомых спевакоў.

Ніна Дулькевіч пачала канцэртную дзейнасць у 1906 г., калі ёй споўнілася 18 гадоў. Пісьмовыя крыніцы паведамляюць, што яна як руска-цыганская спявачка ў 1907 г. выступае ў суправаджэнні дзвюх гітар у праграме аднаго з фэшэнебельных пецяярбургскіх садоў «Акварыум», удзельнічае ў канцэрце з нагоды гвардзейскага свята ў Царскім Сяле. А з 1910 г. пераходзіць да сольных праграм, выконвае старадаўнія цыганскія рамансы. Канцэрты яе праходзілі ў Вялікіх залах Высакароднага сходу Масквы і Пецяярбурга пры вялікай колькасці слухачоў.

Амаль на кожным канцэрце выконвалася кандрацьеўская песня «Очаровательные глазки» ў апрацоўцы Н. Дулькевіч.

ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЕ ГЛАЗКИ

Сл. и муз. И. Кондратьева, обр. Н. Дулькевич

Очаровательные глазки,
Очаровали вы меня.
В вас столько жизни, столько ласки,
В вас столько страсти и огня.

С каким восторгом я встречаю
Твои прелестные глаза,
Но только часто замечаю,
Они не смотрят на меня.

Что значит, долго не встречаться, –
Так можно скоро позабыть!
И сердце с сердцем поменяться,
Потом другую полюбить.

Я опущусь на дно морское,
Я поднимусь под облака,
Тебе отдам я все земное,
Лишь только ты люби меня.

Да, я терпела муки ада,
И до сих пор я их терплю.
Мне ненавидеть тебя надо,
А я, безумная, люблю [32, с. 177].

Па ацэнках яе сучаснікаў, выкананне Н. Дулькевіч адрознівалі чысціня фразіроўкі, тэмперамент у спалучэнні са шчырасцю, сардэчнасцю, выразнае піяна.

Ніна Дулькевіч

Беларускі гісторык В. М. Чарапіца адзначае, што калі песню «По диким степям Забайкалья...» выконваў надзвычай папулярны ў мінулым стагоддзі Ч. Немен, то «...слухачам думалася і бачылася значна шырэй і глыбей, чым гэта было закладзена ў тэксце песні» [53, с. 149].

Ізабэла Юр'ева

Дэбют Ізабэлы Юр'евай (Лівікава) – вучаніцы піяніста і кампазітара А. У. Таскіна – адбыўся ў 1922 г. у кінатэатры «Калізей», дзе яна выканала некалькі песень. Выступленне было ўдалым, яе заўважылі. У хуткім часе І. Юр'ева атрымала запрашэнне выступаць у маскоўскім «Эрмітажы». У гэтым жа годзе адбылася першая гастрольная паездка ў Растоў. Побач з рускімі рамансамі «Жалобно стонет ветер осенний», «Когда по целым дням...», «Только раз бывает в жизни встреча...» і інш. у яе праграму ўвайшла кандрацьеўская песня «Очаровательные глазки».

Многія вершаваныя творы І. Кандрацьеў пісаў у традыцыі народнай песні: «Вдовушка», «Горючая слеза», «Кручинушка», «Пела бы я песенки...», «Прощание» і інш. Выразным узорам такога твора з'яўляецца верш «Завещание»:

Схорони меня, матушка милая,
На погосте меня схорони
И такими словами родимая,
На кресте ты меня помяни:
«Родилась она тихой, покорною,
Выросла – пригожа была,
Полюбила – безумно поверила,
Жизнь свою за любовь отдала.
Раз пришла она в ночь непогодную,
От милого больная пришла,
И слегла... и, его вспоминая,
Как голубка чиста, умерла» [Кондратьев 1898а, с. 17].

Знаёмства са зборнікамі рускіх песень для вакальных народных ансамбляў і хароў, а таксама для голасу ў суправаджэнні музычнага інструмента паказвае, што ў большасць з іх уключаны кандрацьеўскія песні [42–45].

Паэт займаўся і перакладамі твораў славетных еўрапейскіх аўтараў, сярод якіх пераклады Дж. Байрана, Р. Бёрнса, І. В. Гётэ, Г. Гейнэ, В. Гюго, Т. Лідса, Л. Камэнса, А. Кунінгама, Т. Мура, С. Прудома, Ж. Рышпена, А. Саві, Л. Уланда. Даследчык творчай спадчыны Гейнэ Я. І. Гардон пісаў, што кожная эпоха была адзначана новымі перакладамі вершаў нямецкага паэта. «80-е годы, – піша Гардон, – помимо произведения М. Р., приносят нам переводы А. Мейснера (1881), П. Симонова (1883), И. К. Кондратьева (1889), а в 90-е – В. Долгинцева (1890) и П. Б.» [8, с. 200]. Я. Гардон сведчыць, што «И. К. Кондратьев, иногда подписывавшийся “Иван НеГейне”, представлял в “Развлечение” 1899 года переводы» [8, с. 201].

Асаблівай папулярнасцю ў Расіі на працягу XIX ст. карыстаўся невялікі твор ірландскага паэта Томаса Мура «Слезы милой». Пераклад яго, апублікаваны ў часопісе «Мирской толк» (1881), ажыццявіў наш суайчыннік пад назвай «Когда ты, полная страданья или испуга...»:

Когда ты, полная страданья или испуга,
Рыдаешь, милая, нежданно предо мной, –
Готов я сам рыдать, безумствуя, с тобой,
Моя прекрасная, достойная подруга.
Когда ж, полна фантазий детских, вдруг,
Дитя, заплачешь ты от мимолетной грезы, –
Прошу, почаще плачь, мой ненаглядный друг:
К тебе так идут эти искренние слезы! [Кондратьев 1898а,
с. 199].

І. К. Кандрацьеў зрабіў адзіны з ранніх (1880) і, на наш погляд, цудоўны пераклад «Ворана» (The Raven) Эдгара По. Ні адзін мастацкі твор не перакладаўся на рускую мову так часта, як гэты верш. Існуе больш за два дзясяткі перакладаў. Першыя пераклады з’явіліся ў 1878 г. Прыкладзём некалькі радкоў у перакладзе Кандрацьева:

В глухую полночь, в тишине,
При бледно-трепетном огне,
Над старой книгой, обветшалою,
Поник я головой усталой...

За дверью стук раздался вдруг;
То, видно, путник запоздалый...
Но – тихо было все вокруг.

Стоял декабрь. Уже давно
Зияла ночь в мое окно.
Искал я тщетно в книжной пыли
Забвенья. Думы мои были
О той, кого я так любил,
Кого уж нет, кого забыли,
Но я, увы, не позабыл! [Кондратьев 1898а, с. 131].

Высокамастацкім з'яўляецца і пераклад твора Байрана «Тьма», фрагмент якога прыводзіцца ніжэй:

Я видел сон... но – это был не сон.
Исчезло солнце. Звезды в тусклой дали,
Темнея, без пути известного блуждали.
Луны не стало. Мрак со всех сторон
Шел, надвигаясь массою чугуновой,
Суля всему недвижимость и гнет,
И вся земля, остывшая как лед,
Висела в сфере влажной и безлунной.
Явилось утро, но пришло – ушло.
И за собою дня не принесло.
Погасли страсти. Впал народ в кручину,
Огни все жгли. Все дрогнули сердца:
От бедной хижины до пышного дворца
Сжигалось все на дымную лучину [Кондратьев 1898а,
с. 319].

Вядомыя кандрацьеўскія пераклады польскай, сербскай і чэшскай народнай паэзіі. У якасці прыкладу можна прывесці пераклад верша А. Міцкевіча «Странник»:

Достиг я цели, мной давно желанной:
Передо мной – цветущая земля,
И моря ширь, и парус корабля,
Как снег сверкающий в дали туманной...
Но вьюги родины картиной странной
Мне грезятся: о, Русь! – твои леса
Милее мне, чем гор хребет венчанный,
Чем соловьев байдарских голоса...
К глухим полям душа моя стремится,
Хотя под блеск пастушеских огней,
Над ними пар душистый не струится, –

Но я любил там, в пору лучших дней...
Там и она... Но то ли же ей снится,
Что снится мне о прошлом и о ней? [Кондратьев 1898а,
с. 313].

Паэтычную творчасць І. Кандрацьева яго сучаснікі ацэньвалі неадназначна. Адны вылучалі прафесійнае ўменне, майстэрства. Другія лічылі, што ён не меў індывідуальнага паэтычнага дару, не прыўнёс у паэзію нічога свайго, што яго творы другасныя. Крытыкавалі легкаважнасць, спрошчанасць і немудрагелістасць сюжэтаў. Сучасныя даследчыкі творчасці І. К. Кандрацьева схіляюцца да думкі, што яго паэзія безумоўна заслугоўвае ўвагі, як і ўвогуле ўсе яго працы. Так, расійскі навуковец У. Ф. Казлоў адзначае: «И. К. Кондратьев имел незаурядное литературное чутье, легкое перо, ему были подвластны все жанры. Он был прекрасным знатоком народного творчества, собирал и издавал песенные сборники, сам сочинял романсы и песни» [20, с. 8]. К. Новікаў, падкрэсліваючы значнасць гістарычных раманаў і аповесцей І. К. Кандрацьева, лічыць, што «...литературное дело знал он хорошо, доказал это в своих лучших произведениях и при несколько ином повороте событий оказался бы, пожалуй, в ряду с Н. Гейнце и Г. Данилевским, Вс. Соловьевым и Н. Полевым, Е. Салиас-де-Турнемиром, Е. Карновичем и Вас. Немировичем-Данченко...» [29, с. 249]. К. Чукоўскі, які крытыкаваў літаратара за рэлігійна-філасофскія погляды, не мог не прызнаць мастацкай вартасці яго твораў. У адным з нарысаў ён пісаў: «Был он человек, бойко владевший пером, романист, водевилист, переводчик» [56, с. 174]. Падагульняючы главу, прывядзём словы кандыдата гістарычных навук Г. Міронава: «Нам остались книги Кондратьева, и благодаря им, память о писателе сохранится в сердцах потомков как признание и признательность за его литературный труд» [27, с. 8].

Драматург

Аб прызнанні драматургічных вартасцей п'ес І. К. Кандрацьева сведчыць не толькі перамога на конкурсе, але і яго прыналежнасць да «Таварыства рускіх драматычных пісьменнікаў і оперных кампазітараў», якое было заснавана ў 1874 г. Аляксандрам Астроўскім – стваральнікам рускай драмы. А. І. Рэйтблат адзначае, што І. К. Кандрацьеў быў паўнапраўным членам таварыства з дня яго заснавання. А беларускі краязнавец А. Рогач мяркуе, што літаратар нават выбіраўся і старшынёй праўлення [39]. Сярод сяброў таварыства, а іх у канцы XIX ст. налічвалася каля 700 чалавек, былі такія літаратурныя і грамадскія дзеячы, як У. Гіляроўскі, Ф. Кані, А. Майкоў, А. Пісемскі, А. Пляшчэеў і інш. С. А. Венгераў называе І. К. Кандрацьева «беллетрыстам і драматургом» [6, с. 163].

Драматургічная дзейнасць І. К. Кандрацьева пачалася яшчэ ў Вільні і разглядалася ў главе, прысвечанай віленскаму перыяду.

Як згадвалася вышэй, у драматургіі І. К. Кандрацьева «жарты», п'есы, сцэны прадстаўлены ў вялікай колькасці. «Подобных лубочных картин в прозе и стихах на самые разнообразные темы, в том числе исторические, за всю его жизнь... написано немало.<...> создавались под сильным впечатлением... успеха таковых рассказов у читателя, – развлекает К. Новікаў. – И пишутся одна за другой “шутки”. Кондратьев выбирает занимательный сюжет, – и вот уже принимается забавлять публику незадачливый купец из провинции, сдуру давший в долг московскому прощелыге крупную сумму, или накануне своей женитьбы Пушкин с Языковым заваливаются в ресторан, к цыганам... Не обошлось дело при создании лубков и без Стеньки Разина, который сначала философствует и выпивает, а затем топит персидскую княжну в Волге – на радость своим казакам» [29, с. 250].

У 70–80-х гг. XIX ст. напісана значная колькасць драматычных твораў: п'есы «В лесу» [Кондратьев 1875], «Воевода Волчий Хвост: драма-былина из времен Володимира Красное-Солнышко, князя Стольно-Киевского» [Кондратьев 1876], «Раз-

лучница» (1880), «Соколу лес не диво» (1894), аднаактныя п'есы-«жарты» «Ради копеечки» [Кондратьев 1873], «На Плющихе» [Кондратьев 1877], «Легко отделался» (1883), «От избытка аппетита» (1891) і інш.

1880-я гг. былі для І. К. Кандрацьева часам творчага росквіту. У лірычнай сцэне – як вызначыў жанр п'есы драматург – «Пушкін у Яра» («Пушкін у цыган») [Кондратьев 1887а], напісанай у вершах, паэт звяртаецца да мінулых традыцый дэмакратычнага руху, асоб, што яго ўвасаблялі. У прыватнасці, у п'есе створаны мастацкія вобразы А. С. Пушкіна і М. М. Языкава, які называў сябе «поэтом радости и хмеля», а таксама «поэтом разгула и свободы». Стваралася п'еса на аснове скрупулёзнага вывучэння І. К. Кандрацьевым гістарычных матэрыялаў, запісак сучаснікаў. З нагоды пушкінскага юбілею ім быў выдадзены грунтоўны нарыс «Александр Сергеевич Пушкин, его жизнь, смерть и сочинения» [Кондратьев 1880]. Аўтар падкрэсліваў, што нарыс напісаны на падставе найноўшых дадзеных, якія, безумоўна, былі выкарыстаны і пры напісанні п'есы.

У п'есе ўзнімаецца хвалюючая творцаў праблема прызначэння мастацтва, паэзіі. І. К. Кандрацьев разглядаў мастацтва слова як пераўтваральную сілу, якая можа змяніць свет. Вуснамі М. Языкава драматург вызначае сутнасць творчасці:

А ты, наш царь, останься навсегда
Певцом свободы и небесных гурий.
Пророк изящного! Могуч твой стих
И сладостны задумчивые звуки:
В тех звуках раб свои забудет муки,
А царь Саул – заслушается их! [Кондратьев 1887а, с. 6].

І. К. Кандрацьев адмаўляе паэзіі ў служэнні дробным штодзённым праблемам. У п'есе Пушкін на просьбу Языкава стварыць паэтыку віна адказвае нязгодай:

Я з ы к о в

А, вот что, друг: воспой-ка ты вино!
Поешь ты все: величие героя,
Тоску, любовь, все сладости покоя,
Вино же – нет, как будто бы оно
Не стоит песен. Воспевал его я,
Но мне подобной силы не дано,
Как у тебя. О, если б стих твой чудный

Коснулся влаги вдохновенных вин,
Клянусь тебе, читатель ни один
Наверно б залил путь свой многотрудный
Огнем вина и...пил бы до конца! [Кондратьев 1887а, с. 5].

Пушкин

Зачем же лавр поэзии венца
Вином обрызгивать? Фиал поэта
Да будет чужд сует бесплодных света! [Кондратьев
1887а, с. 6].

Праблема свабоды мастацтва і адказнасці мастака вырашаецца ў сцвярджэнні, што пісьменнік павінен быць песняром свабоды, прамнем грамадскай свядомасці. Для І. К. Кандрацьева свабода – гэта сацыяльны і маральны імператыў. Менавіта дзякуючы ёй асоба здольна не толькі прыстасоўвацца да навакольнага свету, але перабудоўваць яго. А. С. Пушкин з захапленнем распавядае М. Языкаву аб вольным жыцці ў стэпавых прасторах:

Пушкин

Языков, веришь ли: мне жаль степей!
Там я свободно с музою своей
Беседовал. Там, близ шатра цыгана,
Беспечно спал я, греясь у огня,
Иль, вдруг, вскочив на борзаго коня,
Скакал в степи, как волны урагана.
Там пел я песни лучшие свои.
Там я любил. Там сам я был любимым.
Там, иногда, под хмельный плеск аи,
Я был проказником неукротимым.
Я кинул степь. Я здесь теперь. И вот –
Той жизни сладость предо мной встает
Приветливой, сверкающей картиной.
Томлюсь о ней я сладкою кручиной,
И, мнится мне, уж больше никогда
Я тех степей, той воли не увижу... [Кондратьев 1887а, с. 4].

Ідэя свабоды з'яўляецца галоўнай і ў п'есах «Пир Стеньки Разина», «На Поволжье». Разін гатоў ахвяраваць за волю ўласным дабрабытам і нават жыццём:

Как нам без воли!
Эх, милая! Да кабы не она,
Иванушка, и жизни бы не надо!
Одною волей только и живу,
По ней одной задумал Стенька думу!
За волю все, Иванушка, отдам:
Отдам добро, добытое разбоем,
Отдам княжну, пригожницу мою,
И может быть, отдам – я сердцем чую –
Москве далекой голову свою [Кондратьев 1898а, с. 396].

У 80–90-я гг. шырокае выкарыстанне фальклорнага матэрыялу з’яўлялася адметнай рысай вялікай колькасці п’ес, якія прызначаліся для народнай сцэны. На фальклорнай аснове пабудавана, напрыклад, п’еса М. Папова «Шемякин суд», у якой, як і ў народнай казцы аб Шамяку, несправядлівы суддзя быў правучаны хітрым бедняком. Любімыя героі народных казак даволі часта фігуруюць у п’есах для простага чалавека. Адзін з найбольш характэрных персанажаў, якія звычайна сустракаюцца ў творах, разлічаных у асноўным на салдацкую аўдыторыю, – спрытны салдат, які хітра ўладкоўвае свае справы і праблемы беднякоў. Узорам такога твора з’яўляецца казка ў чатырох дзеях «Солдат Клим Пулька, или Нашему ефрейтору сам черт не брат: Русская волшебная сказка в лицах с песнями, плясками, превращениями, с угощениями и со всякой крупной и мелкой чертовщиной» (1891). Фальклорныя традыцыі, у прыватнасці, якія ідуць ад казкі і быліны, зрабілі значны ўплыў і на мову персанажаў.

Важнае месца ў п’есах для народа 1880-х – пачатку 1890-х гг. адводзілася песні. Яшчэ ў фальклорным тэатры ўключэнне песень у тэкст драматычных твораў было замацавана традыцыяй і вырашала шэраг мастацкіх задач. Песня становілася нярэдка часткай маналога дзеючай асобы альбо замяняла яго, каменціравала сцэну, складала «адзіны тэкст масавай сцэны» на пачатку ці ў канцы з’явы; з’яўлялася важным кампазіцыйным элементам драматургіі XVIII ст., а пазней, побач з рамансам, танцам, бытавой інструментальнай музыкай увайшла ў рускую камічную оперу. У п’есах для народнага тэатра, якія ствараліся ў гэты перыяд, выкарыстанне песенных тэкстаў не прырэчыла фальклорным традыцыям. У значнай колькасці такіх п’ес песня нярэдка становілася адзіным сродкам перадачы эмацыянальна-

га стану персанажаў, іх настрою, перажыванняў. У гэтых адносінах асаблівую цікавасць уяўляе п'еса І. Кандрацьева «Пир Стеньки Разина», другая дзея якой перадае змест вядомай песні «Из-за острова на стрежень». Па меркаванні сучасных да-следчыкаў, песня, напісаная на словы Д. М. Садоўнікава, стала народнай і ўвайшла як адзін з фальклорных матываў у тэксты многіх п'ес пад назвай «Лодка». У народнай традыцыі гэта драматычная сцэнка бытавала як святочная гульня, падчас якой у карагодзе абыгрываліся розныя часткі песеннага тэксту. У п'есе І. К. Кандрацьева таксама назіраюцца тэкстуальныя перакліканні з песняй. Асабліва гэта бачна, напрыклад, у звароце Разіна да Волгі, перад тым як кінуць у хвалі прыгажуню персіянку:

Эх, Волга, Волга! Кормилица-река!
В тебе моя кручина потонула!
Прибрел к тебе я, бос, издалека,
А ты меня одела и обула!
На Волгушке доволен Стенька всем:
Уж чем-то, чем пред ним ты не сорила?
Ты серебро, ты золото мне дарила,
Что-ж я тебя не даривал ничем!
Поилица! Прости меня, прости,
Что позабыл тебя! Эх, Волга, Волга!
Аль уж подарок знатный принести
Тебе, чтоб Стеньку помнила надолго! [Кондратьев
1898а, с. 413].

Побач з творамі, разлічанымі на знешні сцэнічны эфект, з-пад пяра І. Кандрацьева выходзіць некалькі змрочных, поўных фаталізму і безнадзейнасці драм з народнага жыцця: «В лесу» (1875), «Бурлак» (1882), «Волчий лог» (1883). А. Рэйтблат лічыць, што разнажанравыя драматургічныя творы І. Кандрацьева «демонстрируют хорошее знание описываемой среды, умение дать речевую характеристику персонажам» [37, с. 49].

Драматург Кандрацьеў не толькі пісаў п'есы, але з'яўляўся і іх рэжысёрам-пастаноўшчыкам. У Расійскім дзяржаўным архіве літаратуры і мастацтва ў Маскве захоўваецца ліст Івана Кузьміча да Ф. Д. Няфёдава, пісьменніка-народніка, этнографа, рэдактара часопіса «Книжник» і газеты «Русский курьер», у якім ён звяртаецца з просьбай: «Здоровье мое по-прежнему плохо. Ну да черт с ним. Я не падаю духом и замышляю поста-

вить на Секретаревском театре спектакль. Для спектакля оно мне понадобилась пьеска «Одного поля ягода», которая у Вас имеется... Вместе с пьеской «Одного поля ягода» я хочу поставить и одно из своих драматических детищ. Надеюсь, что Вы не откажетесь украсить тупую толпу зрителей своим присутствием» [41].

Таким чином, драматургія І. Кандрацьева адметна жанравай разнастайнасцю: невялікія сцэны з народнага побыту («От избытка аппетита»), аднаактныя сатырычныя сцэны з элементамі вадэвіля («На Плющихе»), псіхалагічныя і бытавыя драмы («Разлучница»), гістарычныя п'есы («Воевода Волчий Хвост»). Яго драматургічным творам уласцівы прастата і яснасць сюжэта, адсутнасць меладраматызму ці забытанасці інтрыгі, рэалістычнае адлюстраванне быту і нораваў розных сацыяльных слаёў тагачаснага грамадства і даўніх часоў.

Гістарычны раманіст

Пераход да гістарычнай раманістыкі быў для І. К. Кандрацьева невыпадковым. Пісьменніка заўсёды цікавіла мінулае, увесь вольны час ён аддаваў вывучэнню гістарычных крыніц. Сведчанне таму – грунтоўныя аб’ёмныя працы па гісторыі Маскоўскага Крамля, Масквы і яе наваколля, гістарычныя апісанні Кіева-Пячорскай лаўры, Валаамскага і Савіна-Старажоўскага манастыроў. Вялікі пласт вывучаных матэрыялаў паслужыў крыніцай для гістарычных твораў. У памяці людзей яшчэ жылі яркія ўспаміны аб вайне 1812 г., Крымскай вайне 1856–63 гг., паўстанні ў Беларусі і Літве 1863–64 гг. Назіраемая рэчаіснасць і гістарычнае мінулае выстройваліся ў шэраг тэм і сюжэтаў, каб праз пэўны час увасобіцца ў вобразах не толькі навістачных, але і раманных форм.

Спрыяла цікавасці да мінулага і актыўнасць гістарычнай думкі, што фарміравалася ў XIX ст. Сярод беларускіх і рускіх гісторыкаў існавала разуменне галоўнага сэнсу дзейнасці ва ўзвялічванні сваёй нацыі. Карані славянскай гісторыі яны выводзілі з глыбокай старажытнасці, таму менавіта са старажытнасці выбіралі выключна неабходныя для нацыянальнай самасвядомасці факты. У вытокаў гэтага кірунку былі вядомыя рускія гісторыкі і пісьменнікі: Ю. І. Вянелін, А. Ф. Вельтман, Д. І. Ілавайскі, І. Я. Забелін. Безумоўна, І. К. Кандрацьеў, які вельмі цікавіўся гісторыяй, чытаў іх працы, падпаў пад іх уплыў. Зыходзячы з карамзінскіх тэзісаў аб неабходнасці вывучэння мінулага, ён прыйшоў да высновы, што лепшай формай, з дапамогай якой магчыма азнаёміць народ з яго гісторыяй, з’яўляецца форма гістарычнага рамана. У прадмове да рамана «Гунны» І. К. Кандрацьеў звяртаецца да чытача: «Если повествование мое попадет в руки интересующихся историей своей родины, мне думается, что они прочтут его если не с удовольствием, то по крайней мере с любопытством, если же попадет в руки иных читателей, прошу их не утруждать себя чтением и отложить роман в сторону. Всякому свое» [Кондратьев 1878, с. 6].

Зварот да гістарычнага жанру, на наш погляд, тлумачыцца імкненнем пісьменніка быць карысным. З-пад яго пяра выйшлі шырокавядомыя да нашага часу раманы: «Гунны» [Кондратьев 1878], «Драма на Лубянке» (выходзіла пад назвамі «Великий разгром» і «Казнь Верещагина, или Москвичи в 1812 году») [Кондратьев 1887б], «Церковная крамольница» (1888), «Раскольничьи гнезда» (1896) і «Трифон-сокольник» [Кондратьев 1898б], аповесці: «Салтычиха» (апошняя вытрымала пяць прыжыццёвых выданняў) (1890), «Божье знамение» (1896), «Лютая година» (1899) і «Ермак, завоеватель Сибири» (1902), даведнік «Седая старина Москвы» [Кондратьев 1893], які чытаецца на адным дыханні, як самы цікавы раман. «Написанные легко и занимательно, они были для многих читателей путеводителями по Москве, источниками исторических знаний о родной земле. Если чада аристократов и буржуа, обучавшиеся истории отечества в классических гимназиях или дома у гувернеров, читали Кондратьева для души, наслаждаясь его образной речью, то другие получали из его книг зачастую первую, а то и единственную информацию об истории страны, “достопамятностях” Москвы», – адзначае кандыдат гістарычных навук Г. Міронаў [27, с. 5].

Гуны. Адзіны з самых вядомых раманаў пісьменніка «Бич Божий» пад назвай «Гунны. Эпоха великого переселения народов» быў апублікаваны ў 1878 г. [Кондратьев 1878]. Першы гістарычны раман з жыцця славян IV і V стст., па-меркаванні даследчыкаў, у літаратурным плане з’явіўся «прорывом на новый уровень». «Литературный уровень “Гунов” отличался от ранее написанного до такой степени, как если бы роман принадлежал перу совершенно другого автора», – адзначае К. Новікаў [29, с. 251]. Назва рамана «Бич Божий» адпавядае сярэдневяковай царкоўнай традыцыі так называць правадыра гунаў Ацілу як пакаранне, пасланае народам за недастаткова стараннае служэнне Богу. У якасці канцэптуальнай асновы аўтар выбраў тэорыю славянства гунаў, якую сфармулявалі яшчэ сярэдневяковыя гісторыкі, а ў XIX ст. адстойвалі І. Ю. Вянелін і Д. І. Ілавайскі. Хаця сярод гісторыкаў тэорыя не знайшла падтрымкі, Кандрацьева яна натхняла. Гуны, як сцвярджаюць сучасныя даследчыкі, былі качавым народам, які сфарміраваўся ў II–IV стст. у Прыураллі з цюркамоўных хуну і мясцовых уграў і

сарматаў. Масаве іх перамяшчэнне на захад (з 70-х гг. IV ст.) дало штуршок так званаму Вялікаму перасяленню народаў. Гуны падначалілі шэраг германскіх і іншых плямён, стварылі магутны саюз, які неаднаразова рабіў спусташальныя паходы ў многія краіны. Найбольшай магутнасці яны дасягнулі пры Аціле. Пасля яго смерці ў 453 г. саюз плямён пачаў распадацца [47, с. 7].

Раман быў прачытаны і прызнаны. Крытыкі лічылі яго сур'ёзным і па-мастацку якасным творам. «Літаратурны критик журнала “Дело” заявлял: “Прошедшее вновь восстает перед нами во всем блеске своего величия”. То есть имелось в виду воссоздание Кондратьевым живого и самостоятельного мира, – что является первой и наиболее существенной задачей всякого художественного произведения. В приводимой рецензии критик высказывает несколько лестных замечаний в адрес автора и добавляет: “Картины превосходны, а блестящий, образный, энергичный язык автора – верх совершенства и в этом отношении у него только один достойный соперник – Виктор Гюго”» [29, с. 252–253].

Сюжэт рамана «Гуны» зададзены гісторыяй і геаграфіяй заваявальных паходаў готаў і гунаў. Пісьменнік дакладна вызначае межы дзяржавы караля Эрманарыка, правадыра готаў, якая займала прастору ад берагоў Дона і ўсю Паўночную Еўропу. Гуны – адно з адгалінаванняў славянскага племені вянедаў, рассяліліся на Балтыйскім узбярэжжы, па Вісле, Паўночнай Дзвіне, Нёмане [Кондратьев 1994, с. 7]. Падзеі, якія разгортваюцца ў рамане, адбываюцца на спрадвечных беларускіх землях, у Панямонні. Тут, па меркаванні аўтара, у старажытныя часы рассяліліся гуны, якіх пазней заваявалі готы. Час ад часу племя гунаў уздымала паўстанні, якія жорстка падаўляліся готамі. Пасля задушэння аднаго з такіх паўстанняў гуны вырашаюць перасяліцца на іншыя тэрыторыі. І. Кандрацьёў імкнецца прытрымлівацца дакладных фактаў, дат, падзей, якія зафіксаваны ў пісьмовых крыніцах. З гэтай мэтай у мастацкі тэкст ён уводзіць звесткі вядомых еўрапейскіх і расійскіх гісторыкаў. Для вызначэння гісторыі старажытнага Кіева, які называе сталіцай гунаў, І. К. Кандрацьёў абавіраецца на працы Саксона Граматыка, Адама Брэменскага, І. Я. Забеліна, П. Й. Шафарыка, Д. І. Ілавайскага і інш. У асобных выпадках празаік выкарыстоўвае паўночныя паданні і сагі. Такія крыніцы былі ўжыты ім пры вызначэнні тэрыторый, якія заваявалі готы: «По се-

верным сказаниям, или сагам, готы, теснимые из Азии, под владычеством Сиггэ Фридульфсона, т.е. Одена, пришли первоначально в Квенландию, в страну квенгов, стало быть, в восточную часть Финнии, жители которой и по настоящее время называются квенами. В то время вся нынешняя Финляндия носила название Квенланд. Оттуда готы начали распространяться до Карпат и Дуная. В придунайских племенах, отстаивавших свои границы от побед Рима, готы нашли и собственную ограду и даже поборников против общего врага – римлян. Но, пользуясь междоусобиями князей, римляне успели перешагнуть через Дунай и основать за ним свои провинции. Троян довершил победы на Дунае и покорил Дацию. Готы принуждены были искать новоселья для своей централизации. Для них не оставалось иного пути, кроме как на север, и вот готы окончательно водворились в Скандии, в стране ситонов. Из Скандии готы, усиливаясь все более и более, при императорах Валентиниане I и Валенте (364–375 гг.) овладели почти всей восточной Европой и делали набеги на Фракию. Одни из готов, известные под именем тервингов или вестготов, жили на севере от Нижнего Дуная под властью нескольких князей, между которыми особенным влиянием пользовался Атанарик. Другая отрасль этого народа носила имя грутунгов или остготов, и под властью своего короля Эрманарика, в соединении с несколькими подвластными народами другого происхождения, образовала большое государство, простиравшееся до берегов Дона» [Кондратьев 1994, с. 6].

І. К. Кандрацьёў паставіў мэту не толькі стварыць у рамане гарманічную карціну духоўнага яднання правадыра і яго супляменнікаў, што дазваляла готам, а пазней і гунам (вянедам) шматкратна памножыць іх памкненні. У творы, які складаецца з трох частак, пададзены аўтарскі погляд на гісторыю як на калектыўную творчасць народа і арэну яго барацьбы за свабоду супраць прыгнятальнікаў: «Мы погібнем, но дети наши славяне создадут великое царство и будут великим народом. Прольем же для детей наших кровь свою, дабы они польстились нашим примером и не забыли нас» [Кондратьев 1994, с. 30]. У «Гуннах» І. К. Кандрацьёў паказвае і разбуральную, дэструктыўную ролю правадыроў готаў і гунаў, уяўнасць велічы іх перамог, крываваю лютасць, якая спадарожнічала іх паходам. Эрманарык – правадыр готаў, падкрэслівае пісьменнік, не

дасягнуў ні велікадушнасці, ні мудрасці. За час свайго кіравання ён праславіўся «бесчеловечными казнями и муками» [Кондратьев 1994, с. 7]. Адзін з цесляроў, які майстраваў крыжы для пакарання князёў вянедаў, распавядае аб расправе готаў над вянедамі: «Вот мы на Дунае распинали... тоже славян... Так вот это люди! Мы их там сотен пять в два дня распяли» [Кондратьев 1994, с. 8]. Жудасную сцэну здзекаў готаў над закатаванымі славянскімі князямі паказвае пісьменнік у главе «У берегов Немана»: «Тогда началось метание в умиравших копий. Кто лучше метал, того награждали криками одобрения. Это была своего рода игра, требовавшая много ловкости и хорошего зрения. Метавший должен был попасть копьем непременно в назначенное место, и, кроме того, чтобы воткнувшееся в тело копье некоторое время держалось горизонтально, потом уже падало. Метнувший должен был ловить копье и не допускать, чтобы оно упало на землю. Другие копья должны были держаться в теле до тех пор, пока метавший, на лошади, на всем скаку, подпрыгнув в седле, не выдергивал его. Многие из готов были так ловки в этой игре, что, взяв в руки по копью, они враз, моментально, метали их в распятого и попадали в оба глаза. В таком случае копья должны были держаться древками врозь, углом, как бы вроде лучей» [Кондратьев 1994, с. 10–11]. Захапіўшы чужыя землі, готы думалі перш за ўсё аб вынішчэнні роду. Аўтар пераконвае, што жорсткасць, лютасць, насілле выклікае ў адказ яшчэ большыя нянавісць і насілле. У другой частцы рамана «Переселение народов» пісьменнік са шкадаваннем адзначае, што здзекі готаў над заваяванымі народамі спарадзілі аналагічныя дзеянні. У змрочных фарбах апісваецца падаўленне паўстання кіяўлян вянедскім князем Балемірам: «Вскоре весь Киев огласился кликами боя, столами, воплями, рыданиями. Как демоны носились обручники венецкие по стогнам Киева и истребляли все, что попадалось им под руки. Им повелено было истребить всех кыян без исключения. К утру некого уже было истреблять, и напрасно опьяненные кровью и усталостью венецы рыскали по домам, клетям и землянкам, отыскивая живых. Везде валялись одни трупы: трупы младенцев, матерей, жен, стариков, отроков, девиц. Там лежала целая груда отрубленных голов, там туловищ, там с изуродованной грудью, валялось тело молодой женщины, а рядом с ней, рассеченный надвое, ее малютка, там целая хижина была наби-

та обрывками человеческого мяса... А кровь? Кровь виднелась повсюду: в домах, на домах, на листьях, на траве, на одежде победителей и побежденных, везде, везде, и даже воздух был пропитан запахом одной крови. Трудно было дышать в этом воздухе, но победители дышали им. Дышал им и сам Болемир, виновник стольких несчастий, виновник стольких потоков крови. Более сорока тысяч кыян погибло в одну ночь» [Кондратьев 1994, с. 84].

Салтычиха. Ідзі марнасці, бездухоўнасці тыраніі, дэспатызму, асуджэнне чалавеканенавісніцтва – асноватворныя ў аповесцях «Великий разгром» [Кондратьев 1887б], дзе адлюстравана нашэсце Напалеона, і «Салтычиха» [Кондратьев 1895]. «Салтычиха» – гістарычная аповесць з крымінальных хронік XVIII ст., дапоўненая аглядам сапраўднай справы пра ўчынкi Салтыковай і лістом сучасніка пра яе грамадзянскае пакаранне, што з’яўляецца сведчаннем імкнення аўтара да фактычнай дакладнасці твораў. Апошняе выданне аповесці ажыццёўлена ў 2011 г. [Кондратьев 2011] і ўжо стала рарытэтам.

Героі раманаў для І. Кандрацьева, перш за ўсё, – характары мастацкія, і ўзнаўленне іх ставіць задачы больш шырокія, чым рэстаўрацыя гістарычнага прататыпа. Пісьменніку было важна акцэнтаваць увагу чытача на кульце ўсёпранікальнага насілля, што не ведае літасці, якім у бліжэйшым акружэнні Эрманарыка, Балеміра, Ацілы, Напалеона, памешчыцы Салтычыхі вызначаецца і правяраецца ўсё, ад сацыяльна-грамадскіх да сямейна-бытавых адносін.

Асабліва скандэнсавана дадзеная праблематыка ўвасабляецца ў рамане «Салтычиха». Аўтарам створаны вобраз вылюдка роду чалавечага, для якога бязлітаснае мучэнне безабароннай ахвяры з’яўлялася найвышэйшай асалодай: «Сделавшись богатой, независимой и притом молодой вдовой, Салтычиха еще более дала простору своей необузданной, дикой натуре и уж не знала удержу тем кровавым, бесчеловечным поступкам, которые с ужасающими подробностями занесли ее имя в уголовные хроники и которая своими злодействами над крепостными людьми ужаснула XVIII столетие» [Кондратьев 2011]. Нярэдка ахвярамі станавіліся блізкія саміх катаў: «Трудно без ужаса думать, что они переживали, избивая жалкие истерзанные тела

близких и дорогих им людей, под жадным внимательным взглядом госпожи, кричавшей в это время:

– Бейте сильней! Бейте до смерти! Я сама в ответе и никого не боюсь, хоть от вотчин своих отстать готова. Никто ничего сделать мне не может» [30, с. 13]. Письменник імкнецца зразумець, чаму стала магчымым беспакаранае забойства 75 бязвінных ахвяр? Пры гэтым аўтар падкрэслівае, што здзекі адбываліся не ў глухім павеце, Салтычыха пражывала ў Маскве. Самае жудаснае, што на бок вылюдка становіліся стацкія саветнікі, начальнік паліцмайстарскай канцылярыі і іншыя чыноўнікі, якія за хабар нават каралі бізуном мужыкоў, што прыходзілі скардзіцца на памешчыцу: «Из имений Салтыковой тянутся подводы с сеном, мукой и разной живностью – гусями, утками, поросятами – на дворы сговорчивых чиновников» [30, с. 14]. Дваццаць адзін раз пачыналася дазнанне аб жудасных расправах памешчыцы, і кожны раз яна з дапамогай падкупленых чыноўнікаў выходзіла сухой з вады і з яшчэ большай вытанчанасцю працягвала здэкавацца над сваімі прыгоннымі. І. К. Кандрацьёў прыходзіць да высновы, што ў існаванні антыгуманнай з’явы павінен сацыяльна-эканамічны лад, прыгоннае права. У рамана яўна гучаць ноты пратэсту супраць такой формы ўладкавання расійскага грамадства, дзе нормай з’яўляюцца змрочныя, варожыя чалавечаму жыццю сацыяльныя з’явы.

На гэту ж пісьменніцкую звышзадачу арыентавана стылістыка твора: апісанні канцэнтруюць агідныя рысы герояў, чый знешні выгляд адпавядае ўчынкам, яны паўстаюць свядома непрыязнымі, эстэтычна брыдкімі. Так, Салтычыха падаецца пісьменнікам як суб’ект дэманічнага свету, антыпод Боскага тварэння.

Выбудоўваючы раманы, пісьменнік суадносіць кампазіцыю з хронікай. Такая сюжэтна-кампазіцыйная пабудова – адна з граней вобразнай структуры. З ёй узаемазвязаны стыль, які дакладна фіксуе ідэйна-мастацкія асаблівасці рамана.

Важнейшымі крытэрыямі, арыенцірамі, якіх прытрымліваецца празаік у гістарычных творах, выступаюць сацыяльныя рэаліі, псіхалагічныя дэталі, побытавыя дробязі ўзнаўляемай эпохі. Дакладнасць апісання становіцца нормай апавядання. Так, калі Балемір выбірае сабе шчыт, то пісьменнік указвае, што той зроблены з дубу, на якім даволі груба выразана дубовая

галінка і па выразаным месцы расфарбавана ярка-зялёным колерам [Кондрат'ев 1994, с. 38].

Шэраг крытыкаў спрабавалі абвінавачваць І. К. Кандрацьева ў недакладнасці пэўных гістарычных фактаў. Не аспрэчваючы гэта, неабходна заўважыць, што пісьменнік не гісторык, яго задача не гістарычнае даследаванне, а мастацкая белетрыстычная рэканструкцыя падзей далёкага мінулага. На наш погляд, асобныя старонкі раманаў нават перагружаны інфармацыяй, не ўключанай у сюжэт, якая пэўным чынам абцяжарвае яго. Гэта, напрыклад, тычыцца главы «Столица гуннов». Але нельга забываць, што гістарычны раманист, прытрымліваючыся пэўных дакладных фактаў, павінен свабодна тварыць, абавірацца на мастацкую інтуіцыю, ствараць вобраз жывы, незабыўны і ў той жа час праўдзiвы. У кандрацьеўскіх раманах створана галерэя мастацкіх вобразаў, якія рэальна дзейнічалі ў розныя гістарычныя эпохі. У «Гуннах» гэта Аціла, Атанарык, Балемір, Будлі, Эрманарык і інш. У «Великим разгроме» – Аляксандр I, Баграціён, Кутузаў, Напалеон, Валеўскі, Растапчын. Аналіз твораў дае ўсе падставы сцвярджаць, што пісьменнік здолеў стварыць жывую, сапраўдную, аб'ёмную карціну жыцця; сцэны раманаў падаюцца рэльефна, каларытна, яскрава, выразна.

1812. Вайна 1812 г. была самай значнай гістарычнай падзеяй пачатку XIX ст., якая актывізавала грамадска-палітычны рух у Беларусі. Аднаўленне Напалеонам на тэрыторыі Польшчы герцагства Варшаўскага беларуская шляхта разглядала як пачатак вызвалення ад расійскай залежнасці ўсіх тэрыторый, уключаных у склад Расійскай імперыі ў выніку трох падзелаў Рэчы Паспалітай. Антырасійскія дзеянні шляхты і каталіцкага духавенства падтрымлівала і частка беларускага сялянства. Мужыкі спадзяваліся, што Напалеон вызваліць іх ад прыгону, як зрабіў гэта ў герцагстве Варшаўскім. Летам 1812 г. большая частка тэрыторыі Беларусі была занята французамі. На акупіраванай тэрыторыі пры садзейнічанні Напалеона было створана Вялікае Княства Літоўскае, сфарміраваны органы грамадзянскага кіравання, нацыянальнае войска. Драматызм вайны заключаўся ў тым, што нярэдка беларусы знаходзіліся па розныя бакі акупаў і вымушаны былі страляць адзін у аднаго.

П. Гес. Бітва пры Клясціцах

Падзеі гэтага перыяду прыцягвалі ўвагу беларускага пісьменніка-дэмакрата І. К. Кандрацьева. 1812 год знайшоў усебаковае адлюстраванне ў рамане «Великий разгром» («Драма на Лубянке») [Кондратьев 1887б] і аповесці «Божье знамение» (1896) [Кондратьев 1994], непасрэдным літаратурным папярэднікам якой быў раман Л. Талстога. Аўтар разглядае расійскае грамадства, адносіны розных сацыяльных груп да драматычнага эпизоду ў айчыннай гісторыі. Пярэдадзень вайны пісьменнік паказвае галоўным чынам праз характарыстыку паўсядзённага жыцця вышэйшых асоб. У аповесці «Божье знамение» адлюстраваны лад жыцця галоўнакамандуючых Масквы І. В. Гудовіча і Ф. В. Растапчына, амаль звычайная для мірнага часу атмасфера ў галоўнай кватэры цара ў Вільні: «В самое Вербное воскресенье, четырнадцатого апреля, император был уже в Вильно. Весь генералитет, на вид блестящий и единокдушный, а втихомолку завидующий друг другу и интригующий, во главе с военным министром Барклаем-де-Толли, ожидали государя у заставы и провожали его под приветственные пушечные выстрелы до дворца. Во дворце государь принимал депутации от разных виленских обществ. На другой день он в сопровождении свиты гулял по городу пешком. Пасха прошла в беспрестанных удовольствиях и балах» [Кондратьев 1994, с. 176].

Сілы нацыі заўсёды правяраюцца ў трагічных выпрабаваннях. Кандрацьеў сцвярджае, што большая частка дваранскага

саслоўя не вытрымлівае гістарычнай праверкі, паказваючы ўсю тую ж абьякавасць да ўсяго, акрамя ўласных карыслівых інтарэсаў. Маскоўскае вышэйшае саслоўе працягвае жыць бестурботна. У рамане «Драма на Лубянке» аўтар дае нам малюнак бесклапотнасці дваран нават падчас ваенных дзеянняў на тэрыторыі Расіі: «В барских домах продолжались обычные пирушки: ели, пили, танцевали экосезы, матрадуры, полонезы и болтали по-французски, соблюдая тон старой Франции. В клубах, Английском и танцевальном, напропалую играли в висты, лябеты и бостоны. Гулянья сменялись гуляньями. По улицам так и мелькали франты во фраках то кофейного, то василькового цвета, в узких, под цвет гороха, панталонах, с китовыми хлыстиками в руках, в пышных жабо на шеях и серых шляпах на голове. Дамы франтили не менее кавалеров, щеголяя своими прическами, необыкновенно высокими, и короткими рукавами платьев с высокими талиями» [Кондратьев 1992, с. 129].

Не змяніўся распарадак жыцця напярэдадні вайны ў палацава-паркавай сядзібе Вясёлая Ясень графа Валеўскага, якая раскінулася на маляўнічым беразе Беразіны. У рамане большасць падзей адбываецца на тэрыторыі сучаснай Беларусі, што набывае для нас асаблівую каштоўнасць. Аўтар раскрывае марны побыт акружэння графа: «В замке Веселая Ясень, в самом деле, жилось шумно и весело. Владелец его граф Ромуальд Валевский любил пожить хорошо и буйно, и потому у него и другим, кого он только приглашал к себе, жилось также хорошо и привольно. О привольном житье в Веселой Ясени шла молва по всей Белоруссии. Пирьы в Веселой Ясени были также известны, как пирьы в бывшее время в знаменитом Шклове генерала Зорина» [Кондратьев 1994, с. 167–168]. Вайна не хвалюе правінцыяльнае дваранства. Графа больш турбавалі ўзаемаадносіны са спявачкай Ульянай Рычаговай. Пісьменнік паказвае графа як касмапаліта, які не спачуваў ні Расіі, ні Напалеону, распачаўшаму ваенныя дзеянні супраць яго Айчыны. Пэўны час Валеўскі нават «служил в войсках Наполеона и, дослужившись до капитанского чина, кинул Францию и возвратился на покой в свою родную Литву» [Кондратьев 1994, с. 168].

Праўда, пісьменнік адзначае, што сярод вышэйшага саслоўя былі дваране, якія ахвяравалі на абарону Радзімы асабістыя капіталы. Такім, напрыклад, у аповесці паказаны малады граф Мацвей Мамонаў, што на ўласныя сродкі сфарміраваў цэлы конны полк. Але такіх патрыятычна настроеных дваран было

няшмат і іх перш за ўсё цікавіла рамантыка ваеннага жыцця. Пісьменнік тут жа заўважае, што дзеянні іх мала адпавядалі падрыхтоўцы да вайны: «Эти сорванцы более занимались пирушкой по московским трактирам, чем подготовлением к предстоящей боевой жизни. Об их удачных проделках ходило немало рассказов по Москве. Полк этот, впоследствии, ни в каком действии не был, отличался своеволием, сжег даже одно русское селение, за что главнокомандующий сделал Мамонову строгий выговор, а полк был расформирован» [Кондратьев 1992, с. 44]. Дваранскія сем'і пры набліжэнні французам «...быстро убегали из Москвы. Дома пустели» [Кондратьев 1992, с. 48].

Не шкадуе празаік і маскоўскае купецтва, ён абвінавачвае яго прадстаўнікоў у драпежніцтве, скупасці, эгаістычнасці, цемрашальстве і марнасці жыцця: «Купеческие сынки того времени, более даже, чем теперь, представляли замечательную касту безобразников и олухов царя небесного. Мало того, что редкий из них умел читать и писать, так еще грамота в их среде считалась некоторым позором для купеческого звания, и грамотеи изгонялись ими, как недостойные козлища. Достойным качеством в их среде считался не ум, не грамота, а буйство и удаль без границ, пробным камнем для которых были драки, пирушки и безумные ночные оргии где-нибудь на окраине города в излюбленном трактиришке, в котором допускалось все, что только могла выдумать необузданная натурашка гуляки купеческого сынка» [Кондратьев 1992, с. 62].

І. Кандрацьёў высмейвае ёрніцтва і падробку пад народнасць афіш Ф. Растапчына, асуджае выдачу ім на знявагу азварэламу натоўпу нявінна асуджанага Міхаіла Верашчагіна. Замест арганізацыі абароны Масквы Растапчын выпускае сумніўнага зместу афішы, у якіх добра падпіты мешчанін Карнюшка Чыхірын непатрэбнымі словамі абзывае французам: «Как! К нам? Милости просим: хоть на Святках, хоть на Масленице, да и тут жгутами девки так припопоят, что спина вздуется горой. Полно демоном-то наряжаться, молитву сотворим, так до петухов сгинешь! Сиди-ка дома да играй в жмурки либо гулочки. Полно тебе фиглярить, ведь солдаты-то твои кореша да щегольки: ни тулупа, ни рукавиц, ни малахая, ни онуч не наденут. Ну где им русское житье-бытье вынести. От капусты раздуются, от каши перелопаются, от щей задохнутся, а которые на зиму-то

останутся, так крещенские морозы поморят, будут у ворот замерзать, на дворе околевать, в сенях зазябать, в избе задыхаться, на печи обжигаться. Да что и говорить! Поводился кувшин по воду ходить, там ему и голову положить, Карл-то шведский почище тебя был, да и чистой царской крови, да уходился под Полтавой, ушел без возврата. Да и при тебе будущих-то мало будет. Побойчей твоих французов были, поляки, татары и шведы, да и тех наши так отпотчевали, что и по сю пору круг Москвы курганы, как грибы, а под грибами-то их кости. Ну, и твоей силе быть в могиле!» [Кондратьев 1992, с. 130].

Своекарыслівымі з'яўляюцца і мэты чыноўнікаў сілавых структур, на якія былі ўскладзены функцыі аховы бяспекі дзяржавы. У рамане намаляваны тыповыя вобразы маскоўскага сышчыка Гаўрыіла Якаўлева і яго памочніка Церція Сіроткіна. Паліцэйскія за вялікі хабар вызваляюць ад адказнасці французскага шпіёна Меціўе і нават дапамагаюць яму пакінуць Расію, а замест яго абвінавачваюць у шпіянажы бязвіннага купца Верашчагіна. Мастацкая і сацыяльная вартасць рамана заключаецца ў выкрыцці карыслівых славалюбцаў з асяроддзя ўладных структур, якія маральна разлажыліся. Характарыстыка Сіроткіна вельмі адмоўная. Аўтар рамана як бы зазірае ў глыбіню душы сваіх літаратурных персанажаў: «Это был выгнанный из службы чиновник, великий мастер крючкотворства, в некотором роде правая рука Яковлева во всех вопиющих против человечества проделках. Трудно было найти что-нибудь гаже этой личности. Безобразный с лица, горбатый, он был настоящим олицетворением зла и ехидства. Но Яковлев любил его, и никакое дело не начиналось им без этого горбуна» [Кондратьев 1992, с. 22]. Такім жа паказвае Кандрацьеў і сышчыка Якаўлева: «Далеко не умный, грубый до зверства... Яковлев был неразборчив до свинства», «Нашему вору все в пору» [Кондратьев 1992, с. 99]. Майстэрства Кандрацьева праяўляецца і ў тым, што характары, перажыванні і ўчынкі герояў узнёўляюцца пісьменнікам у глыбокай абумоўленасці іх сацыяльным асяроддзем і знешнімі абставінамі.

Зусім інакш паказвае І. Кандрацьеў настрой народа, поўнага рашучасці абараняць Радзіму. Пісьменнік гістарычна праўдзіва ўзнёўляе псіхалагічныя рысы народнага патрыятызму. Прыезд Аляксандра I у Маскву, яднанне цара і народа адлюстраваны ў наступным урыўку: «Народ чутко отозвался на клич своего

государя, и это было не мимолетной вспышкой возбужденного патриотизма, не всеподданнейшим угождением воле и требованиям государя, нет – это было проявление сознательного сочувствия между царем и народом. Оно во всей своей силе и развитости продолжалось и далее. Тут ясно обозначилась необходимость расчесться и покончить так или иначе с Наполеоном не только в России, но и где бы он ни был. Первый шаг для этого был сделан. Началась война народная» [Кондратьев 1994, с. 199]. Патрыятачны дух народа праяўляецца ў стварэнні партызанскіх атрадаў, забеспячэнні рускай арміі фуражом і харчаваннем: «Продовольствие для людей добывалось даром. Для говядины ловили и забирали рогатый скот, овец, свиней. Жители не только не противились, но даже предлагали брать все, говоря: “Берите, батюшки, берите, родные, чтобы не досталось французу”» [Кондратьев 1994, с. 76].

Народная свядомасць уступае ў дзеянне пры набліжэнні ворага да Масквы. У рамане і аповесці маюцца масавыя сцэны, якія паступова ўбіраюць у сябе водгукі і настроі розных сацыяльных слаёў – сялян, мяшчан, купцоў, рамеснікаў, нават злачынцаў, адпушчаных з турмы. Масквічы на двары Раствапчына патрабавалі весці іх на «Тры гары», каб там узброенымі сустрэць французаў: «...Что же это нас обманывают! Француз уже под Москвой. А мы резону не дождемся, толку не добьемся! В печатных листах всех православных призывали на “Три горы”, а теперь туда не ведут!» [Кондратьев 1992, с. 145].

П. Гес. Бітва пад Полацкам

У рамане і асабліва ў аповесці І. Кандрацьёў стварыў галерэю вобразаў герояў вайны 1812 г. Выразнікам патрыятычнага духу і маральнай сілы расійскай арміі выступае М. І. Кутузаў. У аповесці адна глава адведзена трактоўцы яго вобраза. Галоўнакамандуючы расійскай арміяй паказаны таленавітым, энергічным, як і шэраг іншых военачальнікаў. Сапраўдным вялікім гістарычным дзеячам яго зрабілі 1812 год і той давер, які аказалі яму народ і армія: «Назначение Кутузова было встречено в войсках восторженно. Барклай был забыт и брошен, точно его не существовало и точно он не принес пользы ни на одну каплю» [Кондратьев 1994, с. 230].

Пісьменнік супрацьпастаўляе знешні выгляд палкаводца яго ўнутранай велічы. Прыводзіць адмоўныя выказванні П. Баграціёна пра фізічныя якасці галоўнакамандуючага расійскай арміяй: «Нашли кого назначить, старого развратника, который только и умеет возиться с девчонками да дремать на советах» [Кондратьев 1994, с. 231]. Такая характарыстыка абумоўлена тым, што Баграціён сам разлічваў заняць пасаду галоўнакамандуючага. Недаацаніў Кутузава і Напалеон: «Это не тот ли старичок, который умеет отлично бегать? Я ему еще раз дам повод бежать, только не из Баварии, а из своей Московии, за Волгу, в киргизские степи» [Кондратьев 1994, с. 232]. Ваенныя дзеянні вялікага палкаводца сведчаць аб тым, што яго жыццё і воля былі падпарадкаваны адзінаму – перамозе над ворагам. Кутузаў намаляваны ў арганічным зліцці ўзнёсласці яго ідэалаў і жыццёвай будзённасці. Для Кандрацьёва наогул характэрна прадстаўляць геніяльных палкаводцаў без рамантычнага флёру. Правадыр гунаў Аціла ў рамане «Гунны» паказаны таксама не ў сакральным арэале, а ў рэальным паўсядзённым абліччы: «Любя свой народ, он допускал к себе всякого, кто имел к нему дело. Зато и народ до обожания любил его... За столом Аттила, по обыкновению, сидел в своей бурке, перепоясанный мечом. Вельможи его, напротив, были осыпаны золотом, драгоценными камнями и жемчугами» [Кондратьев 1994, с. 120].

Іншымі фарбамі намаляваны вобраз Напалеона. У рамане і аповесці імператар Францыі паказаны як нахабны і жорсткі захопнік, дзеянні якога не толькі не апраўданы ні гісторыяй, ні патрэбамі французскага народа, але і супярэчаць маральнаму ідэалу чалавецтва. Ён – дзёрзкі парушальнік законаў гісторыі, індывід, які пагарджае ўсім, не прызнае нічога, акрамя сваёй

волі: «Человека этого сделала мировым гением грубость, неразборчивость и посредственность, которыми он обладал в более высокой степени, чем грубость, неразборчивость и посредственность» [Кондратьев 1994, с. 160]. У аповесці Кандрацьевым скандэнсаваны індывідуалізм, эгацэнтрызм і цынічнасць, якія вядуць Напалеона да непазбежнага крушэння: «В отношениях со всеми, не исключая и женщин, новейший Цезарь был откровенен до цинизма и – главное – ненавидел не слабости и пороки людей, а то глубоко развращенное фарисейство, которое прикрывает маской добродетели свою внутреннюю грязь. Он лгал, но лгал смело, как человек, сознающий свою неоспоримую силу... Он был неумолим, жесток, и говорил: “Милосердие далеко не завидная добродетель”» [Кондратьев 1994, с. 160].

На наш погляд, пісьменнік суб'ектыўна падыходзіць да ацэнкі Напалеона, які быў, безумоўна, вялікім палітычным і ваенным дзеячам сваёй эпохі.

У рамане і аповесці створаны мастацкія вобразы П. Баграціёна, М. Баркляя-дэ-Толі, Ф. Растапчына. Яны розныя. Так, Растапчын намаляваны разгубленым, палахлівым чалавекам, які акружае сябе злачыннымі па натуры людзьмі, такімі як сышчык Якаўлеў, не раскрыты французскі шпіён Лубянецкі. Галоўнакамандуючы Масквы сам прызнае іх нікчэмнасць, але абапіраецца на іх: «Каналы вы оба, вижу я, скверное дело сделали, но мне теперь такие люди, как вы, нужны, а дело такое – еще нужнее» [Кондратьев 1992, с. 143]. Менавіта яны сфабрыкавалі «шпіёнскую справу» Верашчагіна, які па загадзе Растапчына быў аддадзены на самасуд натоўпу. Пры набліжэнні французай да Масквы Растапчын непрыкметна ў суправаджэнні паліцэйскіх, сярод якіх былі Якаўлеў і Лубянецкі, пакінуў горад. Гараджане самі спрабавалі арганізаваць абарону Масквы. Кандрацьеў піша пра гэта так: «...2 сентября, передовой отряд их, бывший под начальством неаполитанского короля Мюрата, подходя к Троицкому мосту, с удивлением заметил, что ворота заперты и стены вокруг них усеяны вооруженными людьми, тогда как по словесному соглашению короля с генералом Милорадовичем военные действия были прекращены на все время выступления русских войск из столицы. Французы остановились, но в то же мгновение раздался залп из ружей, установленных против них. Тогда-то французы увидели, что

имеют дело не с войсками, а с несчастными жителями, которые в ненависти к врагам хотели отразить Наполеонову армию от Кремля» [Кондратьев 2008, с. 55].

П. Гес. Пераправа праз Беразіну

П. Баграціён выведзены І. Кандрацьевым вельмі станоўча. У апісанні яго ўчынкаў, думак адчуваецца глыбокая сімпатыя аўтара да гэтага героя 1812 г. Славалюбства Баграціёна не мае адмоўнага адцення, яму надаецца рамантыка-індывідуалістычны характар. Смерць князя, якую падрабязна апісвае Кандрацьеў, не ўздзейнічае на чытача прыгнятальна і нават уяўляецца непазбежнай і неабходнай як ахвяра для выратавання Радзімы. Яе прадказвае варажбітка задоўга да пачатку вайны на першых старонках аповесці. Трагічнае ў «Божьем знаменіі» не набывае таго змрочнага і злавеснага сэнсу, які прысутнічае ў раманах «Гунны» і «Салтычиха».

Адметнасцю рамана «Великий разгром» і аповесці «Божье знамение» з'яўляецца сцісласць кампазіцыі, якая тым не менш прадстаўляе шырокія магчымасці для багатага зместам дзеяння і стварэння характараў. Пераапісаныя кандрацьеўскія творы нескладаныя па сваёй пабудове. Іх прастата дасягаецца нескладанай фабулай і падначаленнем усіх элементаў твора аднаму цэнтральнаму вобразу. Дзеянне адбываецца паслядоўна, са зразу-

мелай матывіроўкай кожнай сітуацыі і ў той жа час без лішніх эпизодаў і дэталей. Асновай сюжэта разглядаемых твораў з'яўляецца, як і ў старажытным эпасе, вялікая гістарычная падзея, ад зыходу якой залежыць лёс многіх народаў. Але ў адрозненне ад гераічнага эпасу ў рамане і аповесці ўзнаўляецца лёс кожнага чалавека асабіста. Кандрацьёў не паказвае малюнкi вялікіх бітваў пад Клясціцамі, Полацкам, Смаленскам, пры Бярэзіне. Сцісла апісвае ён бітвы пад Віцебскам і Барадзіно. Уся ўвага пісьменніка сканцэнтравана на выяўленні чалавечай, маральна-псіхалагічнай сутнасці ўдзельнікаў вайны.

Наступствы акупацыі французамі Масквы знайшлі адлюстраванне ў гістарычным даведніку «Седая старина Москвы», напісаным у 1893 г. [Кондрат'ев 1893]. Пры апісанні помнікаў культуры Крамля, Кітай-горада, Беллага і Землянога горада, славуцасцей ваколiц Масквы І. Кандрацьёў не забывае сказаць пра стан таго ці іншага артэфакта культуры ў час вайны. З хваляваннем гаворыць пісьменнік аб уплыве маскоўскіх святынь на маральна-псіхалагічны стан абаронцаў радзімы. Пры апісанні Успенскага сабора аўтар распавядае пра наведванне яго пад час вайны Аляксандрам І. Імператар, «приложившись ко св. мощам, дал обещание отразить вторгшегося в Россию неприятеля, причем преосвященный Августин сказал: “Ты возбуждаешь и движешь сердца наши на защищение возлюбленной России”» [Кондрат'ев 2008, с. 124]. Пісьменнік стварае карціну сумнага становішча разрабаванага храма: абразы былі абадраны, іканастас зламаны, начынне ўкрадзена. Да здзіўлення святароў, некранутай засталася толькі сярэбраная рака св. Іаана. І. К. Кандрацьёў перадае звязанае з ёю паданне: «...неприятели несколько раз пытались коснуться этой святыни, но каждый раз были приводимы в трепет какою-то необъяснимою силою. Это дошло до слуха Наполеона: он сам вошел в собор, и им, говорят, овладел такой страх, что он невольно содрогнулся, вышел из храма, приказал его запереть и поставил часового» [Кондрат'ев 2008, с. 125].

З болей распавядае І. Кандрацьёў аб разрабаванні французамі царквы свв. Канстанціна і Алены, пашкоджанні званіцы Івана Вялікага, знішчэнні Арсенала. Артылерыйскім агнём быў знішчаны Маскоўскі ўніверсітэт з усімі навуковымі скарбамі, з бібліятэкай у 20 тыс. тамоў. З абурэннем перадае пісьменнік гісторыю знішчэння ворагам Пятроўскага палаца і парка. Са-

мыя вялікія дрэвы французы спілавалі. На тэрыторыі парка былі пабудаваны шыкоўныя зямлянкі з рамамі, дзвярыма, люстрамі і мэбляй, узятымі з лепшых дваранскіх палацаў. Пры адступленні французаў з Масквы палац спустошыў пажар. Амаль поўнасю, паведамляе Кандрацьёў, быў разбураны Галавінскі палац, моцна пацярпела ад непрыяцеля Пятроўска-Разумоўская палацава-паркавая сядзіба, не пазбеглі апаганьвання Пакроўская сядзіба, якая належыла Л. К. Нарышкіну, сядзіба Шарамецьевых у Кускове. Апісанне злачынстваў французаў у Маскве і яе ваколіцах займае шмат старонак. Аўтар прыходзіць да высновы, што нашэце Напалеона было самым жудасным бедствам, якое выпала на долю масквічоў: «Все тогда гибло в пламени: церкви, дома, великолепные здания, сады, и обгорелые их остатки представляли унылый вид опустошения. По приказанию озлобленного неудачей Наполеона маршалом Мортье кремлевские здания были взорваны в пяти местах. Кремлевские стены во многих местах треснули. Повреждена была левая часть Ивановской колокольни и почти половина Арсенала. Из 9158 домов уцелело только 2626, и то большей частью в предместьях города и в частях Мясницкой и Тверской, где имели пребывание неприятельские караулы» [Кондратьев 2008, с. 31]. Пра жудасныя страты Смаленска пісьменнік распавядае ў чытанцы для дзяцей «Искра Божия»: «Русские отступили, и французы заняли Смоленск; но здесь из 2250 домов уцелело только 350, улицы были завалены телами убитых и раненых» [Кондратьев 1887в, с. 98].

Ва ўнікальным даведніку змешчаны не толькі матэрыялы аб рабаванні французамі Масквы і яе ваколіц. І. Кандрацьёў сабраў і ўключыў у фаліант шмат гістарычных матэрыялаў, паданняў пра мужнасць і патрыятызм яе абаронцаў. Тут маецца аповед аб імкненні цывільных жыхароў першапрастольнай перашкодзіць уступленню непрыяцеля ў горад [Кондратьев 2008, с. 55].

Цікава падае аўтар гісторыю маскоўскіх могільнікаў. Раскрываючы гістарычныя старонкі Праабражэнскага могільніка, пісьменнік асуджае манахаў Нікольскага манастыра, якія хлебам-соллю сустракалі французаў: «Из ворот Преображенского кладбища в 1812 году вышла процессия для торжественной встречи Наполеона. Враг России был принят хлебом-солью, золотыми блюдами, насыпанными золотом, и быками с вызоло-

ченными рогами. Наполеон поставил им для охраны своих жандармов, вследствие чего святыня федосеевцев осталась цела и невредима» [Кондратьев 2008, с. 533]. У нарыс пра Сухарайскую вежу ўключана паданне пра каршуна, які за дзень да ўступлення французаў у Маскву лятаў над сталіцай: «Пролетая мимо Сухаревской башни, он запутался в крыльях двухглавого медного орла на шпиле. Долго бился он, пытаясь освободиться, но, обессиленный, повис и издох. Народ, собравшийся смотреть на это, толковал:

– Это недаром; беспременно и Бонапарт запутается в крыльях русского орла» [Кондратьев 2008, с. 541].

Ёсць у даведніку нарысы пра помнікі, узведзеныя ў гонар перамогі над французамі. Так, І. Кандрацьёў распавядае пра Трыумфальныя вароты, урачыста адкрытыя ў 1826 г. у памяць падзвігаў імператара Аляксандра I у 1812 г. [Кондратьев 2008, с. 543]. Займальна пададзена гісторыя хаты селяніна Фралова ў Філях, дзе 1 верасня 1812 г. адбывалася знакамітая ваенная нарада, на якой было вырашана ўступіць ворагу Маскву без бою дзеля выратавання ўсёй Расіі. У жніўні 1887 г. дом Кутузава быў рэканструяваны, асвечаны і стаў гістарычным помнікам [Кондратьев 2008, с. 616]. Цікавыя звесткі прыведзены ў даведніку пра аднаўленне разрабаваных французамі маскоўскіх святынь, такіх як старажытная ікона «Залатыя валасы», якая захоўвалася ва Успенскім саборы. У час вайны французы забралі з яе залаты аклад, які быў аднаўлены ў 1818 г. [Кондратьев 2008, с. 112].

Такім чынам, у гістарычных творах пісьменніка чытачу адкрываюцца малавядомыя старонкі гісторыі часоў вайны 1812 г. І. К. Кандрацьёў стварае маляўнічыя, захапляючыя карціны мінулага, жывымі паўстаюць і сапраўдныя героі, і выдуманя.

Сівая даўніна Масквы

У 1893 г. завершана праца над кнігай «Седая старина Москвы», якую І. К. Кандрацьеў называе гістарычным аглядам і поўным паказальнікам маскоўскіх «достопамятностей» [Кондратьев 2008, с. 5]. У творчай спадчыне пісьменніка гістарычнае даследаванне мае асаблівую каштоўнасць. Аўтар сабраў і сістэматызаваў унікальныя звесткі па гісторыі горада: цэрквы, манастыры, палацы, масты, вуліцы, плошчы... Фаліант, аб'ём якога складаўся амаль з 700 старонак, быў падараваны імператару Мікалаю II, за што выдавец Іван Андрэевіч Марозаў 10 мая 1894 г. «...через заведующего делами Августейших Детей Их Императорских Величеств, генерал-лейтенанта Васильчикова, был осчастливлен получением благодарности» [Кондратьев 1906, с. 193]. Кніга выклікала цікавасць і ў вялікага князя Сяргея Аляксандравіча, які ў той час быў Маскоўскім генерал-губернатарам: выдавец 3 сакавіка 1894 г. быў «...милостиво удостоен получением искренней благодарности, через заведующего Двора Его Высочества генерал-майора графа Стенбока» [Кондратьев 1906, с. 193]. Даведнік неаднаразова перавыдаваўся ў наш час: «Вот уж поистине подарок в наше перевернутое бездуховностью время, когда книжные развалы забиты завлекательной макулатурой!» [27, с. 5].

Пры складанні гістарычнага даведніка І. К. Кандрацьеў выкарыстоўваў мемуары і даследаванні: прыводзяцца спасылкі на Ніканаўскую і Наўгародскія летапісы, «Историю государства Российского» М. Карамзіна, «Степенную книгу», сачыненні І. Забеліна, А. Ратшына, І. Снегірова, артыкулы протаіерэя Мікалая Скварцова, святара М. Салаўёва і інш. Структурна «Седая старина Москвы» падобна на многія працы дадзенага жанру, што з'явіліся значна раней: «Памятники московской древности с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы» (1842–1845) і «Москва. Подробное описание историческое и археологическое города» (1875) прафесара Маскоўскага ўніверсітэта

І. М. Снегірова, «Древности Москвы и их исследования» (1867) і «Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы» (1884–1891) І. Я. Забеліна. За два гады да выхаду кандрацьеўскага даведніка М. І. Пыляеў апублікаваў даследаванне «Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы» (1891). Але праца І. К. Кандрацьева істотна адрозніваецца ад іншых. Яе адметнасці вызначыў выдавец І. А. Марозаў: «К услугам созерцателей имеются, конечно, путеводители по Москве (их можно считать десятками), но все они без исключения имели или чисто специальный характер “путеводителя”, давая большое место всякого рода адресам и объявлениям, но только вскользь упоминая или обходя совершенно такие исторические данные, которые, в сущности, и составляют отличительную, характеристическую черту Москвы и есть, можно сказать, то, на чем создалась и зиждется сила и слава Первопрестольной» [Кондратьев 2008, с. 18]. Сучасны гісторык Г. Міронаў вылучае «основные мотивы привлекательности книги, ее вечности, интереса к ней, которые побуждают к ее переизданию. Большинство путеводителей рассказывают о Москве отстраненно, с позиций чистого просветительства, сделаны сугубо информационно. Споры нет, полезны все книги о Москве, сколько бы их ни было, но из всех историков, писателей, журналистов и краеведов, писавших о столице, гимн этому удивительному, таинственному, обаятельному, прекрасному городу удалось создать, может быть, лишь И. К. Кондратьеву... В этом-то и состоит секрет привлекательности книги Кондратьева сегодня. Он объективно, обстоятельно, чрезвычайно дотошно и досконально, в деталях описывает историю возникновения, строительства, созидания великого города... Кондратьев безусловно честен перед читателем: он говорит то, что думает, он исторически правдив и субъективен одновременно. В документально достоверной и точной книге о Москве свою любовь к ней Кондратьев проявляет не в подтасовке фактов в угоду излюбленной концепции, не в смешении акцентов, не в отсеивании не работающей на его идеи информации, а в том, что все многочисленные факты, примеры, мельчайшие детали он с любовью и тщанием мастерового Древней Руси выкладывает в некую мозаику, которая единственно и может воссоздать многовековую историю Москвы, да еще и представить ее перед читателем зримо в чередке очерков, новелл, эссе о “достопамят-

ностях” города... Как добрый православный человек умеет сказать теплое приветливое слово каждому встречному, так и Кондратьев умеет найти доброе и равнодушное слово для каждого московского строения, обычая, события» [27, с. 9].

Іван Кузьміч змог перадаць настальгію і прыхільнасць свайго часу да даўніны, калі ў архітэктур, мастацтва, побыт, інтэр’ер і адзенне ўвайшоў рускі стыль, калі гісторыкі і знаўцы адкрылі для масквічоў дзіўны, маляўнічы вобраз старой, у асноўным дапятроўскай Масквы. Менавіта ў гэты перыяд былая сталіца ўзбагацілася пабудаванымі ў рускім стылі храмамі, музеямі, грамадскімі будынкамі, помнікамі. У гістарычным нарысе «Панорама старой Масквы» аўтар заклікае пазнаёміцца са славацямі горада: «Познакомимся же с ними, любопытные русские люди! Познакомимся и с этими событиями, и с этими именами, и со всем тем, что Москва создала столетиями самостоятельного, оригинального, любопытного и что дорого всякому тому, у кого бьется чисто русское сердце! Познакомимся!» [Кондратьев 2008, с. 36]. Гэта імкненне рускага грамадства да нацыянальных каранёў адчуў і змог увасобіць пісьменнік у сваёй унікальнай працы. Кніга Івана Кузьміча – пакланенне душы, пакланенне Маскве. Яна напісана яркай і вобразнай мовай, вызначаецца сюжэтай займальнасцю, велізарным фактычным матэрыялам.

Вандроўку па Маскве пісьменнік пачынае з Крамля, гісторыі яго ўзнікнення, будаўніцтва дубовых сцен пры Іване Каліце і мураваных – пры князі Дзмітрыі Данскім. Гістарычная мазаіка складае перыяд ад Юрыя Даўгарукага да вайны 1812 г.

Зрабіўшы гістарычны агляд мінулага Першапрастоўнай, І. Кандрацьёў пачынае маляўнічае апісанне Крамлёўскіх варот, якіх у даўніну было шэсць: Фролаўскія (Спаскія), Канстанціна-Яленскія, Баравіцкія, Куратныя (Траецкія), Тайніцкія і Нікольскія. Аўтар тлумачыць паходжанне назваў варот, распавядае пра гісторыю ўзнікнення, функцыянальнае прызначэнне. Назва Баравіцкіх варот, лічыць пісьменнік, пайшла ад бору, які некалі тут знаходзіўся. Траецкія вароты атрымалі назву ад абраза Прасвятой Тройцы, які знаходзіўся на ўнутраным баку іх. Тлумачацца назвы і іншых варот. «Ворота Тайнинские, – піша Кандрацьёў, – получили свое название, несомненно, потому, что они прежде, во время осад, служили тайным выходом на Москву-реку за водою или для вылазок» [Кондратьев 2008,

с. 56]. Найбольш падрабязна разглядаецца гісторыя Спаскіх варот. Апісанне пачынаецца радкамі Ф. Глінкі: «Шляпы кто, гордец, не снимет / У Святых в Кремле ворот?» [Кондратьев 2008, с. 59]. Аўтар даведніка падкрэслівае іх сакральную сутнасць. Ён адзначае, што праз Спаскія вароты здаўна праходзілі ўсе ўрачыстыя і царкоўныя хады. Напрыклад, у XIX ст. з трынаццаці хрэсных хадоў восем праходзілі праз Спаскія вароты. Тут у мінулыя стагоддзі адбываўся ход патрыярха ў Вербную нядзелю ў Пакроўскі сабор, пры гэтым цар альбо яго прыбліжаны вёў асла, на якім сядзеў патрыярх. Каля гэтых варот цары, мітрапаліты з саборам, баярамі і з усімі знакамітымі людзьмі сустракалі ў розныя часы святыя іконы.

Спаскія вароты. 1902 г.

Крыніца: *Асс А.* Россия в картинах: художественный и промышленный альбом. Одесса: Тип. кн-ва Г. Н. Каранта, 1902

У раздзел «Спаскія вароты» ўключаны некалькі паданняў, адно з іх узятая з Мінеі, дзе распавядаецца, што падчас нашэсця на Маскву Махмет-Гірэя «слепая инокиня Вознесенского монастыря имела... следующее видение: при колокольном звоне шли из Кремля Фроловскими воротами почивающие святители и несли икону Владимирской Божьей Матери, стоящую в

Успенском соборе и писанную евангелистом Лукой. Навстречу им из Китай-города вышли преподобные Сергей Радонежский и Варлаам Хутынский и спросили святителей, куда они идут. Святители ответили, что Господь повелел им уйти из града сего и взять икону его Матери, потому что люди презрели страх Божий и о заповедях его вознерадели; за это он предаёт землю русскую иноплеменикам и язычникам. Преподобные стали просить святителей помолиться милосердному Богу о прощении грешных. Святители вняли их мольбе, вознесли вместе с ними молитвы Всевышнему и потом воротились в Кремль» [Кондратьев 2008, с. 61]. Увёў аўтар і гістарычнае паданне аб захопе Фролаўскіх варот падманам ханам Тахтамышам.

Панарамна прадстаўлены саборы Крамля: Архангельскі, Благовешчанскі, Успенскі, Верхаспаскі і Сабор Спаса Праабражэння на Бары. Змешчаны звесткі па гісторыі кожнага сабора, апісваюцца асаблівасці архітэктурных форм, вобразна перададзены роспісы саборных сцен, выявы святых і князёў. Аўтар не абмяжоўваецца апісаннем дэкору, арак, фрэсак, ён распавядае, у якую эпоху ствараўся архітэктурны помнік, якія адносіны звязвалі архітэктара з уладай, якому густу дойдзіць дагадзіць, як імкнуўся адгукнуцца на сфарміраваны ў масавай свядомасці эстэтычны густ.

Са старонак кнігі перадаецца чытачу захапленне аўтара ад святынь, якія знаходзяцца ў храмах. Шмат увагі надае І. Кондрацьёў апісанню грабніц Архангельскага сабора ад Івана Каліты да Барыса Гадунова. Тут і падрабязная інфармацыя пра мошчы св. Дзмітрыя, Чарнігаўскіх цудатворцаў, князя Міхаіла Усеваладавіча і баярына яго Фёдара, якія былі закатаваны ў Ардзе за адданасць праваслаўнай царкве. Успенскі сабор быў месцам пахавання маскоўскіх патрыярхаў і мітрапалітаў, таму аўтар падае нам цікавую інфармацыю пра мошчы свв. мітрапалітаў Пятра, Філіпа II, Феагноста, Кіпрыяна і Фоція. У спецыяльных каўчэгах захоўваюцца розныя часткі мошчаў: правая рука і локаць апостала Андрэя Першаазванага, галава Грыгорыя Багаслова, галава Іаана Златавуста, часткі мошчаў Іаана Хрысціцеля, князя Уладзіміра і інш.

Не шкадуе фарбаў пісьменнік пры апісанні іканастанасаў і рызніц крамлёўскіх сабораў. З хваляваннем распавядае пра свяшчэнныя рэдкасці, якія ў іх утрымліваюцца: «Ризница Успенского собора одна из драгоценнейших. В ней хранится много

священных и дорогих вещей, важных и по своей глубокой древности, и по своим историческим воспоминаниям.

Укажем на некоторые из них.

Сосуд, известный под названием Августовой крабии, крабницы, или крабчицы. Он сделан из яшмы с финифтяной змейкой – символом вечности. По преданию, этот сосуд принадлежал императору Августу Кесарю и подарен восточным императором Алексеем Комнином великому князю киевскому Владимиру Мономаху вместе с царскими регалиями: скипетром, бармами и венцом. Сосуд с крышкою, несомненно, есть замечательная древность. Из него помазывают наших государей миром при венчании на царство.

Семь Евангелий. Первые два весьма древние, пергаментные, на греческом языке. Третье, писанное самим св. Ионою митрополитом, украшено жемчугом. Четвертое – болгарского письма, в золотом окладе, с цельными драгоценными камнями, по древнему обычаю. Пятое, писанное кистью красивым почерком, с искусною живописью по местам, и особенно в заглавии, – труд царевны Ирины Михайловны, тетки Петра Великого. Шестое, в богатейшем окладе, пожертвованное царем Федором Иоанновичем. Седьмое, относящееся к 1693 году, – дар царицы Натальи Кирилловны. Это Евангелие – единственное в своем роде по богатству и огромности. Обе доски оправлены чеканным толстым золотом с алмазами, яхонтами и изумрудами необыкновенной величины, и на них весьма искусно вырезаны изображения свв. евангелистов и некоторых других святых. По приказанию императрицы Екатерины II оклад этого Евангелия был оценен, и найдено, что он стоил тогда 200 тысяч рублей (1770 г.).

Из крестов замечательны: кипарисный в золотом окладе – дар боярина и конюшего Бориса Федоровича Годунова (1594 г.); серебряный с финифтью и разными мощами – дар думного дворянина Игнатия Петровича Татищева (1595 г.); большой, золотой, гладкий – дар царей Иоанна и Петра Алексеевичей (1683 г.); крест царя Константина, носимый во время крестных ходов. Под этим же названием до 1812 года тут хранился и тот священный крест, который спас жизнь Петра Великого, имевшего его на себе во время Полтавской битвы; пуля, направленная в грудь, остановилась в кресте, где на краю левого затвора и заметен был след ее. Он был четвероконечный, в 5 вершков, обложен золотом с драгоценными камнями и получен царем

Федором Иоанновичем с Афонской горы. При нашествии неприятелей его похитили. Из множества драгоценных сосудов особенно обращают на себя внимание следующие: два потира, привезенные св. Антонием Римлянином в 1106 году из Рима в Новгород, откуда они взяты в числе трофеев царем Иоанном Васильевичем Грозным. Один из них, ориентального оникса, – есть одна из редчайших вещей этого рода, коей нельзя назначить цены; а другой из восточной яшмы, с яхонтовою решеткою, стоящий, по крайней мере, 25 тысяч рублей серебром. Заслуживают внимания и другие сосуды с полным прибором. Например, царя Иоанна Васильевича, золотой, весом 7 фунтов; царя Федора Алексеевича, весом 30 фунтов; Екатерины II, изящной отделки, украшенный бриллиантами, яхонтами и превосходными антиками, резанными на драгоценных камнях. Сосуды эти императрица своими руками поставила на жертвенник собора 9 июля 1775 года во возблагодарение Богу за славный мир с Портою» [Кондратьев 2008, с. 119–120].

Неабходна адзначыць, што пры напісанні дадзенага раздзела І. Кандрацьёў выкарыстоўваў грунтоўныя крыніцы, такія як «Собрание государственных грамот» Нікана, «Сказание современников о Дмитрие Самозванце», працу А. Ратшына «Исторические сведения» і інш.

Благавешчанскі сабор паўстае перад намі не толькі як праваслаўны храм, але як царква рускіх цароў. «По многим древним свидетельствам, – адзначае Кандрацьёў, – видно, что собор этот не только в народе, но и в документах именовался “на царском дворе у сеней” и был, как уже сказано, всегда придворным собором великих князей и царей» [Кондратьев 2008, с. 100].

К.-Ф. Бодри. Крестный ход у Благовещенского собора в Московском Кремле. 1860 г.

У раздзеле «Крамлёўскія цэрквы» маштабна прадстаўлены 11 дзейнічаўшых на канец XIX ст. і 14 ліквідаваных цэркваў. Пра кожны храм маецца гістарычная даведка, у якой утрымліваюцца звесткі аб часе заснавання і імя асобы, што яго заснавала, паказаны адметнасці той ці іншай царквы.

Асобныя раздзелы прысвяціў аўтар званіцы Івана Вялікага, Цар-гармаце і Цар-звану. Жывапісна пададзена гісторыя гэтых помнікаў рускай культуры. Сапраўдныя факты і падзеі, звязаныя з іх стварэннем, пераплятаюцца з легендамі і паданнямі. Аўтар «полный восторга и удивления» выкарыстоўвае ўпрыгожваючыя эпітэты: «чарующее впечатление», «очарователен необыкновенно», «памятник пышного царствования» і інш.

Падаецца, І. Кандрацьеў не прапускае ніводнай дэталі пры апісанні царскіх палацаў, Патрыяршага дома, Сената, Зброевай палаты, Арсенала, Казармаў, Гранавітай палаты і Чырвонага ганка. Напэўна, аўтар не аднойчы з захапленнем сузіраў гэтыя цудоўныя тварэнні не толькі рук, але і духу людскога.

Нельга без хвалявання чытаць раздзел «Оружейная палата», прысвечаны своеасаблівай скарбніцы рускіх самадзержцаў. Пісьменнік у дэталю падае нам кожны шэдэўр, які змешчаны ў той ці іншай зале. Усе восем залаў з іх адметнасцямі, культурнымі артэфактамі паўстаюць перад чытачом у характэры і прыгажосці. Ад шапкі Манамаха да кароны імператара Паўла праводзіць нас аўтар па зале «Короны».

Карона імператара Паўла

Не абмінае вітрыны са скіпетрамі, дзяржавамі, бармамі, жэзламі, упрыгожваннямі адзення. Знаёміць з адметнасцямі царскіх шапак і карон: «1. Шапка Мономаха. Названа так потым, што прыслана імператаром Алексеем Комнином Владимиру Мономаху. Опушка шапки соболья. Тулья венца состоит из восьми продолговатых, треугольных сканых, золотых дощечек. Скань-лучение состояло из

тонких проволок, образующих сетчатую, сквозную работу. В шапке Мономаха видна высокая скань. На золотом яблоке, в гнездах, три крупных камня. 2. Шапка казанская. Перешла в казну после смерти Эдигера, хана Казанского, который в 1553 году принял крещение и получил от Иоанна Грозного титул царя Казанского. Весу в шапке около 5 фунтов. Оценена в 1702 году в 685 рублей. 3. Шапка царя Михаила Феодоровича. Делана в 1627 году при думном дьяке Телепневе. Между дорогими камнями выделяется один огромный алмазный сапфир. 4. Шапка алтабасная Иоанна Алексеевича, сделанная в 1684 году. 5. Шапка алмазная Иоанна Алексеевича 1687 года включает более 900 камней. Оценена в 1702 году в 15 200 рублей. 6. Шапка алмазная Петра Алексеевича включает до 825 алмазов. Оценена в 17 тысяч рублей. 7. Шапка царя Петра Алексеевича по образцу Мономаховой. 8. Корона императорская. Имеет до 2500 алмазов. Над алмазным крестом огромный лал (рубин), купленный в 1676 году в Пекине и оцененный в 1725 году в 60 тысяч рублей. 9. Корона грузинская. 10. Корона мальтийская императора Павла. Эта корона со званием Великого магистра Державного Ордена Иоанна Иерусалимского была предложена мальтийцами Павлу I в 1798 году, когда генерал Бонапарт занял о. Мальту» [Кондратьев 2008, с. 161–162].

У раздзеле «Патриарший дом» І. Кандрацьёў удзяляе ўвагу апісанню Сінодскай бібліятэкі – найбагацейшага кнігасховішча, адной з важнейшых дзяржаўных каштоўнасцей. Высока ацэньвае аўтар асветніцкую дзейнасць вучонага манаха з Афонскай гары Максіма Грэка, які шмат папрацаваў на карысць славянскай асветы. Дарэчы, пісьменнік прыводзіць словы Грэка пра значнасць кніжнай скарбніцы: «Я не видывал подобного собрания сокровищ ни во Франции, ни в Германии, ни в Греции!» [Кондратьев 2008, с. 152]. Вось толькі частка рукапісаў, якія ўбачыў Максім Грэк: «Среди глубоко ученых книг и рукописей, доступных только ученым знатокам и археологам, есть здесь вещи понятные и обыкновенным смертным. В библиотеке хранится Евангелие XII века, очень четко написанное, литургия Василия Великого, писанная на свитке, листовая Псалтирь, переведенная Максимом Греком, Житие свв. отцев, собранное и переписанное рукой митрополита Макария во времена Иоанна Грозного. Обращает на себя внимание и Евангелие, прекрасно написанное рукой царевны Татьяны

Михайловны, в лист, в котором буквы более $\frac{1}{4}$ вершка. Здесь, между прочим, хранятся и собственноручные письма царя Федора Алексеевича к патриарху Иоакиму, и собственноручные письма Петра I к патриарху Адриану, и множество других рукописей, книг, крестов, образов, утвари и проч. Между ними все-таки укажем на знаменитый Святославов Изборник, Кормчую книгу XV и XVI столетий и на Харатейную рукопись X века с 24 рисунками, служащими драгоценным сокровищем для иконописцев. Между прочим, в библиотеке хранится 511 греческих и 1008 славянских грамот и разных письменных актов» [Кондратьев 2008, с. 153].

Усебакова ў даведніку прадстаўлена Патрыяршая рызніца, якую І. Кандрацьеў прызнае «одной из богатейших во всей России», і дадае, што «ей подобная едва ли существует» [Кондратьев 2008, с. 153–154]. На чатырох старонках пералічваецца скарбы рызніцы. Не менш скрупулёзна і маляўніча апісваецца скарбы Гранавітай палаты, Арсенала і іншых крамлёўскіх скарбніц.

Агляд Крамля завяршаецца вандроўкай па яго плошчах. Пісьменнік вядзе нас па Іванаўскай, дзе здаўна збіраліся баяры, дваране і чыноўнікі пасля абедні ва Успенскім саборы, каб пагутарыць аб сваіх справах. Тут таксама «во все горло» дзякамі аб'яўляліся царскія ўказы, ад чаго пайшла прымаўка «крычаць ва ўсю Іванаўскую». Далей І. Кандрацьеў затрымліваецца на Царскай плошчы, якую называлі Чырвонай. На ёй у былыя часы цары задавалі пыры для народа і нярэдка гутарылі з простымі людзьмі. Не абмінае аўтар і Імператарскую плошчу, на тэрыторыі якой знаходзілася найстаражытнейшая ў Маскве царква Раства Іаана Папярэдніка. Вандроўка па Крамлі завяршаецца на Сенацкай плошчы, на якой знаходзяцца архітэктурныя помнікі: Нікольскія вароты, Іванаўская званіца, Арсенал, Сенат і Казармы.

Падчас працы над даведнікам І. Кандрацьеў сабраў многа інфармацыі, змясціць якую немагчыма было ў аналізуемым даведніку. Матэрыялы, якія не ўвайшлі ў кнігу, паслужылі асновай працы «Московский Кремль, святыни и достопамятности: ист. описание соборов, церквей и монастырей», якая была апублікавана ў 1900 г.

Другая частка даведніка прысвечана Кітай-гораду. Ствараць вобразную панараму старой Масквы І. Кандрацьеў пачынае з

Чырвонай плошчы, Пакроўскага сабора, Лобнага месца і помніка Мініну і Пажарскаму. Письменник выказвае некалькі версій назвы гэтай часткі Масквы. Сам ён прытрымліваецца гіпотэзы, што назва пайшла ад Кітай-гарадка ў Падольскім ваяводстве, адкуль родам Алена Глінская, жонка вялікага князя Васіля Ш. Правіла Маскоўскай дзяржавай з 1533 па 1538 г. Як і пры апісанні Крамля знаёмства з Кітай-горадам письменник пачынае з агляду гісторыі яго станаўлення і развіцця, апісання Нікольскіх (Грамнічных), Ільінскіх (Траецкіх), Варварскіх (Усіхсвяцкіх), Касмадзям'янскіх варот. Безумоўную цікавасць выклікае ў чытача паданне аб св. цудатворнай іконе Іверскай Божай Маці, якая ўпрыгожвала Васкрасенскія вароты: «В IX веке от Рождества Христова в Византийской империи во времена иконоборства недалеко от города Никои жила одна благочестивая вдова. У нее в доме была почитаемая ею икона Божьей Матери. Когда и она подверглась преследованию со стороны гонителей святых икон, то вдова ночью взяла икону Богоматери и пошла с ней на берег моря. Там, помолившись со слезами о спасении своем и самой иконы, опустила ее в волны. К душевному утешению благочестивой вдовы, икона та не пала на воду, как обыкновенная доска, а стала прямо и понеслась по волнам. После такого чудесного отплытия святой иконы сын вдовы укрылся от гонителей в Солуни, а впоследствии поступил на Афонскую гору в монастырь и там, рассказав братии о святой иконе, вверженной в море, после многолетних иноческих подвигов скончался. Повествование же его о святой иконе Богоматери в течение почти двух веков хранилось между обитателями Афонской горы в предании. Наконец, однажды иноки Иверской обители на Афонской горе увидели на море огненный столб, касавшийся своей вершиной неба. Это явление обратило на себя внимание всех. После неоднократных наблюдений увидели, что огненный столб стоит над иконой Божьей Матери. Иноки хотели приблизиться и взять чудотворный образ, но их усилия были напрасны: чем более они приближались к ней, тем далее она отплывала в море. В это время благочестивому старцу Иверской обители на Афоне Гавриилу в сонном видении явилась Пресвятая Богородица и сказала: “Возвести настоятелю и братии, что я хочу дать им икону Мою в покров и помощь, потом войди в море и ступай с верою по волнам за иконою”. Сказав об этом видении утром настоятелю и братии,

старец Гавриил, сопровождаемый монахами обители с молебным пением, пошел на берег моря и, шествуя по воде как посуху, сподобился принять в свои руки образ Богоматери. Братия Иверской обители, встретив икону со слезами радости и умиления, три дня и три ночи неусыпно молилась перед ней с молебным пением, а затем поставила ее в соборную церковь в алтарь» [Кондратьев 2008, с. 199–200].

У апавяданне пра Чырвоную плошчу аўтар уключае шэраг маляўнічых мініяцюр пра пакаянне Івана IV падчас жудаснага пажара 1547 г., у выніку якога быў спустошаны Крэмль і загінула 1700 чалавек, пра бунт стральцоў. Моцным захапленнем І. Кандрацьева тэатрам тлумачыцца даволі аб'ёмны апавед пра тэатр і публічныя відовішчы, якія адбываліся на плошчы.

Пры чытанні тэксту аб Лобным месцы адчуваеш глыбокую пашану аўтара да царкоўных абрадаў, што правіліся там. З хваляваннем распавядае пісьменнік пра хрэсны ход, які спыняўся на Лобным месцы, і ўзыходжанне на яго архірэя з крыжамі і іконамі. Прыгожа апісвае ён урачысты і пышны царкоўны абрад шэсця на асляці ў Вербную нядзелю: «Издревле и доньне там крестные ходы останавливаются в шествии своем, и архиерей с запрестольными крестами и святыми иконами восходит на Лобное место, обставляемое тогда хоругвями, и после сугубой ектении осеняет предстоящих Животворящим Крестом на четыре стороны.

Но самым торжественным и великолепным из церковных обрядов, совершавшихся на Лобном месте, был обряд шествия митрополита, а впоследствии патриарха на ослати в Неделю вайи.

Обряд этот совершался в подражание входу Иисуса Христа в Иерусалим. До литургии ход отправлялся из Успенского собора через Спасские ворота к церкви в Покровском соборе, символизировавшей вход в Иерусалим. Облеченный святительским саном, патриарх оттуда с освященным собором, сопровождаемый царем и его приближенными, следовал на Лобное место и там раздавал освященные им вербы и вайи царю, архиереям, боярам, окольниковым и думным людям. В продолжение чтения Евангелия протодиаконом приводили к подножию Лобного амвона белого коня, снаряженного наподобие осла. Сев на него боком, патриарх с Евангелием в одной руке и с напрестольным крестом в другой ехал через Спасские ворота к Ус-

пенскому собору, а осла вел за повод сам царь, а иногда боярин. На пути шествия патриарха (длиной 234 сажени) сто отроков постилали красные сукна и, по примеру еврейских детей, встречавших Иисуса Христа в шествии Его в Иерусалиме, бросали к стопам иерарха с себя одежды. В этом шествии везли на великолепных санях белые кони огромную вербу, обвешанную искусственными цветами и плодами. Перед патриархом и царем дьяконы пели евангельские стихи, а певчие правого и левого клироса повторяли их попеременно, и голоса их сливались со звоном колоколов» [Кондратьев 2008, с. 217–218].

Цікавыя звесткі можна атрымаць аб Пакроўскім (Васіля Блажэннага), Казанскім саборах, Богаяўленскім, Мікалаеўскім, Знаменскім манастырах, якія знаходзіліся ў Кітай-горадзе.

Асобны раздзел прысвячае І. Кандрацьеў апісанню 17 цэркваў Кітай-горада. Адметнасць іх вызначаецца не толькі гісторыяй, але і архітэктурным стылем, помнікамі і кананісу, скульптурай і ліцейным майстэрствам розных стагоддзяў.

Займальна распавядае пісьменнік аб грамадскіх будынках горада. Прадстаўлены цудоўныя нарысы пра Гасціны двор і Гандлёвыя рады, Мытны двор, Сінодскую друкарню. У нарысе «Синодальная типографія» аўтар узнаўляе гісторыю кнігадрукавання на славянскіх землях. Ён не прымае думку аб тым, што друкаваныя кнігі ў Расіі з'явіліся пры ўдзеле датчаніна І. Богбіндара. Асвятляе дзейнасць Івана Фёдарова, Пятра Мсціслаўца па выпуску першых кніг. Высока ацэньваецца роля гетмана ВКЛ Грыгорыя Хадкевіча, які стварыў для першадрукароў спрыяльныя ўмовы ў Заблудаве. Не абыйшоў І. Кандрацьеў увагай свайго славутага земляка Сімяона Полацкага, які заснаваў пры царскім двары асобную друкарню і выдаў там некалькі кніг.

Сабраны і ўведзены ў даведнік унікальныя матэрыялы аб славутасцях Беллага і Землянога гарадоў. Акрамя агульнага агляду ў гэтай частцы кнігі змешчаны маляўнічыя апаведы аб 16 жаночых і мужчынскіх манастырах, звыш 200-х цэрквах. Манастыры ў І. Кандрацьева прадстаўлены больш поўна, цікава і багата, чым у М. І. Пыляева.

Цэлая галерэя вядомых грамадскіх будынкаў Беллага і Землянога гарадоў паўстае перад аматарамі даўніны: Маскоўскі ўніверсітэт, Румянцаўскі музей, Вялікі тэатр, Гістарычны музей, Дом Юсупава, Політэхнічны музей, Спаскія казармы і інш.

Прасочвае І. Кандрацьёў гісторыю старажытных маскоўскіх шынкоў. Карчомнай тэме пісьменнік адводзіць раздзел у канцы кнігі: вытокі піцейнага продажу ў Маскве, першая карчма на Балчугу, якая з’явілася ў 1522 г. Тлумачыць аўтар мянушкі двух дзясяткаў найбольш старажытных піцейных дамоў. У даведніку паказана дынаміка алкагалізацыі масквічоў: «В 1626 году в Москве было только 25 кабаков, в 1775 году на 200 тысяч жителей – 151, в 1805 году – 116, а в 1866 году, когда сивуха получила название дешевки, – 1248 кабаков» [Кондратьев 2008, с. 579–580].

І. Кандрацьёў не абмяжоўваецца паказам самой Масквы. Вартасць выдання ўзрастае ад таго, што 80 старонак кнігі прысвечаны вядомым гістарычным навакольным мясцінам. Апошні раздзел «Окрестности Москвы» ўяўляе сабой сукупнасць нарысаў аб мясцовасцях, дзе вырашаліся многія лёсавызначальныя праблемы не толькі для Расіі, але і іншых краін свету. Так, у сяле Тушына ў пачатку XVII ст. вакол другога Самазванца фарміраваліся варожыя Рускай дзяржаве сілы. Шмат гістарычных падзей звязана з сямом Каломенскім. У 1591 г. тут знаходзіўся стан крымскага хана Казы-Гірэя, у 1610 г. Тушынскі злодзей збіраў сваіх прыхільнікаў. З Каломенскага пачыналася рэфармацыйная дзейнасць Пятра І. У нарысах чаргуюцца замалёўкі манастыроў, скітаў, храмаў з апісаннем палацаў, сядзіб і іх уладальнікаў.

Такім чынам, мы можам канстатаваць, што І. Кандрацьёў сабраў і сістэматызаваў велізарнейшы матэрыял аб звыш 1000 вядомых і невядомых маскоўскіх гісторыка-культурных помніках. Напісаная лёгка і займальна кніга з’яўляецца для масквічоў і іх гасцей цудоўным гідам па Маскве, каштоўнейшай крыніцай гістарычных ведаў. «И. К. Кондратьев своими книгами дает великое ощущение сопричастности прошлому», – зазначае сучасны расійскі навуковец Г. Міронаў [27, с. 11].

Пазітыўна ацэньваючы разглядаемы даведнік, асобныя знаўцы Масквы адзначаюць шэраг гістарычных памылак, недакладнасцей. Напрыклад, М. П. Разанаў адзначае асобныя недакладнасці ў апісаннях некаторых маскоўскіх храмаў, у размяшчэнні пэўных будынкаў. «Так, – піша Разанаў, – дом В. В. Галицына находится не на Тверской, а в Охотном Ряду, Покровские казармы построены не при Александре I, а при Павле, в 1797 г.» [20, с. 14]. Безумоўна, пры складанні такога аб’ёмнага давед-

ніка не магло абысціся без асобных памылак. Недакладнасці маюцца практычна ва ўсіх гістарычных даведніках, складзеных прафесіянальнымі гісторыкамі. Трэба мець на ўвазе, што І. К. Кандрацьеў не быў навукоўцам, нават не меў сістэматычнай адукацыі, праца над даведнікам ажыццяўлялася паралельна з напісаннем мастацкіх твораў. Тым не менш «Седая старина Москвы», выдадзеная 120 гадоў таму, і да гэтага часу з'яўляецца каштоўнейшым выданнем па старой Маскве. Час ад часу кніга перавыдаецца. Толькі за апошнія гады яна перавыдавалася неаднаразова значнымі тыражамі, што сведчыць аб вялікай цікавасці да яе сучаснікаў [Кондратьев 1996, 1997, 1999, 2005, 2006, 2007, 2008, 2012]. Прывабнасць кандрацьеўскай кнігі для сённяшняга чытача, на наш погляд, у тым, што яе аўтар аб'ектыўна, грунтоўна, надзвычай дэтальна апісвае гісторыю ўзнікнення, будаўніцтва расійскай сталіцы. І. Кандрацьеў дае характарыстыкі праўлення тых ці іншых цароў, адзначаючы ролю кожнага ў стварэнні дзяржавы Расійскай наогул і Масквы ў прыватнасці. Ён праяўляе сябе і як гістарычны публіцыст, у адрозненне ад І. М. Снегірова, І. Я. Забеліна. У аповед уключае эмацыянальныя разважанні пра прыгажосць маскоўскіх будынкаў і талент дойлідаў, значэнне для Русі тых ці іншых рашэнняў, якія прымаліся маскоўскімі самадзержцамі. Як бліскучы стыліст, ён змог падабраць добрае слова для кожнага збудавання, падзеі, звычайу, рытуалу. Як праваслаўны вернік, І. К. Кандрацьеў многія творы прысвяціў рэлігійнай тэматыцы, напрыклад ім складзены «Толковый и справочный библейский словарь» (1894), «Святыни Валаамского монастыря» (1896), «Великое чудо святого Иоанна Кожника» (1903) і інш.

Іскра Божая

Творы для дзяцей. У канцы XIX – пачатку XX ст. педагогічная спадчына ўзбагацілася шэрагам цікавых дыдактычных прац, якія прызначаліся для вучняў пачатковай школы. Так, у 1860-х гг. XIX ст. убачылі свет падручнікі для дзяцей «Родное слово» і «Детский мир» К. Д. Ушынскага – першыя агульнадаступныя падручнікі для пачатковага навучання, у 70-я гг. выйшлі «Азбука», «Новая азбука» і некалькі «Русских книг для чтения» Л. М. Талстога. У 1906 г. К. Кастравіцкі (Карусь Каганец) выдае «Беларускі лемантар, або Першая навука чытання», Э. Пашкевіч (Цётка) – «Першае чытанне для дзетак беларусаў». Іх справу працягвае Якуб Колас, які ў 1910 г. стварае «Другое чытанне для дзяцей беларусаў». І. К. Кандрацьёў таксама прысвяціў шмат сіл развіццю народнай адукацыі, «народнай дзіцячай літаратуры». Як і Л. М. Талстой, пісьменнік быў упэўнены, што з першай ступені навучання пачынаецца і духоўнае развіццё дзіцяці. З К. Д. Ушынскім яго ядналі блізкія погляды на ролю роднай мовы, вуснай народнай творчасці, прыроды ў фарміраванні светапогляду асобы.

На працягу ўсёй літаратурнай дзейнасці І. К. Кандрацьёў шмат і з захапленнем пісаў для дзяцей, імкнуўся выхаваць у іх высокамаральныя задаткі, цягу да добра. Упэўнены, што мастацтва – высакародная натхняючая сіла, пісьменнік разглядаў чытанне мастацкіх твораў як важнейшы элемент выхавання падрастаючага пакалення. Апавяданні і вершы для дзяцей склалі асобны зборнік «Золотая струна» [Кондратъев **1891**], папулярным у свой час было вершаванае апавяданне пра Сцёпку-растропку [Кондратъев **1914**], дзе ў гумарыстычнай форме распаўдаецца пра паходжанні маленькага свавольніка. У электронным выданні даведніка А. К. Тарасенкава і Л. М. Турчынскага «Русские поэты XX века. 1900–1955» ёсць звесткі аб перавыданні гэтага твора ў 1923 г. [52].

І. К. Кандрацьеў пісаў і апрацоўваў казкі. Шэраг апрацаваных ім жартоўных народных казак, а таксама арыгінальныя аўтарскія казкі ўвайшлі ў вышэйзгаданы зборнік. Папулярнымі да нашага часу застаюцца апрацаваныя ім вершаваныя народныя казкі «Снегурочка» [Кондрат'ев 1894а] і «Сивка-Бурка вещь каурка» [Кондрат'ев 1894в]. Дайшоў да сучаснага чытача і зборнік «Русские народные былины» ў апрацоўцы І. Кандрацьева, выдадзены ў 1884 г. [Кондрат'ев 1884а]. У яго ўвайшлі папулярныя ў дзяцей быліны пра волата Чурылу, рускага асілка Кажэмяку, волата Іллю Мурамца, баярына Калаўрата, купца наўгародскага Садко. Значную цікавасць для экалагічнага выхавання мае кніга для першапачатковага чытання «В дружбе с природой» [Кондрат'ев 1896а], што захоўваецца ў фондах Расійскай дзяржаўнай бібліятэкі са статусам «рарытэта», засваенню гісторыі розных народаў спрыяе этнаграфічная дзіцячая гульня «Лото племен и народов» [Кондрат'ев 1897]. Лато складаецца з 12 маляўнічых карт са 144 назвамі розных плямён і народаў. У працэсе гульні яе ўдзельнікі знаёмяцца з побытам, нормаўмі, звычаямі і рэлігіяй вялікай колькасці этнасаў. І. К. Кандрацьеў з'яўляецца аўтарам «Полного самоучителя русской азбуки в зоологических картинах» [Кондрат'ев 1896б]. Складальнік, акрамя рускай, царкоўнаславянскай азбукі і табліцы множання, уключыў у самавучыцель неабходныя малітвы і духоўна-маральныя аддзелы, у якіх называюцца тры галоўныя каштоўнасці: вера, надзея, любоў; сем дароў Святога Духа: мудрасць, розум, сумленне, сіла духу, веды, набожнасць і страх Божы; плады Духа Святога: любоў, радасць, мір, доўгацярплівасць, дабрата, міласэрнасць, вера, лагоднасць, устрыманасць. Таксама абазначаюцца грахі і дабрачыннасці. На жаль, сёння не ўсе ведаюць гэтыя катэгорыі. У самавучыцелі даюцца і прыклады вершаваных віншаванняў бацькам да розных свят.

У мастацкіх творах для дзяцей, вучэбнай літаратуры, займальных дзіцячых дапаможніках літаратар паўстае перад намі не толькі як майстар слова, але перш за ўсё як чалавек, якога хвалюе лёс падрастаючага пакалення, які шчыра імкнецца да таго, каб дзеці выраслі адукаванымі, выхаванымі, духоўна багатымі. У дзіцячых творах выразна адчуваецца абвостраная цікавасць да асобы дзіцяці, яго ўнутранага свету, паважлівыя адносіны да дзяцінства, якія сталі дамінантай мастацкай творчасці пісьменніка.

Аналіз зместу кандрацьёўскай дзіцячай літаратуры сведчыць: пісьменнік быў перакананы, што эфектыўнасць працэсу навучання чытанню ў многім залежыць не толькі ад спосабаў чытання, але і ад самога матэрыялу. Ён патрабавальна ставіўся да падбору тэкстаў, прапаноўваемых дзецям для чытання. Прыкладам такіх адносін з'яўляецца кніга для пачатковага чытання «Искра Божия» [Кондратьев 1887в]. Тэксталагічны аналіз твораў, уключаных у яе, дае падставу для высновы: яна складаецца з цікавых мастацкіх тэкстаў, каб выклікаць у маленькіх чытачоў ахвоту да іх чытання. Гэтыя творы закраналі ў дзяцей лепшыя струны душы, развівалі гатоўнасць стаяць за грамадзянскія ідэалы, выходзілі спагадлівасць, чуласць. У матэрыялах чытанкі як іскры рассыпана мудрасць маральных ісцін, што зыходзяць з божага вучэння і дабрачыннага жыцця – іскры духоўнасці і высокай маралі: самаадданая любоў да радзімы, вера ў Бога, працавітасць і настойлівасць.

«Искра Божия» была надрукавана ў 1887 г. Год, калі міністр адукацыі Расійскай імперыі, абапіраючыся на погляды Аляксандра III («Это-то и ужасно, мужик, а тоже лезет в гимназию!»), выдаў даклад «Аб скарачэнні гімназічнай адукацыі», так званы «Цыркуляр аб кухарчыных дзецях», мэтай якога было не дапусціць у гімназіі простых людзей. Такім чынам сярэдняя адукацыя стала недаступнай не толькі для сялян, але і для дзяцей гарадскога прастанароддзя. Напрыклад, у гэтым жа годзе выгналі з гімназіі сына прачкі Карнейчукова, будучага Карнея Чукоўскага, які апісаў тыя падзеі ў аўтабіяграфічнай апавесці «Серебряный герб». Лічбы, што характарызуюць праблемы адукацыі, гавораць самі за сябе. Перапіс 1897 г. выявіў толькі 21% пісьменнага насельніцтва ў Расійскай імперыі. Таму значнасць створанай І. К. Кандрацьевым чытанкі для пачатковага навучання цяжка пераацаніць.

Кніга ўключае высокамастацкія творы рускіх класікаў, а таксама творы самога пісьменніка. Хаця ў пасляслоўі да апавесці І. К. Кандрацьева «Бич Божий» К. Новікаў адзначаў: «Когда в составленную им (Кандрацьевым. – *заўваг. А. С.*) книгу для детского чтения “Искра Божия” он поместил наряду с классическими произведениями также и несколько своих стихотворений, возмущенный критик respectable “Русской мысли” не выдержал: “...Высокопарные и наивные стишки г. Кондратьева, который не постеснялся поместить в свою хрестомат-

тию и собственную особу рядом с Пушкиным, Лермонтовым, Крыловым и др.” (“Русская мысль”, книга IX, 1898)» [29, с. 251]. Пакінем аналіз мастацкай якасці твораў пісьменніка літаратуразнаўцам і выкажам свае меркаванні.

Праваслаўная спадчына. Чытанка складаецца з шасці раздзелаў. Першы прысвечаны рэлігіі. Кандрацьеў быў перакананы ў тым, што праваслаўная спадчына валодае велізарным патэнцыялам духоўна-маральнага выхавання асобы, бо ўмацоўвае душэўныя сілы і здольная супрацьстаяць злу, дапамагае вызначыць каштоўнасныя жыццёвыя арыенціры. Творы, у якіх раскрываюцца сутнасць праваслаўнай веры, значэнне малітвы, хрысціянскіх каштоўнасцей, даступныя разуменню дзяцей, напісаны зразумелай мовай. З павучэнняў протаіерэяў І. Раждзественскага і Р. Пуцяціна выбраны сціслыя тэксты, якія звернуты менавіта да юных і зразумелыя ім: «Когда Господь наш Иисус Христос жил на земле, Он очень любил детей за простоту их и незлобие: часто беседовал с ними и даже ставил их в пример взрослым. Любите же, дети, Спасителя нашего, Господа Иисуса Христа, всею силою нежных и добрых сердец ваших; Вспоминайте чаще о Нем, как о вашем благодетеле, и молитесь ему усердно каждый день» [Кондратьев 1887в, с. 6].

Роля, месца і пабудова хрысціянскага храма тлумачацца цікавымі тэкстамі Ф. Бялюсіна. Шмат у дадзеным раздзеле вершаў вядомых рускіх паэтаў, у якіх увасабляецца шэраг рэлігійных таінстваў, дзеянняў вернікаў. Так, аўтар перадае змест малітвы падчас посту вершам А. Пушкіна «Великопостная молитва», тлумачэнне Дабравешчання абапіраецца на вершы А. Талстога і І. Аксакава «Благовест» [Кондратьев 1887в, с. 11]. Пачуцці вернікаў у Вялікую суботу перадаюцца вершам В. Жукоўскага «Вечер в субботу». Тлумачэнне зместу асноўных псалмоў забяспечваецца пры дапамозе вершаў А. Мея і М. Языкава [Кондратьев 1887в, с. 18].

Разуменнем І. К. Кандрацьевым ролі хрысціянскіх каштоўнасцей у працэсе духоўна-маральнага выхавання дзяцей тлумачыцца той факт, што значная частка чытанкі адведзена разгляду важнейшых з іх. Жывой і яркай, а не казённай мовай распядае пісьменнік дзецям пра міласэрнасць, рахманасць, спачуванне, пакорлівасць, паслухмянасць і іншыя праваслаўныя каштоўнасці, прыводзячы ў прыклад адпаведныя ўчынкі асоб,

якія жылі ў розныя гістарычныя эпохі. Напрыклад, каб растлумачыць дзецям сутнасць міласэрнасці, пісьменнік уключыў у кніжку гісторыю пра Філарэта Міласэрнага: «Напалі непрыятели на страну, где жил Филарет Милостивый, и ограбили жителей той страны. У Филарета осталось всего имущества – два рабочих вола, одна лошадь и корова с телянком. По доброте своей роздал Филарет неимущим волов и лошадь. Тогда приходит к нему еще один бедный. Филарет не отказал и ему. Отдал ему теленка.

Не успел бедняк отойти от двора Филарета шагов на пятьдесят, как корова встосковалась по теленке своем. Жена Филаретова вышла унять корову, но не могла никак ее успокоить. Мычит корова, да так жалобно, что у всех сердце надрывается. Стала жена пенять Филарету: “И что это ты все у своих отнимаешь, а чужим раздаешь?”. Слышит Филарет, а сам молчит и прислушивается: очень жаль ему коровы; изведется она с тоски без теленка, да и теленку без нее не прожить. Пошел он вдогонку за нищим, воротил его. Обрадовалась корова, лижет теленка, а он прямо к вымени. Обрадовалась и жена Филаретова: думала, что теленок во дворе останется; обрадовался и Филарет Милостивый, глядя на корову с теленком.

Не радовался только бедняк, думая, что теленка у него отобрали. Но не то было на уме у Филарета. Когда теленок насытился вдоволь, он погладил его, потрепал корову; потом сказал нищему: “Возьми вместе с теленком уж и корову: так лучше будет”» [Кондратьев 1887в, с. 26–27].

У гэтай жа частцы кнігі чытач можа пазнаёміцца з учынкамі св. Яфрэма, ігумена Феадосія, Іаана Багаслова, вучня св. Ісідара. З любоўю і вялікай павагай Кандрацьеў распавядае дзецям пра дзеянні і жыццё свв. Кірыла і Мяфодзія, іх здольнасці да навукі, маральнае аблічча. У нарысе пра стваральнікаў славянскай пісьменнасці ўтрымліваецца шмат гістарычных ведаў. Даступнай мовай распавядаецца пра паходжанне славян, падзел іх на заходнюю, паўднёвую і ўсходнюю групы. Даецца кароткая інфармацыя пра ўтварэнне славянскіх дзяржаў, узаемаадносіны з суседнімі народамі. У храналагічным парадку падаецца гісторыя хрышчэння балгар, мараўскіх і чэшскіх славян, палякаў, сербаў, харватаў, хазараў, якіх хрысцілі Кірыл і Мяфодзій. Падрабязна разглядаецца дзейнасць братоў па стварэнні славянскай пісьменнасці і перакладзе на стараславянскую мову

Свяшчэннага Пісання. У аналізуемай частцы кніжкі пададзены звесткі аб 12 важнейшых хрысціянскіх святах, іх паходжанні, значэнні і рытуальных дзеяннях падчас кожнага.

Жанрава разнастайныя творы першага раздзела чытанкі паказваюць дзецям Бога, блізкага ім і падобнага да чалавека. Дзеці бачаць Бога, які сышоў на Зямлю, каб падзяліць з імі радасці і пакуты. Бог паўстае не толькі як вяршыцель пакарання грэшнага чалавека, а як выратавальнік асобы ад маральнага разлажэння, духоўнай дэградацыі. Пісьменнік паказвае, што вера – гэта не проста перакананне ў існаванні Бога, а і асаблівы духоўна-маральны характар усяго ладу жыцця чалавека: «Желаете ли вы, чтобы и вам на земле было хорошо и весело, чтобы вас осиял свет божественный? Живите между собой в любви и согласии, и вам будет хорошо и весело, и вы будете жить в свете божественном» [Кондратьев 1887в, с. 37].

Гісторыя краіны. Другі раздзел кнігі для пачатковага навучання – «История» складаюць урыўкі з паданняў, былін, летапісаў, сачыненняў вядомых рускіх гісторыкаў, паэтычных і празаічных мастацкіх твораў знакамітых рускіх паэтаў, у тым ліку і самога Кандрацьева. Гэтая частка пачынаецца з выказвання мітрапаліта Філарэта аб дзяржаве і яе сутнасці. Абапіраючыся на сачыненне У. Даля, пісьменнік даходліва тлумачыць дзецям, што такое Айчына і падмацоўвае свае высновы вершам І. Нікіціна «Русь» [Кондратьев 1887в, с. 44]. Тут жа прыводзіцца шмат прымавак аб адданасці роднай зямлі: «Родная сторона – мать, чужая – мачеха», «Чужая сторона и без ветра сушит» і інш.

У параграфе «Отечество» маюцца дакладныя звесткі аб плошчы Расійскай дзяржавы, адміністрацыйным падзеле, народах, якія насяляюць яе, канфесіях. Пасля агульнага агляду Расійскай імперыі ў храналагічным парадку прасочваецца яе палітычная і сацыяльная гісторыя. І. К. Кандрацьёў прытрымліваецца варажскай канцэпцыі паходжання славянскай дзяржавы. Аўтар чытанкі дакладна апісвае побыт усходніх славян, гаспадарчую дзейнасць, язычніцкую рэлігію, перадае легенду аб запрашэнні на княжанне варажскіх князёў: «Такая беспорядочная и беспокойная жизнь наших предков надоела им: стали они думать о том, как бы поставить им свою жизнь так, чтобы был порядок и не были для них страшны внешние враги. Преж-

де других славянских племен додумались до этого славяне ильменские. Они, по совету своего старейшины Гостомысла, решились искать себе князей у исконных своих врагов, варягов. Пришедши к Варягам, послы сказали: “Земля наша велика и обильна, да порядка в ней нет: приходите княжить и владеть нами”. Тогда из племени Русь три брата – Рюрик, Синеус и Трувор, согласились на предложение славян. Рюрик поселился в Ладоге, Синеус – на Белом озере, а Трувор в Изборске, и стали они княжить в славянской земле» [Кондратьев 1887в, с. 51].

Гісторыя заснавання Кіева пачынаецца з падання аб устанавленні крыжа св. апосталам Андрэем на беразе Дняпра і яго прадказанні аб узнікненні на гэтым месцы горада з мноствам хрысціянскіх храмаў. На падставе дадзенага падання І. Кандрацьёў напісаў верш, які таксама надрукаваны ў параграфі:

Учив религии Христовой
В стране Болгарии суровой,
Андрей, Апостол, брат Петра,
Местами вольными Днепра.
Его широкими водами,
Шел в Рим, – и на пути святом,
Святой, он там с учениками
Остановился под горами
На берегу Днепра крутом.
И там восстав зарею ранней,
Простер свои он к небу длани,
И к ним подняв свой думный взор,
Вещал: «На выси этих гор
И загремит, и воссияет
Святая Божья благодать:
Здесь поселится Божья рать,
Здесь солнце радостно възграет,
И здесь на диво возгорят
Кресты церквей огнем обильным,
Творцом воздвигнуты Всесильным!»
Вещал – и высь благословил,
И крест на ней он водрузил [Кондратьев 1887в, с. 52].

Захапляльна пераказвае пісьменнік летапісы аб захопе варягамі Аскольдам і Дзірам Кіева і забойстве іх князем Алегам, пераможных паходах Алега ў іншыя землі.

Хрысціянізацыю ўсходніх славян Кандрацьёў падае як прыкметную з’яву ў гісторыі Расійскай дзяржавы, паказвае перава-

гі хрысціянскай рэлігіі над язычніцкай. Вучні даведваюцца, што хрысціянства спыніла чалавечыя ахвярапрынашэнні, умацавала сувязі Русі з іншымі дзяржавамі, спрыяла развіццю адукацыі, культуры. Кананічны тэкст пераплятаецца з вершамі А. Хамякова «Гой, красна земля Володимира» і «Киев».

У гістарычны раздзел уключаны таксама паданні аб барацьбе Кіеўскай Русі са шматлікімі ворагамі: пра рускага волата Кажэмяку, баярына Еўпація Калаўрата, Белгародскі кісель. Абапіраючыся на летапісы, І. К. Кандрацьёў расказвае пра змаганне рускіх з татарамі і крыжацкімі ордэнамі. Вылучаюцца месцы, дзе летапісцы распавядаюць пра мужнасць абаронцаў айчыны. Напрыклад, эмацыянальна пададзены гераізм баярына Еўпація Калаўрата і яго дружыннікаў: «Долго не могло полчище Батыево управиться с полком Евпатиевым. Сам боярин, великан ростом, был силы непомерной. Тяжелым мечом он избил несметное число татар: одних перерубал пополам, других вдоль до самого седла рассекал. Битва кончилась только тогда, когда все удалыцы легли мертвые. Батый дивился на таких воинов. Уважая доблесть их, он велел освободить тех, которые были захвачены в плен живыми» [Кондратьев 1887в, с. 68].

Прыводзяцца паданні пра адданасць радзіме і хрысціянскай веры князя Міхаіла Чарнігаўскага, баярына Фёдара, якія не скарыліся татарам пад пагрозай смерці. Створаны гераічны вобраз князя Аляксандра Неўскага, пад умелым кіраўніцтвам якога былі разгромлены шведскія і нямецкія орды [Кондратьев 1887в, с. 75]. У гэтай главе шмат цікавых звестак пра асабістае жыццё, ваенную і дзяржаўную дзейнасць маскоўскіх князёў Дзмітрыя Данскога, Іаана III, Іаана IV Жахлівага, цара Барыса Гадунова, земскага старасту Мініна і ваяводу Пажарскага. Аўтар чытанкі асабліва пранікнёна распавядае дзецям пра подзвіг Івана Сусаніна.

Чатыры параграфы прысвечаны Пятру I. Спачатку пісьменнік расказвае пра дзіцячыя гады будучага цара, яго гульні і забавы [Кондратьев 1887в, с. 86]. Гістарычныя тэксты зноў падмацоўваюцца вершамі і старымі песнямі, у якіх праслаўляецца пераўтваральная дзейнасць Пятра. Так, І. К. Кандрацьёў уключыў у гэты раздзел верш А. С. Пушкіна «Петербург» [Кондратьев 1887в, с. 92]. Самым значным у разглядаемым раздзеле з'яўляецца параграф «Отечественная война 1812 года», які насычаны гістарычнымі звесткамі аб Напалеоне, Аляк-

сандру I, французскай і рускай арміях, асноўных бітвах. Навуковы тэкст С. Салаў'ёва дапоўнены знакамітымі вершамі М. Лермантава «Бородино», «Наполеон», А. Пушкіна «Перед гробом Кутузова».

Завяршаецца раздзел «История» аглядам важнейшых падзей XIX ст.: скасаванне прыгоннага права, Крымская вайна, каранаванне Аляксандра III. Як і ў папярэдніх параграфам, гістарычны тэкст суседнічае з мастацкім. Кандрацьеў уключае ў параграф верш М. Разенгейма «19 февраля 1861 года» і свой «15 мая 1883 года», прысвечаны каранаванні новага цара Аляксандра III:

Все на праздник дивный дивно разодеты.
Кони в сбруях ярких, в золоте кареты.
Воинство родное стало длинным строем,
Смелое, лихое – всяк глядит героем,
А народа тучи, а народа волны
Двигутся повсюду, радостью полны,
Двигутся, довольны днем много-глагольным,
А Москва вся стонет звоном колокольным [Кондратьев
1887в, с. 109].

Тэксты, якія сабраў і ўключыў у гістарычны раздзел І. К. Кандрацьеў, сведчаць: аўтар ставіў мэтай выхаванне ў дзяцей любові да сваёй Радзімы, краю, павагі да герояў, патрыятызму, мужнасці і гатоўнасці абараняць яе цэласнасць і незалежнасць.

Родная прырода. Пісьменнік усведамляў, што вялікае значэнне ў пазнанні дзецьмі навакольнага свету належыць прыродзе. Трэці раздзел чытанкі так і называецца «Природа». І. К. Кандрацьеў улічваў дзіцячыя ўражлівасць, імкненне асэнсаваць пасвойму ўбачанае і пачутае. Таму прапанаваныя для дзіцячага чытання тэксты багатыя яркімі, запамінальнымі вобразамі, якія абуджаюць пачуццё прыгожага, імкненне захаваць раслінны і жывёльны свет.

Разнастайныя тэксты згрупаваны па пэўных тэмах. Першыя параграфы прысвечаны порам года. З дапамогай твораў М. Карамзіна, І. Нікіціна, А. Пушкіна, Ф. Цютчава створаны цудоўныя карціны абуджэння прыроды. Напрыклад, вясна ў апісанні М. Карамзіна перадае стан душы чалавека, яго яднанне з прыродай: «Душа желает перемены. И звонкий голос жаворонка раздаётся в высоте воздушной. Сердце трепещет от удовольствия. Солнце быстрыми действиями лучей своих рас-

топляет снежные холмы: вода шумит с гор, и поселянин, как мореплаватель, радостно восклицает: земля! Реки рвут на себе ледяные оковы, пышно выливаются из берегов, и самый маленький ручеек кажется величественным сыном моря. Бледные луга, упитанные благотворной влагой, пушатся свежей травкою и красятся лазоревыми цветами. Березовые рощи зеленеют. За ними дремучие леса, при громком гимне веселых птичек, одеваются листьями, а ветерки повсюду разносят благоухание черемухи» [Кондратьев 1887в, с. 112].

Пейзажними вершами Д. Давыдава, А. Фета, І. Нікіціна малое аўтар чытанкі паэтычнае аблічча зямлі летам [Кондратьев 1887в, с. 115]. У параграфі пра лета пераважаюць карціны праяў магутнасці прыроды: навальніца, гром, маланка. Уведзены ўрывак з апавядання І. Ганчарова «Гроза», вершы А. Фета «Летний дождь», Ф. Цютчава «Зарница» [Кондратьев 1887в, с. 119].

У нарысе «Осень» пісьменнік даводзіць дзецям пранізліва-шчымлівае пачуццё расставання з летам, недаўгавечнасці шчасця. Ён раскрывае маленькім чытачам прыкметы восені, паказвае ім асеннія віды гаспадарчай дзейнасці: «Поворотом лета на осень считается Ильин день – 20-го июля. С конца этого месяца начинаются уже холодные росы. С половины августа отлетают ласточки, начинаются осенние утренники, а к концу месяца и заморозки, и тянутся на юг журавли. С 1-го сентября в деревнях начинаются засидки с огнем и посиделки. Время это слывет в народе «бабьим летом». По садам собираются плоды, по огородам – последние овощи. Пчеловод убирает пчел. 1-го октября часто выпадает уже снег. Крестьяне отдыхают, и поэтому в это время по деревням более всего играется свадеб» [Кондратьев 1887в, с. 119].

Зіма падаецца ў чытанцы праз тэксты В. Грыгаровіча, І. Нікіціна, М. Стаховіча. Прырода зімой зусім не тая, але жыццё не спыняецца і ў сцюжу, змяняюцца толькі віды сялянскай працы. І. Кандрацьёў распавядае дзецям чым займаюцца людзі зімой:

Зима стоит. Трещат морозы.
На солнце искрится снежок.
Пошли с товарами обозы
По Руси вдоль и поперек.
Ползет, скрипит дубовый полоз,
Река ли, степь ли – нет нужды,

Везде проложатся следы!
На мужике белеет волос,
Но весел он, идет кряхтит,
Казну на холоде копит [Кондратьев 1887в, с. 122].

Вобразы пораў года, створаныя Кандрацьевым, адпавядаюць дзіцячаму светаўспрыманню, фантастычнае спалучаецца з рэальным.

У раздзеле «Природа» пісьменнік знаёміць дзяцей з флорай і фаўнай Расіі, тлумачыць для чаго чалавеку патрэбныя лес, вада, палявыя і лугавыя расліны [Кондратьев 1887в, с. 123]. Паэтычны вобраз леса ствараецца пры дапамозе верша А. Кальцова «Лес», урыўкаў з апавяданняў С. Аксакава «Смерть дерева» і «Большой лес». І. Кандрацьеў паступова басням І. Крылова «Листья и корни», «Роща и огонь», а таксама апавяданнем «Смерть дерева» падводзіць дзяцей да думкі аб неабходнасці берагчы лес, лугавыя і палявыя расліны. Шэраг параграфў раздзела прысвечаны насякомым, птушкам, звярам. Кандрацьеў уводзіць дзяцей у дзівосны свет фаўны, вобразна, праўдзіва, пераканаўча перадае таёмнае жыццё дзікіх жывёл, іх звычкі: «Крадется лиса по лесу, крадется она тихонько; все высматривает и вынюхивает, ко всему прислушивается: и капкан обойдет, и от охотника увернется; а сама времени не теряет: то мышку, то жучка словит, то яичко в гнезде выпьет» [Кондратьев 1887в, с. 142].

Вельмі трапна падабраны пісьменнікам вершы, байкі, апавяданні, прымаўкі, якія раскрываюць адметнасці жыцця ваўкоў, мядзведзяў, собаляў і іншых лясных звяроў: «Родился волком, лисицей не бывать», «С волками жить, по волчьи выть», «Не ужиться двум медведям в одной берлоге», «Соколу лес не диво» і інш.

Звесткі аб розных народах. Цікавы раздзел «География». Аўтар чытанкі ярка, эмацыянальна, захапляльна распавядае аб жыцці, занятках, побыце розных народаў, якія насяляюць пэўныя рэгіёны Расіі, паказвае адрозненні ў кліматычных і прыродных умовах. Кожнаму рэгіёну (Паўночны, Паўднёвы, Заходні, Маларосія, Фінляндыя) прысвечаны асобны нарыс. Пераважае сацыяльная тэматыка. Пісьменнік звяртае ўвагу дзяцей на ўмовы жыцця народаў, што жылі на тэрыторыі Расійскай імперыі. Так, пры апісанні краю, які насялялі беларусы, Кан-

драцьёў акцэнтуюе ўвагу маленькіх чытачоў на беднасці беларускага народа: «Край этот неплодороден и во многих местах покрыт топкими болотами. Так, например, между реками Припетью и Березиной находится обширная местность, покрытая топкими болотами и лиственным лесом и известная под названием Полесья. В такой неплодородной и болотистой местности ни хлебопашество, ни скотоводство не могут прокормить жителей. Вот почему большая часть белорусов вынуждена зарабатывать себе на хлеб на стороне. Кроме белорусов, в этой стороне живет много евреев, которые занимаются исключительно торговлей» [Кондратьев 1887в, с. 157].

Мастацкі вобраз рускага, беларускага, украінскага, польскага народаў, фінаў, народаў азіяцкага рэгіёна, увасоблены ў кандрацьёўскіх нарысах, узмацняецца творамі С. Аксакава, Я. Баратынскага, М. Гогаля, М. Загоскіна, І. Нікіціна, А. Талстога. Трэба адзначыць, што аўтар чытанкі не малюе жыццё ў яго сацыяльных супярэчнасцях і неўладкаванасці, а наадварот аддае перавагу пазітыўнай танальнасці. Так, да нарыса пра ўкраінцаў пісьменнік далучае верш А. Талстога «Малороссия», у якім ёсць наступныя радкі:

Ты знаешь край, где все обильем дышит,
Где реки льются чище серебра,
Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишневых рощах тонут хутора,
Среди садов деревья гнутся долу,
И до земли висит их плод тяжелый [Кондратьев 1887в, с. 154].

Гэта і зразумела. Па-першае, з негатыўным сацыяльна-палітычным кантэкстам кнігу для пачатковага чытання цензура не дазволіла б апублікаваць. Па-другое, у тэкстах ёсць латэнтны змест, які апасродкавана падводзіць дзяцей да думкі аб сацыяльнай неўладкаванасці жыцця людзей.

Сацыяльна-эканамічныя веды. Сацыяльна-эканамічныя праблемы разглядаюцца ў тэкстах пятага раздзела «Промыслы». Гэтая частка кнігі пачынаецца з верша Ф. Мілера «Песня труда»:

Кто идет во глубь земли,
Или молотом махает,
Кто сетями для семьи
Хлеб насущный добывает,

Кто за плугом льет свой пот,
Кто наемник господина,
Кто под ношей спину гнет
Для жены своей и сына, –
Честь и слава всем трудам,
Слава каждой капле пота!
Честь мозолистым рукам,
Да спорится их работа [Кондратьев 1887в, с. 170].

Вершам аўтар фармулюе галоўную задачу раздзела: выхаваць у дзяцей павагу да чалавека і працы. Пісьменнік проста і дакладна вызначае, што з’яўляецца промыслам, вытворчасцю, рамяством: «Добывание природной вещи есть промысел. Охотник промышленяет зверя. Когда природную вещь перерабатывают и получают новую вещь, то занимаются производством. Снятую со зверя шкуру выделявают; получается кожа: это коженное производство. Производство называется фабричным или заводским, если для переработки материала нужны сложные машины и много рабочих. Таковы бумагопрядильные и ситцевые фабрики, винные и сахарные заводы. Если производство делается не машинами, а с помощью орудий руками, то это называется ремеслом. Таково кузнечное ремесло» [Кондратьев 1887в, с. 169].

І. К. Кандрацьёў лічыў неабходным не толькі даць дзецям асновы навуковых ведаў аб грамадскай вытворчасці, але і навучыць іх любіць працу, асэнсоўваць матывы працоўнай дзейнасці. Кожнаму віду промыслаў і рамяства прысвечаны асобныя нарысы, дзе падрабязна распавядаецца аб матэрыялах, тэхналогіі іх апрацоўкі, канчатковых прадуктах працы, іх выкарыстанні ў побыце. Пісьменнік сцісла, зразумелай для дзяцей мовай знаёміць чытача з керамічнай, шкляной, скураной, металургічнай, хімічнай вытворчасцю.

Скразная ідэя нарысаў тая, што праца – крыніца маральнага, эстэтычнага і матэрыяльнага задавальнення чалавека. Так, распавядаючы пра промыслы заволжан, аўтар прыводзіць меркаванне П. Мельнікава аб карысці рамяства: «Леса заволжанина кормят. Ложки, плошки, чашки, блюда заволжанин точит да красит; гребни, донца, веретена, и другой щепной товар работает; ведра, ушаты, кадки, лопаты, коробья, весла, лейки, ковши, – все что из лесу можно добыть, рук его не минует. Живет заволжанин хоть в труде, да в достатке. С исстари за Волгой

мужики в сапогах, бабы в котах. Лаптей видом не видано, хоть слыхом про них слыхано. Изба у него пятистенная, печь с трубой. О черных избах, да соломенных крышах он только слышал, что есть такие “на горах”» [Кондратьев 1887в, с. 166–167].

Старанна Кандрацьевым падабраны мастацкія творы, у якіх увасоблена паэзія сялянскай працы. Дзеці з цікавасцю прачытаюць невялічкія ўрыўкі з твораў С. Аксакава, У. Даля, вершаў А. Кальцова, А. Міцкевіча, І. Нікіціна, М. Някрасава, А. Пляшчэева. Так, паэтыка апрацоўкі поля перадаецца радкамі верша М. Някрасава:

Сын видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливают зерно.
Готовую жатву подрежут серпами,
Снопы перевяжут, на ригу сvezут,
Просушат, колотят, колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут [Кондратьев 1887в,
с. 181].

У гэтым раздзеле пісьменнік дае цікавыя падрабязнасці працоўнага жыцця народа, праўдзіва, з улікам узроставых асаблівасцей чытачоў апісвае цяжкую, але мэтазгодную, без якой немагчыма існаванне грамадства, працу рабочых, рамеснікаў, сялян. На гэта скіравана і мноства ўключаных у раздзел прымавак: «Доход не живет без хлопот», «У кузнеца, что стук – то гривна», «Чтобы рыбку съест, надо в воду лезть», «Кто не ленив пахать, тот будет богат» і інш. Пісьменнік пераконвае дзяцей, што якой бы цяжкай ні была праца, але яна служыць высакароднай мэце, калі прыносіць радасць і шчасце працаўніку.

Абуджэнне творчай думкі. У тэкстах, якія склалі кнігу для пачатковага чытання, нямала твораў не толькі філасофска-сузіральных, але заснаваных і на дасягненнях прыродазнаўчых навук. Асабліва багаты на іх апошні раздзел, які аўтар назваў «Общий». У грунтоўным нарысе І. К. Кандрацьеў знаёміць юных чытачоў з вынаходніцтвам кнігадрукавання, гісторыяй кнігі. Выкарыстанню чалавекам энергіі пары прысвечаны нарыс і верш «Железная дорога». Укладальнік на канкрэтных прыкладах паказвае дзецям значэнне паравых рухавікоў у вытворчасці. У раздзеле тлумачацца многія з’явы свету, якасці і

ўласцівасці асобных матэрыялаў, з якіх вырабляюцца прылады працы. Так, з нарыса «Что для чего полезно» дзеці даведваюцца чаму не з дуба, а з бярозы выражаюцца ступіцы і падушкі пад калёсы, чаму палазы для саней гнуць з дуба і вяза, а не з бярозы і ліпы. Тлумачыць І. К. Кандрацьеў юным чытачам і тое, чаму на марозе трашчаць дрэвы, што такое вільгаць і г. д.

Такім чынам, гутарка з дзецьмі аб прадметах і з’явах добра ім знаёмым з паўсядзённага жыцця на падставе дадзеных навукі садзейнічала фарміраванню правільнага светаразумення, засваенню пэўных ведаў, абуджала творчую думку. Усе раздзелы кнігі і асабліва апошні насычаны творамі славянскай вуснай народнай творчасці: казкамі, народнымі апавяданнямі, песнямі, байкамі, загадкамі, прымаўкамі, – якія праслаўляюць жыццёвую сілу чалавека, напоўнены верай у яго перамогу над сіламі зла. Вусная народная творчасць як бы паэтызуе тое, аб чым ідзе гаворка ў праявітых творах. Пры гэтым лагічнае мысленне дзяцей зрасталася з цудоўнымі паэтычнымі вобразамі, развіццё розуму ішло поруч з фантазіяй і развіццём. Аўтар чытанкі не толькі апеляваў да дзіцячага розуму, але абапіраўся на ўяўленні і пачуцці юных чытачоў. Засваенню рознапланаванага зместу кнігі садзейнічаюць шматлікія алеаграфічныя малюнкi, прымеркаваныя да адпаведных тэм.

Мудрая, ясная, захапляльная чытанка, напісаная нашым таленавітым суайчыннікам, адкрыла не аднаму пакаленню цудоўны, поўны таямніц свет прыроды, грамадства, культуры. Можна выказаць меркаванне, што па ёй у свой час вучыліся Элаіза Пашкевіч (Цётка), Карусь Каганец, Якуб Колас. Ці не кандрацьеўская кніга для пачатковага чытання «Искра Божия» навяла іх на думку стварыць для дзетак беларусаў «Беларускі лемантар, або Першая навука чытання» (К. Каганец), «Першае чытанне для дзетак беларусаў» (Цётка) і «Другое чытанне для дзяцей беларусаў» (Я. Колас). Не страціла кніга І. К. Кандрацьева актуальнасці і ў наш звышцывілізаваны, прагматычны век, калі так не хапае духоўнасці, спагады, міласэрнасці, дабрыні і шчырасці ва ўзаемаадносінах паміж людзьмі.

Дома і на наветры. У Расійскай дзяржаўнай бібліятэцы нам пашчасціла адшукаць яшчэ адну цікавую невядомую працу І. К. Кандрацьева, прысвечаную дзецям – прыжыццёвае выданне кнігі «Дома и на воздухе. Детские игры и забавы: гимнасти-

ческие, научные, хороводные, круговые, игры, требующие памяти и внимательности, фанты, игры-фокусы, игры-задачи, игры-шарады, игры-загадки и проч. тому под.» [Кондратьев 1894б]. Гэта вынік шматгадовай працы па зборы і сістэматызацыі традыцыйных славянскіх гульняў для дзяцей. Дадзенае аб'ёмнае выданне пабачыла свет у 1894 г. і пазней неаднойчы перавыдавалася. У яго ўключаны амаль усе вядомыя на той час гульні і забавы для дзяцей, якія былі створаны славянскімі народамі ў працэсе культурагенезу. Да кандрацьеўскага выдання існавалі толькі невялікія брашуры і рубрыкі ў розных дзіцячых часопісах. Пісьменнік сістэматызаваў гульні ў адпаведнасці з узростам, уплывам, які яны аказваюць на развіццё тых альбо іншых бакоў асобы дзіцяці. Гульні падзяляюцца аўтарам на тры катэгорыі: рухомыя, якія праводзяцца пераважна на паветры; дыдактычныя, у асноўным для падлеткаў; гульні па метадазе Ф. Фробеля. У прадмове да зборніка і шматлікіх каментарыях І. К. Кандрацьеў выказвае свае адносіны да гульні. Ён разглядае яе як эфектыўны сродак фізічнага і разумовага развіцця падрастаючага пакалення: «Помимо того, что игры служат детям забавой, они, в то же время, могут развивать детей как физически, так и нравственно, и игры всегда будут привлекать детей, потому что они доставляют им движение, занятие для ума, подражание взрослым и веселье» [Кондратьев 1894б, с. 5].

Зборнік складаецца з трох частак. У першай дзецям рэкамендуецца рухомыя гульні ад самых простых да складаных, як для дзяцей малодшага ўзросту, так і падлеткаў. Шмат гульняў з прадметамі, у працэсе якіх удзельнікі засвойваюць розныя спосабы выкарыстання рэчаў. Напрыклад, разнастайныя гульні з мячом («Лапта», «Мячом в городки», «Мячом о стенку», «Колодка», «Зевака», «Лунки», «Бабки» і інш.), абручом, каменьчыкамі і г. д. І. К. Кандрацьеў сабраў шмат так званых рухомах ролевых гульняў, якія шырока існавалі ў культуры ўсходніх славян. Яны больш складаныя і разлічаны на дзяцей сярэдняга школьнага ўзросту і падлеткаў, сюжэты таксама разнастайныя. Школьнікі вымушаны шмат часу праводзіць за партай у школе, за пісьмовым сталом дома пры выкананні хатніх заданняў. Сучасныя вучні сядзяць перад маніторам камп'ютара. Таму рухомыя гульні на паветры з'яўляюцца неад'емным сродкам фізічнага развіцця і ўмацавання здароўя школьнікаў. Гульні такога роду пабудаваны на адной альбо некалькіх ролях.

Працэс уяўляе мадэляванне гульнявой сітуацыі па пэўных правілах. На першым плане – узнáўленне пэўных рыс характару, уласцівых выбранаму вобразу. Ролевыя гульні ў асноўным камандныя, калектыўныя, у іх шмат удзельнікаў. Так, гульня «Большой мяч» разлічана на 12 чалавек. Калектыўнымі з’яўляюцца гульні «Ястреб», «Волк и овцы», «Берегись» і інш. Так, у гульні «Ястреб» яе ўдзельнікі падзяляюцца на драпежную птушку, куранят і курыцу-квахтуху. Каршун імкнецца схапіць куранятак, тыя з усіх ног бягуць да маці, а яна змагаецца з драпежнікам. На думку аўтара, у працэсе ролевых гульняў фарміруюцца важнейшыя якасці асобы дзіцяці: практычна засвойваюцца правілы паводзін, фарміруюцца ўменне пачынаць асабістыя інтарэсы патрабаванням калектыву, развіваюцца вальвыя формы і ўменні стрымліваць свае дзеянні. Гульні ўплываюць на нервовую, мышачную і дыхальную сістэму дзіцячага арганізма, узмацняюць абмен рэчываў і ўмацоўваюць такія важныя ўнутраныя органы, як сэрца і лёгкія. «Игры в мяч, – піша І. К. Кандрацьеў, – принадлежат к лучшим гимнастическим упражнениям: они доставляют много движений, дают телу гибкость, выносливость, силу и ловкость» [Кондратьев 1894б, с. 7]. Сучасныя лагапеды сцвярджаюць, што кінетычныя ролевыя гульні таксама дабратворна ўплываюць на развіццё мовы і мыслення.

Зборнік адметны тым, што акрамя апісання гульні даецца яе гісторыя, этымалогія назвы, падрабязна вызначаюцца правілы. Так, «Лапта» атрымала назву ад драўлянай лапаты, якую напачатку выкарыстоўвалі як сродак падкідвання мяча. Пазней яе замянілі спецыяльнай формы палкай. Дарэчы, пісьменнік апісвае яе памеры, форму, матэрыялы, з якіх яна вырабляецца. Гісторыя гульняў падаецца ад самых яе каранёў. «Бабки», «Большой мяч», «Шашки», «Шахматы», «Карты» ўзніклі ў старажытныя часы. Так, шахматы з’явіліся ў VI ст., радзімай была Персія, куды іх прынеслі індусы. Шашкі пад назвай «таўлец» славяне ведалі са старажытнасці.

Па меркаванні І. К. Кандрацьева, гульня павінна прыносіць яе ўдзельнікам пачуццё задавальнення, развіваць эстэтычны густ. Таму ў зборнік уключана шмат карагодных гульняў, якія сфарміраваліся ў народнай культуры славян. Для іх характэрны жартоўныя песенныя мелодыі, лёгкія і хуткія рухі. Усё гэта разам выклікае сапраўдную і жывую веселасць. «Шутливая весе-

лость, движение, разнообразие, – адзначае пісьменнік, – вот вся поэзия хороводных игр» [Кондратьев 1894б, с. 75]. Такія гульні, як «Овес», «Селезень», «Просо сеять», «Заинька», «Воробышек» і інш. спалучаюць элементы народнага танца і песні. У зборніку прыводзіцца шмат узораў народна-песеннай творчасці. Гульня «Растить мак» суправаджаецца народнай песняй:

Ай, на горе мак, мак,
Под горою бел, бел!
Ах вы, маки, маковочки,
Золотые головочки!
Станьте вы в ряд:
Спросим-те про мак [Кондратьев 1894б, с. 82].

Праз такія гульні дзеці адначасова спакваля, без прымусу засвойваюць фальклорнае мастацтва, далучаюцца да прыгожага.

У другой частцы зборніка сабраны дыдактычныя гульні, якія прызначаны школьнікам сярэдняга і старэйшага ўзросту. Іх мэтай, на погляд пісьменніка, з’яўляецца развіццё пазнавальнай дзейнасці дзяцей, памяці і ўважлівасці. Большасць дыдактычных гульняў адносіцца да настольных і адбываецца ў дамашніх умовах. Выхаванне ажыццяўляецца ў працэсе гульняў-загад, гульняў-шарад, гульняў-задач, фантаў, гульняў-фокусаў і інш. Іх у зборніку налічваецца некалькі соцень. Вялікую ролю ў развіцці разумовых здольнасцей школьнікаў, лічыў І. К. Кандрацьёў, адыгрываюць шахматы, шашкі і нават карты. Аўтар зборніка тлумачыць, што народныя няхітрыя, забаўныя картачныя гульні ніколі не шкодны для дзяцей. «Опасаясь потерять себя во мнении взрослых, – піша І. К. Кандрацьёў, – они напрягают все свои умственные способности, чтобы разыграть игру хорошо и даже выиграть, а если не, то не заслужить упрека в небрежности или несообразительности» [Кондратьев 1894б, с. 217].

Асобна ў зборніку вылучаны гульні па метадазе нямецкага педагога Ф. Фробеля, які стварыў арыгінальную сістэму дашкольнага выхавання. Па меркаванні Ф. Фробеля, дзеці ў гэтым узросце павінны развівацца фізічна, удасканалваць прыродныя здольнасці, знаёміцца з навакольным асяроддзем, рыхтавацца да паступлення ў школу. У яго канцэпцыі важная роля адводзіцца гульні. Асаблівасцю дзіцячай гульнявой дзейнасці з’яўляецца ўдзел у ёй дарослых. Педагог заўважыў, што дзецям падабаецца, калі з імі гуляюць дарослыя, якія могуць унесці ў гульню больш разнастайнасці і цікавасці. Праз гульню дарос-

лыя могуць без прымусу дапамагчы дзецям засвоіць неабходныя веды, развіць мысленне, набыць уменні і навукі. За аснову ў гульнях па метадазе Ф. Фробеля ўзяты прынып канструявання. Так, І. К. Кандрацьёў прапаноўвае дзецям разам з дарослымі збудаваць з кубікаў дом, выкласці кольцамі, каляровымі чатырохкутнікамі падлогу, двор, сцяжынку ў сад, крыж і інш. Шэраг гульняў прадугледжваюць лепку з гліны, вырабы з саеновай кары, саломкі і іншых матэрыялаў. Пісьменнік быў перакананы, што такі від творчасці выходзіць мастацкі густ і выхаванне здольнасці, развівае мысленне, вакамер і каардынацыю рухаў.

У традыцыйнай культуры славянскіх супольнасцей шырокае распаўсюджанне атрымала лато. І. К. Кандрацьёў перапрацаваў звычайнае лато ў інтэлектуальную дзіцячую гульню. У 1897 г. выйшла ў свет яго дыдактычная праца «Лато племен и народов» [Кондратьев 1897], якая перавыдавалася і ў ХХ ст. Гэта своеасаблівае этнаграфічнае лато для школьнікаў, мэтай якой з'яўляецца развіццё пазнавальных інтарэсаў і замацаванне ведаў па гісторыі і географіі, атрыманых у школе. Ад звычайнага лато яна адрозніваецца тым, што замест нумароў на кожнай картцы змешчаны выявы 12 прадстаўнікоў народаў свету. Фішкі заменены білецкамі, на якіх таксама надрукаваны назвы этнасаў. Падчас гульні яе ўдзельнікі выцягваюць білецкі і распавядаюць пра народы, назвы якіх указаны на білецку, а выявы змешчаны на адпаведнай картцы. На картках лато і білецках указаны 144 прадстаўнікі розных народаў свету. У тэксце, які суправаджае карткі і білецкі, утрымліваецца інфармацыя аб месцы пражывання таго альбо іншага этнасу, яго побыце, асаблівасцях мовы, адзення, рэлігіі, характары. Так, аб японцах І. К. Кандрацьёў паведамляе дзецям наступнае: «Япония расположена в Восточной Азии. Там проживает 70 млн населения. Господствующая религия – буддизм и синтоизм. Политическая власть представлена конституционной монархией. Японцы любознательны, способны и трудолюбивы. Основные виды занятий – земледелие и промышленность. Воспитание детей доведено до образца. Детей любят. В стране нет неграмотных. Домашняя жизнь японцев своеобразна и оригинальна. Они особенные любители празднеств и увеселений, которые у них совершаются шумно и оригинально, большие любители уличных представлений» [Кондратьев 1897, с. 36–37]. Прыкладна па

такім узору даецца апісанне і іншых этнасаў. Пераможцам з'яўляецца той удзельнік, які найбольш поўна апісаў 12 этнасаў, якія ўказаны на білеціку і адпаведнай картцы.

На жаль, падрастаючае пакаленне XXI ст. пазбаўлена каштоўнасцей традыцыйных народных гульняў, якія адбіраліся тысячагоддзямі, правяраны не адным пакаленнем нашых продкаў, садзейнічаюць фізічнаму, інтэлектуальнаму і духоўнаму развіццю асобы. Думаецца, наспела неабходнасць рэвіталізацыі традыцыйных гульняў, іх мадэрнізацыі, спалучэння з камп'ютарнымі тэхналогіямі. Сабраныя І. К. Кандрацьевым разнастайныя па змесце і форме гульні мінулых стагоддзяў могуць эфектыўна выкарыстоўвацца ў гэтай справе.

Педагагічная спадчына І. К. Кандрацьева, як і яго мастацкая творчасць, зусім не даследавана, думаецца, што яна не абмяжоўваецца пералічанымі творамі і ў бібліятэках, прыватных кнігазборах Расіі і іншых дзяржаў захоўваюцца невядомыя сучаснаму чытачу творы пісьменніка для дзяцей, якія чакаюць сучаснага даследчыка і чытача.

У сузор'і імён

«Правда ли, что в России есть поэты, вышедшие непосредственно из народа, сложившиеся вне влияния школы? Это явление непонятно мне. Как может возникнуть стремление писать стихи у человека столь низкой культурной среды, живущего под давлением таких невыносимых социальных и политических условий? Я понимаю в России анархиста, даже разбойника, но лирический поэт-крестьянин – это для меня загадка», – слова філосафа Вільяма Джэмса прыводзіць М. Горкі ў артыкуле «О писателях-самоучках» [9, с. 136]. З'ява паэтаў-самавукаў выхадцаў з народа ўнікальная. З сялянскай сям'і выйшлі П. Багрым, Я. Колас, К. Лейка і інш. Дробным арандатарам быў бацька З. Бядулі. У сям'і збяднелай шляхты выхоўваліся Ф. Багушэвіч, Я. Купала. Дарэчы, М. Горкі ў названым артыкуле прапаноўвае рускім пісьменнікам прыгледзецца да творчасці Я. Коласа і Я. Купалы.

На наш погляд, І. К. Кандрацьёў сфарміраваўся як асоба пад уплывам многіх выдатных творцаў, а не толькі з прычыны прыроднага таленту. Як пісьменнік-самавук ён не меў сістэмнай грунтоўнай адукацыі, аднак многа чытаў, добра ведаў літаратуру, гісторыю, цікавіўся педагогікай, перакладаў. Без ацэнкі індывідуальна-творчага самавызначэння пісьменніка немагчыма дастаткова поўна ахарактарызаваць ідэйны змест яго твораў. І. Кандрацьёў з тых творцаў, што склаліся ўжо ў маладосці. З цягам часу ён паглыбіў свае індывідуальныя асаблівасці пад уплывам масцітых майстроў слова.

І. К. Кандрацьёву ў пачатку маскоўскага перыяду пашанцавала пазнаёміцца і быць у сяброўскіх адносінах з *Іванам Захаравічам Сурыкавым* (1841–1880). У іх было шмат агульнага. Іван Сурыкаў таксама паходзіў з сялянскай сям'і (з прыгонных графа Шарамецьева), не атрымаў школьнай адукацыі, аднак вольны час аддаваў чытанню, захапляўся кнігай: паэзіяй Пушкіна, Лермантава, Кальцова, Шаўчэнкі, Някрасава і інш. Не

валодаючы тэхнікай вершаскладання, пачаў пісаць вершы. Сустрэча з вядомым паэтам А. М. Пляшчэевым стала паваротнай у лёсе юнака. У пачатку 60-х гг. Пляшчэеў дапамог маладому Сурыкаву апублікаваць вершы ў часопісе «Развлечение». У 1871 г. выходзіць яго першы паэтычны зборнік. І. К. Кандрацьеў у гэты час толькі пачынае друкавацца ў «Віленскім весніку». На момант маскоўскага дэбюту беларуса І. Сурыкаў ужо шырока вядомы ў літаратурных колах. Яго творы друкуюцца ў часопісах «Дело», «Вестник Европы», «Отечественные записки» і інш. Масквічы зачитваюцца сурыкаўскімі паэмамі «Садко», «Богатырская жена» і інш. Ён аўтар хрэстаматыйнага верша «Вот моя деревня». Верш «В степи» ў народнай апрацоўцы стаў папулярнай песняй «Степь да степь кругом» (можна правесці паралелі з песеннай творчасцю І. К. Кандрацьева). З цягам часу вакол Сурыкава склалася шырокае кола сяброў, у асноўным такіх жа «самавукаў», як ён сам. Паэт-самавук, адчуўшы на сабе цяжасці ўваходжання ў літаратуру, аб'ядноўвае таленавітых пісьменнікаў з народа ў літаратурна-музычны гурток, каб дапамагаць перш за ўсё сялянскім паэтам. Я. С. Калmanoўскі называе прозвішчы паэтаў, што былі найбольш блізкія да Івана Захаравіча: «Это участники сборника “Рассвет”, а также Ф. С. Гурин, Д. Н. Кафтырев, И. К. Кондратьев, А. И. Левитов, Н. А. Соловьев-Несмелов, Г. Г. Урусов и другие» [15, с. 59]. Безумоўна, Іван Кандрацьеў поўнымі жменьмі браў у І. Сурыкава літаратурны вопыт. Са свайго боку ўдзячны вучань, працуючы ў шэрагу маскоўскіх выданняў, прапагандаваў творчасць Сурыкава.

І. Сурыкаў. 1870–1880-я гг.

Шмат карыснага для выпрацоўкі індыўідуальнага мастацкага стылю ўзяў І. Кандрацьеў з гуртка паэтаў-самавукаў, у які ўваходзілі А. Бакулін, С. Грыгор’еў, С. Дзяруноў, Д. Жараў, М. Козыраў, Я. Назараў, А. Разаронаў, І. Радзіёнаў, І. Тарусін, С. Дрожын, М. Лявонаў. Сярод гурткоўцаў І. А. Белавусаў ва ўспамінах называе і беларускага паэта: «Четвертый суриковец – Иван Кузьмич Кондратьев – стоит особняком от трех вышеописанных писателей-самоучек – Дерунова, Разоренова и Козырева. Те не были профессиональными писателями, Кондратьев же исключительно жил литературой» [4, с. 115]. Гурткоўцамі быў выпушчаны калектыўны зборнік «Рассвет» (1872), дзе быў і кандрацьеўскі верш «Жизнь» («Ох, уж тяжело жить на свете...»). Я. С. Калманаўскі адзначае, што твор па духу і мове быў вельмі блізім сурыкаўскай групе. Пазней гэты верш з праўкамі і назвай «Доля-горе» ўвайшоў у паэтычны зборнік І. Кандрацьева «Под шум дубрав» [15, с. 33]. У гуртку пераважалі паэты, якія прыйшлі ў літаратуру, каб з дапамогай мастацтва выказаць свае адносіны да жыцця, знайсці шлях да вызвалення ад сацыяльнай няроўнасці. Беларусь збліжаецца таксама з С. Д. Дрожыным, І. А. Белавусавым, Я. І. Назаравым, якія лічылі, што народны паэт павінен апяваць не толькі «тоску-незгоду», а стаць песняром свабоды. І. Кандрацьеў пад уплывам паэтаў-сурыкаўцаў паступова пераходзіць на пазіцыі дэмакратычнай паэзіі. Праўда, неабходна заўважыць, што ў 70-я гг. ідэйныя дэкларацыі маладога паэта не вызначаліся выразнасцю і вырасталі на глебе асабістых рэфлексій. У яго паэзіі пераважаюць журботныя матывы скаргаў на цяжкае жыццё. Асноўным зместам вершаў, якія склалі зборнік «Думы и были», з’яўляецца няшчасная доля беднякоў, якія паміраюць ад голада і хвароб.

І. Белавусаў. 1900 г.

Я. Назараў

С. Дрожын

Пазней І. Кандрацьеў разышоўся з І. З. Сурыкавым і нават апублікаваў накіраваны супраць яго памфлет «Поющему поэту», які з'явіўся ў часопісе «Мирской толк» у 1879 г. Сурыкаў адказаў на яго вершам «Поэту»:

Поэт! Трудна твоя дорога,
На ней ты радости не жди:
Тебе страдать придется много
И много слез скопится в груди...
Но если ты призванью верен – Иди!
Борьбу веди со тьмой:
Будь сердцем чист, нелицемерен
И песни искренние пой.
Тебя унижат, поругают,
И чувства святость оскорбят,
И злобой душу истерзают,
И желчи ядом напоят...
Но ты в венце своем терновом,
Тебе изранившим чело,
Прости врагам твоим суровым
Тебе содеянное зло!
И, пригвожден к столбу позора
И чуя в сердце желчи яд,
– Не шли за зло врагам укора:
«Они не знают, что творят!» [15, с. 230–231].

Нягледзячы на пэўныя разыходжанні, Кандрацьеў уважліва сачыў за літаратурнай творчасцю паэта. Глыбокім сумам і шкадаваннем прасякнуты радкі верша «На могиле И.З.С.», напісанага Кандрацьевым у 1891 г.:

Настал конец, – с печалью скрытой,
Ты пел о горе, о нужде,
О жизни, в юности разбитой.
И ты был прав – о, прав, поэт!
Нам грезы юности изменят,
А блага зрелых, поздних лет
Печалей юных не заменят.
Минуло много, много дней,
Угасло много сил и пылу,
– И мало близких и друзей
Пришли почтить твою могилу [Кондратьев 1898а,
с. 172–173].

Аналіз моўна-выяўленчых сродкаў кандрацьеўскіх твораў дае падставы меркаваць, што значны ўплыў на пісьменніка аказаў Мікалай Васільевіч Успенскі (1837–1889), стрыечны брат Глеба Успенскага, літаратурная дзейнасць якога пачалася ў 1857 г. з публікацыі ў часопісе «Сын отечества» апавядання «Старуха». Друкаваўся ў «Современнике», «Отечественных записках», «Вестнике Европы». Мікалай Васільевіч быў прадстаўніком «шасцідзясятнікаў». Па сваіх поглядах блізкі да рэвалюцыйна-дэмакратычнага лагера: М. А. Някрасава, М. Г. Чарнышэўскага і інш. Прызвічаныя творы Успенскага («Поросенок», «Грушка», «Змей», «Хорошее житье», «Сельская аптека», «Обоз» і інш.) прысвечаны паказу дарэформеннай вёскі і адлюстроўваюць радыкальны дэмакратычны настрой пісьменніка, яго ідэйную блізкасць да рэвалюцыйна-дэмакратычнай інтэлігенцыі. Паказваючы ў апавяданнях бяспраўе, забітасць і неразвітасць сялянскага асяроддзя, М. Успенскі выступаў супраць прыгоннага права і лібералізму. Глыбока рэалістычны характар твораў Успенскага, які раскрываў сапраўднае становішча сялян, забяспечвалі ім шырокі поспех. Талент пісьменніка адзначалі М. А. Някрасаў, І. С. Тургенеў, Л. М. Талстой. І. А. Бунін вылучаў яго як «одного из первых и крупнейших народных писателей» [5]. У 1872 г. выходзяць тры тамы нарысаў і апавяданняў «Картины русской жизни», што стала значнай з’явай рускай літаратуры.

М. В. Успенскі.
1860-е гг.

І. Кандрацьеў як прازیк фарміраваўся пад уплывам твораў М. Успенскага. Асабліва высока ацэньваў ён мастацкія якасці аповесцей «Фёдор Петрович» (1866), «Старое по-новому» (1870), у якіх адлюстравана жыццё буржуазіі і земства ў вёсцы. У адрозненне ад народнікаў Успенскі не ідэалізуе абшчынны лад, а паказвае яго загану, за што народніцкая крытыка рэзка выступала супраць яго. І. К. Кандрацьеў і М. В. Успенскі былі блізкія па духу, аб чым сведчыць іх бескарыслівае сяброўства на працягу ўсяго жыцця. Іх бліжэйшым сябрам быў і знакаміты мастак А. К. Саўрасаў. Аўдавелы Успенскі многа піў, з 1884 г. пачаў валацужнічаць, нярэдка галадаў. І. Белавусаў у кнізе «Ушедшая Москва» ўспамінае: «Н. В. Успенского при жизни мне пришлось видеть только один раз у Кондратьева; он казался истощенным, болезненным, борода и голова густо посеребрены, одет очень бедно, шея обмотана каким-то рваным шарфом, на ногах худые ботинки» [4, с. 125]. Жыццё Успенскага, як і Кандрацьева, скончылася трагічна: «21 октября 1889 г. в одном из переулков Хамовнической части было обнаружено мертвое тело. Седой старик в рваном пальто. Стали осматривать карманы. Нашли паспорт на имя Николая Васильевича Успенского и несколько копеек. Больше ничего» [11, с. 217]. Глыбока ўсхваляваны самагубствам Мікалая Васільевіча, І. Кандрацьеў напісаў аповяданне «Накануне расчета с жизнью», якое было надрукавана ў 1889 г. у часопісе «Развлечение». Сам аўтар там выведзены пад псеўданімам Усевалад Андрыянаў.

У 1880-я гг. у рускую літаратуру ўліваецца геніяльны пісьменнік, выкрывальнік свету пошласці і мяшчанства *Антон Паўлавіч Чэхаў* (1860–1904). За першыя пяць гадоў ім у розных выданнях апублікавана каля 400 твораў розных жанраў. Як і Кандрацьеў, ён піша для часопісаў «Мирской толк», «Свет и тени», «Развлечение», «Будильник», «Зритель» жартаўлівыя сцэнкі, апавяданні-жарты, фельетоны, апавяданні-пародыі, апавяданні-камедыі. Творчасць А. П. Чэхава прасякнута адмаўленнем хлусні і крывадушнасці, якія праніклі ва ўсе сферы грамадскага жыцця.

А. П. Чэхаў. 1901 г.

Крыніца: <http://www.anton-chehov.info/chexov-i-semya.html>

У 90-я гг. XIX ст. пісьменнік пераходзіць ад кароткіх апавяданняў да панарамных праявічных твораў: «Палата № 6», «Попрыгунья», «Человек в футляре», «Ионыч», піша п'есы «Дама с собачкой» і «Дядя Ваня». У іх адчуваецца глыбінны аналіз рэчаіснасці, які паўстае ў завершаных мастацкіх вобразах. Жыццё паказана так, што ўзбуджае ў чытача нянавісць да пошласці, подласці і нізасці. Чэхаў-навеліст, Чэхаў-драматург аказаў велізарны ўплыў на ўдасканаленне мастацкай формы кандрацьеўскіх твораў. Вядома, што пісьменнікі падтрымлівалі сяброўскія адносіны, дзяліліся думкамі па пытаннях сюжэту мастацкіх твораў. Нам удалося адшукаць лісты, якія сведчаць аб стасунках пісьменнікаў [55].

Іван Кузьміч быў знаёмы і з *Мікалаем Паўлавічам Чэхам*, які пасля заканчэння Маскоўскага вучылішча жывапісу, скульптуры і дойлідства супрацоўнічаў з шэрагам часопісаў «Зритель», «Сверчок», «Москва», «Осколки». Удзельнічаў у роспісе маскоўскага храма Хрыста Збавіцеля. Мікалай Паўлавіч сябраваў з І. І. Левітанам, з якім неаднойчы бываў у І. Кандрацьева.

М. П. Чэхаў. 1880-е гг.

Крыніца: <http://www.anton-chehov.info/chexov-i-semya.html>

Вядома, што Мікалай ілюстраваў асобныя апавяданні Антона Паўлавіча і быў аўтарам карыкатур з яго подпісам. А. П. Чэхаў неаднойчы крытыкаваў лад жыцця брата і яго адносіны да свайго таленту: «Гибнет сильный русский талант, гибнет ни за грош». Аб прыцельскіх узаемаадносінах І. Кандрацьева з таленавітым мастаком сведчыць малюнак М. Чэхава да літаграфаванай вокладкі кандрацьеўскай лірычнай сцэны «Пушкин у Яра», якая выйшла ў 1887 г.

Блізкім па духу да І. Кандрацьева быў ліберальны народнік *Філіп Дыямідавіч Няфёдаў* (1838–1902), выхадзец з сям’і прыгоннага селяніна. У адрозненне ад нашага суайчынніка ён меў завершаную юрыдычную адукацыю, з’яўляўся супрацоўнікам Таварыства прыродазнаўства, антрапалогіі і этнаграфіі. Сабраны ў палявых экспедыцыях этнаграфічны матэрыял у выглядзе паданняў, легенд, песень, абрадаў, прымавак уключаў у артыкулы, нарысы, апавяданні. У творчасці Ф. Няфёдаў засяроджваў увагу на паказе жыцця парэформеннага сялянства, антаганізме паміж беднякамі і вясковай дробнай буржуазіяй. Няфёдаўскім ідэалам была патрыярхальная сялянская абшчына, таму капіталізм, які разбураў абшчыну, адмаўляўся ім цалкам, яго прадстаўнікі паказваліся бяздушнымі, бязлітаснымі самодурамі. І. Кандрацьеў таксама паэтызуе вясковы лад жыцця, лічыць, што горад разбэшчвае людзей. У вершы «В непогоду» ён з замілаваннем апісвае сялянскую сям’ю, дзе пануе зладжанасць, сапраўдныя маральныя пачуцці:

В глуши я вижу дом. Развесистая ива
Над ним поникла сетчатым шатром,
Вблизи родник журчит в густой траве игриво,
И тихим счастьем полон этот дом.
Вот гаснет день, день летний... Вот – стучит телега...

Красавица выходит на крыльцо:
Какая стройная! Во всем какая нега!
Как пышет счастьем милое лицо!
Приехал муж – к жене. Он весел, он доволен,
И кротко улыбается жена:
Довольство в доме, мир, никто не болен...
А ночь, меж тем сгустилась у окна [Кондратьев 1898а,
с. 82].

Горад з яго тлумам, мітуснёй не дазволіць паэту быць шчаслівым: «...дней моих искомое мной счастье / Потопит в шуме жизни городской» [Кондратьев 1898а, с. 82].

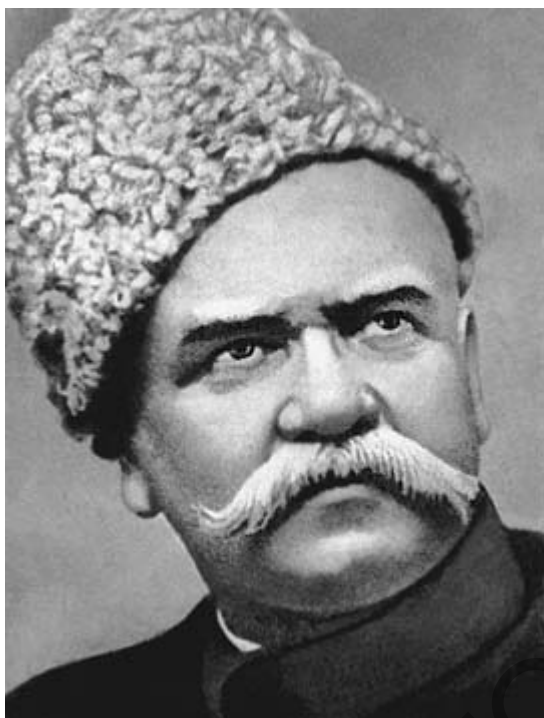

Ф. Няфёдаў

Ф. Няфёдаў быў непераўзды-
дзеным майстрам мастацкага
ўвасаблення побытавай рэчаіс-
насці. Іван Кузьміч менавіта ў
яго вучыўся этнаграфізацыі літа-
ратурнага тэксту эпічных твораў.
Асабліва гэта адчуваецца ў «Дра-
ме на Лубянке», дзе цэлыя ста-
ронкі прысвечаны апісанню по-
быту розных сацыяльных слаёў
тагачаснага грамадства. У Расійскім архіве літаратуры і мас-
тацтва захоўваецца некалькі лістоў Івана Кузьміча да Філіпа
Дыямідавіча, якія тычацца пастаноўкі няфёдаўскай п'есы, а
таксама дапамогі ў судовай справе з несумленным выдаўцом
твораў І. Кандрацьева [34].

У апошняй чвэрці XIX ст. у літаратурных колах Масквы
з'яўляецца каларытная фігура *Уладзіміра Аляксеевіча Гіляроўскага*
(1855–1935), у якога было шмат агульнага з І. К. Кан-
драцьевым. Мастацкая творчасць Уладзіміра Аляксеевіча па-
чыналася з акцёрскай дзейнасці, як і ў Кандрацьева, у тэатры
А. А. Бранко. У 1881 г. У. Гіляроўскі пакідае тэатр і пачынае
займацца літаратурай і журналістыкай. Яго вершы, нарысы, за-
малёўкі друкуюцца ў «Будильнике», «Русской газете», «Мос-
ковском листке» і інш. Пісаў ён і для «Развлечения», дзе друка-

ваўся І. Кандрацьеў. «Развлечение» (1859–1905) – штонядзельны маскоўскі літаратурны гумарыстычны часопіс, створаны Ф. Б. Мілерам, які з’яўляўся адначасова і рэдактарам і выдаўцом. Безумоўна, творчыя шляхі пісьменнікаў перасякаліся не толькі ў рэдакцыі часопіса. Уладзімір Аляксеевіч у кнізе «Друзья и встречи» згадвае І. К. Кандрацьева [7, с. 366].

У. Гіляроўскі

Гіляроўскі бліскуча і ўсебакова ведаў Маскву. Яго памяць захоўвала безліч характэрных гісторый пра людзей, вуліцы, ваколіцы, плошчы, побыт масквічоў. Для Івана Кузьміча, які скрупулёзна працаваў над даведнікамі «Седая старина Москвы» і «Московский Кремль», каштоўнымі былі гіляроўскія нарысы, рэпартажы, вусныя аповеды. З-пад пяра Уладзіміра Аляксеевіча выйшлі шырокаваядомыя чытачу кнігі: «От Английского клуба к музею Революции», «Москва и москвичи», «Мои скитания», «Записки москвича», «Друзья и встречи», «Люди театра», а таксама зборнік вершаў «Забывтая тетрадь», паэма «Стенька Разин». З У. Гіляроўскім сябравалі І. Бунін, А. Купрын, А. Чэхаў, Ф. Шаляпін, многія мастакі, акцёры і літаратары. Гасцінны дом Гіляроўскіх быў своеасаблівым артыстычным, журналісцкім і літаратурным цэнтрам. «По существу, – пісаў К. Паўстоўскі, – это был (как и сейчас остается) музей культуры, живописи и быта чеховских времен» [7, с. 6]. Неаднойчы там гасцяваў і Іван Кузьміч.

І. Кандрацьеў і У. Гіляроўскі былі выразнымі ўзорамі таго чалавечага складу, які называецца «шырокай натурай». Гэта выражалася ў іх не толькі ў незвычайнай дабрыні і шчодрасці, але і ў тым, што ад жыцця яны патрабавалі шмат. Кандрацьеў пісаў вершы, паэмы, песні, драмы, раманы, гістарычныя давед-

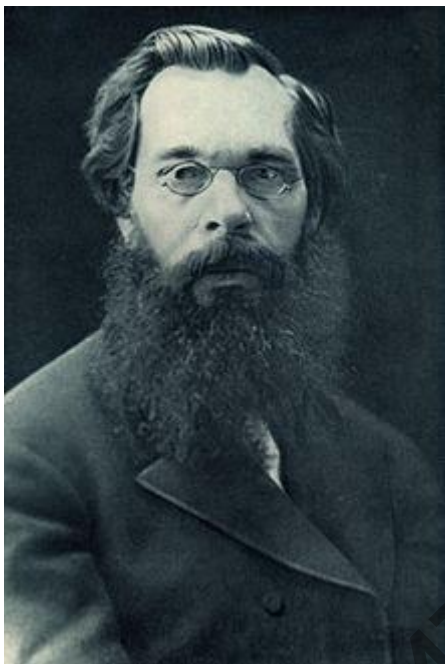
нікі, музыку для сваіх песень, быў сталым наведвальнікам корчмаў, рэстараций, більярдных. Такім па сваёй натуры быў і У. Гіляроўскі. Ён лічыўся знаўцам Хітроўкі – прытулку жабракоў, бадзяг, беспрацоўных, простых людзей, якія не знайшлі сабе ні месца, ні заняткаў у жыцці. Таму галоўнымі тэмамі нарысаў Гіляроўскага з'яўляюцца галеча людзей, знясіленых змаганнем за сваё існаванне, цяжкай фізічнай працай, пакуты, рэзкія кантрасты жыцця народа і багацеяў. Зборнік апавяданняў і нарысаў Гіляроўскага пачынаецца раздзелам «Трущобные люди», у якім паказана жыццё маскоўскага «дна».

Дадзеная праблематыка характэрна таксама кандрацьеўскім паэтычным і празаічным творам. У рамане «Драма на Лубянке» Іванам Кузьмічом створаны вобраз пісьменніка Мацвея Ілліча Камарова, у якім яўна ўгадваюцца рысы аўтара. У тэксце ёсць эпізод, дзе Камароў дзеліцца сваімі творчымі планами з Міхаілам Верашчагіным: «Задумал я по заказу типографщика Решетникова сочинить новое повествование, под наименованием “Похождения знаменитого сыщика, или Московские норы и трущобы, с присовокуплением рассказа, как живут-поживают воры, грабители, разбойники и всякого иного калибра злодеи”» [Кондратьев 1992, с. 64].

Стасункі У. Гіляроўскага з І. Кандрацьевым садзейнічалі фарміраванню творчай індывідуальнасці апошняга. У нарысе «Грачи прилетели» Уладзімір Аляксеевіч згадвае Кандрацьева. Гіляроўскі распавядае пра сяброўства нашага суайчынніка са славытым мастаком А. К. Саўрасавым [7, с. 285].

Развіццё эстэтычных густаў Івана Кузьміча адбывалася пад уплывам творчасці знакамітага рускага мастака-пейзажыста *Аляксея Кандрацьевіча Саўрасава* (1830–1897), у якога ўжо ў раннім узросце выяўляюцца незвычайныя здольнасці да жывапісу. Першыя яго пейзажы «Вид Москвы с Воробьевых гор», «Вид Кремля в ненастную погоду», «Камень у маленького ручья» непасрэдна звязаны з традыцыямі рамантычнага напрамку, які пераважаў у рускай акадэмічнай школе. Аднак яны адрозніваліся жывым назіраннем, шчырасцю пачуццяў. Узяўшы за аснову рамантычны матыў, мастак шукае паэтычнасць не ў знешніх эфектах, а ў лірычным узнаўленні прыроды. З замілаваннем Саўрасаў перадае чароўнасць летняга вечара на ўзбярэжжы, вільгаць марскога паветра ў цяні старажытных валуноў, змрок пад шырока раскінуўшыміся галінамі дрэваў

(«Вид в окрестностях Ораниенбаума», «Морской берег в окрестностях Ораниенбаума»). Для мастацтва 60-я гг. былі часам складвання нацыянальнага характару пейзажа. А. Саўрасаў усё часцей звяртаецца да ўвасаблення пераважна вясковай прыроды, імкнецца праўдзіва перадаць прыгажосць роднай зямлі («Вид в селе Кунцево», «Вечерний пейзаж», «Сельский вид» і інш.). Іван Кандрацьеў нярэдка суправаджаў мастака на эцюды, вучыўся разумець і ўспрымаць незвычайнае характэрава прыроды.

А. К. Саўрасаў

Гэта ўменне ўбачыць характэрава роднай зямлі, яе непаўторнасць і велічавую прыгажосць спатрэбіцца І. Кандрацьеву пры стварэнні эпічных твораў. Так, раман «Гунны» пачынаецца з паэтызацыі прыроды Панямоння: «Хороши, живописны берега Немана и теперь, когда рука нового человека

всему придает свой однообразный, невеселый цвет и подводит все под одну свою неизменную мерку; хороши, живописны берега Немана и теперь, когда почти по всему протяжению его раскиданы: то убогие рыбацьи хижины, то маленькие шляхетские фольварки, то старинные панские мызы и замки, то грандиозные костелы, свидетели многих безумных и кровавых дел. Но в конце IV столетия берега Немана, как вообще берега всех рек северославянской земли, представляли почти одну сплошную массу очаровательно-величественных дубовых, липовых, сосновых и кленовых лесов. Поднимая к облакам свои могучие лиственные вершины, только одним бурям покорялись они, укрывая под своими темными, без просветов, наметами тысячи птиц и тысячи зверей. Груды пней, кряжей, мхов и разросшихся кореньев служили им безопасным обиталищем, а множество ручьев, трясин, болот, озер, заросших травой окошек и бочагов

не пропускали человека в эти таинственные лесные пучины...» [Кондратьев 1994, с. 5–6].

Безумоўна, бываў І. Кандрацьеў і ў доме мастака, жонкай якога была сястра вядомага археолага і гісторыка мастацтваў Герца. У іх доме збіраліся мастакі, дзеячы мастацтва, мецэнаты, чыталіся літаратурныя навінкі, вяліся ажыўленыя гутаркі, спрэчкі па пытаннях, якія хвалявалі ў той час расійскае грамадства. Усё гэта садзейнічала фарміраванню кандрацьеўскага светапогляду.

Узаемаадносіны А. Саўрасава і А. Кандрацьева не абмяжоўваліся блізкімі поглядамі на сутнасць мастацтва. Іх звязвалі шчырыя пачуцці адзін да аднаго. А. Дабравольскі падкрэслівае надзвычай братэрскія іх узаемаадносіны: «Близким, закадычным другом Саврасова стал небезызвестный в те годы литератор Иван Кузьмич Кондратьев, или просто Кузьмич, как его называли товарищи. Это был плодовитый писатель, поэт, драматург. Автор поэм, стихотворений, исторических романов и повестей из жизни древних славян, из эпохи старообрядческих смут, сочинитель драм, водевилей, шуток» [11, с. 215]. Саўрасаў непакоіўся, што пісьменнік, працуючы над сваімі раманамі, гістарычнымі нарысамі, мала бывае на ўлонні прыроды, і, каб ажывіць яго кватэру, распісвае яе пейзажнымі эцюдамі. «Стены чердачной комнаты увешаны эскизами, рисунками, набросками углем, сделанными академиком Саврасовым», – адзначае А. Дабравольскі [11, с. 215].

І. Кандрацьеў на працягу ўсяго жыцця як мог падтрымліваў славу тага мастака, асабліва ў цяжкія для яго жыцця перыяды. А. Саўрасаў цяжка перажываў смерць сваёй дачкі. Пад уражаннем гэтай трагедыі ён стварае самы драматычны твор «Могилы над Волгой». У шэрагу яго палотнаў выразна адчуваюцца журба, непакой і востры смутак: «Лунная ночь. Болото», «Закат над болотом». У канцы 70-х гг. мастак цяжка хварэе, у творчасці яго заметны рысы заняпаду. Але і ў гэты перыяд з'яўляюцца па-сапраўднаму паэтычныя палотны і сярод іх – «Рожь», «Зимний пейзаж», «Северная деревня», «Весна. Огороды». І. Кандрацьеў імкнецца падтрымаць сябра не толькі маральна, але і матэрыяльна. Ён уласнаручна насіў на рынак прадаваць саўрасаўскія карціны, на выручаныя грошы купляў для яго адзенне, прадукты харчавання.

У апошні перыяд жыцця А. Саўрасаў, па сведчаннях А. Дабравольскага, У. Гіляроўскага, І. Еўдакімава, бадзяжнічаў. Амаль увесь час ён праводзіў на Хітровым рынку ці ў рамачных майстэрнях. Там за пачастунак пісаў карціны, якія потым прадаваліся на Сухараўцы па 2–3 рублі з рамай. Нельга без болю чытаць успаміны І. Белавусава «Ушедшая Москва» (упершыню апублікаваны ў 1926 г.): «За год до смерти я встретил Саврасова на Мясницкой улице – это было зимой, одет он был в ситцевую, стеганную на вате кацафейку, какие носят деревенские старухи и огородницы; подпоясан веревкой. Старые, с заплатами, кальсоны внизу обмотаны какими-то тряпками. Обрывки веревок придерживали на ногах рваные опорки. На голове была одета черная, с широкими полями, “художническая” шляпа... Несмотря на убогость костюма, вся его крупная фигура, с большой, седой бородой, прямая, стройная, казалась величественной. Он стоял на углу Златоустинского переулка и спокойно смотрел на мимо идущую толпу, гордо подняв красивую голову» [4, с. 123].

Сціплая кандрацьеўская кватэра не аднойчы была месцам прытулку бяздомнага генія. У гэты складаны перыяд жыцця мастака, успамінае І. Белавусаў, І. Кандрацьеў, М. Успенскі і А. Саўрасаў былі неразлучнымі, амаль кожны дзень збіраліся ў кандрацьеўскай кватэры, гаварылі пра мастацтва, не абыходзілася без пачастункаў і гарэлкі. Аб гэтым сведчыць А. Дабравольскі ў аповесці, прысвечанай А. Саўрасаву: «Сюда почти каждый день являлись Саврасов и известный беллетрист, автор талантливых и правдивых очерков и рассказов из деревенской, народной жизни Николай Васильевич Успенский. Похожий на нищего, красивый седой старик, с окладистой бородой <...> Друзья встречались и в трактире Сазонова, где собирались интеллигентные, даровитые люди с изломанными, исковерканными судьбами. Успенский составлял прошения для крестьян, приехавших хлопотать о чем-то в город. И был доволен подношением. Саврасов рисовал. Рисовал карандашом или пером. И часто расплачивался рисунками. Или продавал свои работы кому-нибудь из посетителей» [11, с. 216].

Хвароба, неўладкаванасць побыту адбіліся на здароў’і славутага мастака. Памёр ён 26 верасня 1897 г. Іван Кузьміч страціў яшчэ аднаго аднадумца, паплечніка і шчырага сябра.

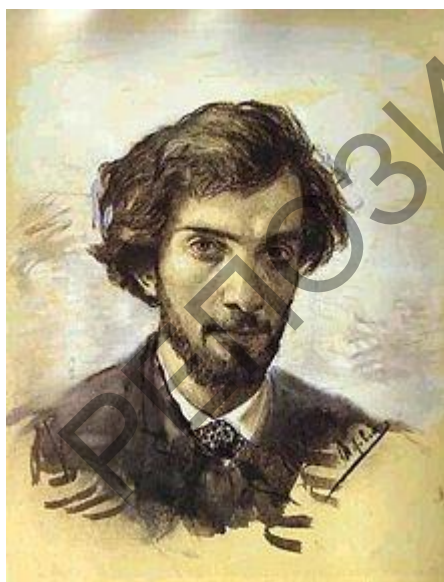
Таленавіты вучань Саўрасава І. Левітан адзначаў, што не стала аднаго з самых глыбокіх рускіх пейзажыстаў, з Саўрасава пачалася лірыка і бязмежная любоў да роднай зямлі ў пейзажы. А. К. Саўрасаў стварыў рускі пейзаж, гэта ніколі не будзе забыта.

І. К. Кандрацьеў у шэрагу паэтычных і праяічных твораў вельмі тонка перадае стан прыроды, нейкае яе асаблівае зачараванне:

Зеленый бор, зеленый и тенистый!
Твоя мне сень знакома и мила!
В глуши твоей, таинственной и мгlistой,
Сияя юной прелестью чела,
Она свою мне руку подала [Кондратьев 1898а, с. 131].

Сяброўства з А. К. Саўрасавым і І. І. Левітанам дапамагала пісьменніку ствараць паэтычны воблік прасторы, у якой жылі, тварылі, кахалі яго літаратурныя персанажы.

Адухаўленне прыроды выразна праяўляецца ў вершах «Ракиты», «В лесу», «Гроза», «Тучка», «Ель», «Пруд застыл», «Первый снег» і інш. Гэтым ён у многім абавязаны *Ісааку Ільичу Левітану* (1860–1900). Пазнаёміў пісьменніка з Левітанам А. Саўрасаў, у майстэрні якога малады мастак удасканалваў

І. Левітан

тэхніку жывапісу. І. Еўдакімаў маляўніча апісаў гэты эпізод:

«А что я всегда тебе говорю, – закричал Саврасов, – художник должен мало спать и много видеть. Куда, на ночь глядя, бежишь? Где был утром? Что делал в вонючей Москве? Художники должны все лето жить в палатках среди природы... Садись с нами. Вот, пожми руку моему другу Ивану Кузьмичу Кондратьеву. Поэт» [12, с. 77].

Па меркаванні народнага мастака СССР Б. У. Іагансона, І. Левітан валодаў музычным успрыманням прыроды: «Левитан понимал, что передать душу природы, если можно так выразиться, можно только очень точно воспринимая все колористическое разнообразие и богатство природы в кон-

кретном освещении, в данном состоянии» [16, с. 10]. І. Левітан пісаў не прыроду, а паэзію прыроды.

Сустрэча адбылася ў складаны для І. Левітана час. Ён з самага ранняга дзяцінства адчуваў глыбокую нястачу, сям'я знаходзілася ў цяжкім матэрыяльным становішчы. У Маскве, застаўшыся круглым сіратой, будучы геніяльны мастак вучыўся ў Маскоўскім вучылішчы жывапісу, скульптуры і дойлідства, не меў кватэры, не хапала грошай на адзенне, харчаванне, фарбы. На дадзеным этапе жыцця і творчасці І. Кандрацьёў з А. Саўрасавым падтрымлівалі яго маральна і матэрыяльна. І. В. Еўдакімаў на многіх старонках сваёй аповесці распавядае пра сустрэчы пісьменніка і мастакоў: «Левитан почти ежедневно поднимался в мансарду Ивана Кузьмича Кондратьева. На хлипкой двери висел огромный замок, какими запирают хлебные амбары. Небольшая связка румяных баранок на мочале прикрывала замок, а на земле возле двери стояла не раскупоренная, красно-головая сотка водки. Кто-то явился сюда с выпивкой и закуской, не застал хозяина и оставил свои пожитки. Может быть, сам Алексей Кондратьевич. Левитан снова и снова осторожно ступал по темной лестнице» [12, с. 156].

Пры спатканні сябры дзяліліся ўражаннямі аб мастацкіх творах – уласных і сваіх калег. А. Саўрасаў любіў слухаць вершы І. Кандрацьёва, вучыў Левітана разумець паэзію. На кандрацьёўскай кватэры малады Левітан даведаўся аб тым, што Саўрасаву падабаецца яго манера пісьма. Адночы Кандрацьёў папрасіў Ісаака паказаць яму толькі што напісаны эцюд:

«Интересно посмотреть, – произнес с любопытством Иван Кузьмич, – а вдруг вы из художников художник? Правда, едва ли... Нет, отчего же, – сейчас же поправился он, – это я сам себя оспариваю. Один глаз у меня на восток, другой под шесток. Как говорится в народной поговорке. Вас всегда Алексей Кондратьевич одобряет» [12, с. 158]. Гэта была своечасовая падтрымка мастака, да якога яшчэ не прыйшло шырокае прызнанне.

Заўчасная смерць застала славутага мастака за незавершанай карцінай «Уборка сена». Ён пісаў адзін са сваіх самых светлых, жыццярэдасных і сонечных твораў. Левітан паехаў у Хімкі са сваёй пейзажнай майстэрняй, як некалі ездзіў туды з ім, маладым, Саўрасаў. Там Левітан прастудзіўся. Хвароба не дала

больш падняцца на ногі. Геніяльны пейзажыст памёр 22 ліпеня 1900 г.

1890-я гг. прынята называць пачаткам Сярэбранага веку ў філасофіі і мастацтве. Ён увайшоў у гісторыю культуры як перыяд «выбуховых форм» культуры, «кропак біфуркацыі», «перакрыжаванняў», «хвілін ракавых». Даследчыкі адзначаюць, што ў дадзены адрэзак часу адбываецца змена светапоглядных каардынат, якая закранае ўсю вертыкаль расійскай культуры. Філасофія, рэлігія, права, мараль паказваюць сваю абмежаванасць, няздольнасць адпавядаць новым патрэбам і духу часу. Светапоглядны крызіс непазбежна выклікаў крызісныя з’явы і ў літаратуры. Сацыяльная рэчаіснасць 90-х гг. давала творцам недастаткова матэрыялу і магчымасці для пастаноўкі шырокіх грамадскіх праблем. Разам з тым сучасныя даследчыкі культуры гэтага перыяду схільны разглядаць абазначаны час не толькі як эпоху крызісу, але і як перыяд напружаных пошукаў творчай думкі. Роздумы над праблемамі сутнасці мастацтва ў перыяд духоўнага крызісу І. Кандрацьёў адлюстроўвае ў творах «Разочарование», «Зачем же эта жизнь», «Придет пора», «Озлобленный» і інш. Настрой творцаў гэтага перыяду найбольш выразна перадае верш «Разочарование»:

В дни, когда мечтательно и смело,
Юный, шел на всякое я дело,
Я любил, я верил бесконечно,
Говорил, что царство правды вечно.
Я лелеял в сердце воли пламя,
Гордо шел на всякий путь опасный,
И за миг неведомый, прекрасный
Поднимал неведомое знамя.
Дни прошли – воинственность остыла,
Жизнь за все бывшее отплатила:
Спят мечты, исчезнули красоты –
Их сменили черствые заботы,
Жизнь сняла блестящие наряды,
Изменила – веру, правду, лица...
Так всегда холодная денница
Гасит блеск задумчивой лампы [Кондратьев 1898а,
с. 220].

Літаратура становіцца ўніверсальнай метафарай веку. Здольнасць метафары злучаць у непадзельную цэласнасць логіку і міф, паняцце і вобраз, сэнс і форму адпавядае шматмернасці і

шматслойнасці мастацтва. Метафара з яе містычнасцю, сіне-статызмам, магутнай эўрыстычнасцю садзейнічала стварэнню абагульненага вобраза свету ў літаратуры. Яна імкнецца да асваення сакральных сфер і становіцца сведчаннем містычнага вопыту творцы. Ідэя тэургіі як вышэйшай, богачалавечай творчасці, якая пераадольвае вузкацэхавыя задачы мастацкай дзейнасці, становіцца мэтай мастацтва. Сярод плеяды літаратараў, якія імкнуліся ствараць «іншасказальную», «іншабыццёвую» мастацкую прастору, значнае месца займае І. Кандрацьеў. Ён у гэты час цалкам становіцца на пазіцыі рускай рэлігійнай філасофіі, прадстаўленай У. С. Салаўёвым, К. М. Лявонцьевым, С. М. Трубяцкім, П. А. Фларэнскім, Л. І. Шастовым і інш. У такіх буйных праявітых творах гэтага перыяду, як «Церковная крамольница» (1887), «Раскольнічы гнезда» (1896), «Трифон-сокольник» (1898), «Лютая година» (1899) выразна бачны ідэі У. Салаўёва аб усеадзінстве. Так, у дыялогах з раскольнікамі Іван Казіміравіч імкнецца пераканаць іх у неабходнасці адзінства рэлігіі, нацыі. У гістарычным рамана-хроніцы «Раскольнічы гнезда» пісьменнік паказвае сутнасць і формы царкоўнага расколу: «На первый взгляд, раскол, действительно, является нелепой привязанностью к букве старой книги, старого обряда и старых порядков, на самом же деле, – он есть выражение того же житейского недовольства» [Кондратьев 1896в, с. 159]. Аўтар рамана тлумачыць, што ідэю расколу пачалі выкарыстоўваць у сваіх мэтах розныя сацыяльныя сілы, што наносіла вялікую шкоду грамадству. «Каждый год приносит для этих отщепеных сынов отечества, – хитро и с своею целью отщепеных, – новые законы, так или иначе стесняющих их, а они все цветут да цветут, и даже, под шумок, добиваются таких прав, – прав часто заглядывающих в карман ближнего. Что остается только удивляться этой корпорации своего рода социалистов и разевать рты перед их житейской мудростью» [Кондратьев 1896в, с. 160]. Адзінства ім разумеецца як субстанцыя, якая існуе не за кошт кагосьці альбо стратна, а на карысць усіх. Яўна прагледжваецца ў іх ідэя аб Божай мудрасці, якая з'яўляецца пачаткам, што аб'ядноўвае свет і Абсалют.

Сафілагічнасць становіцца вядучай тэмай паэтычных і праявітых сімвалічных твораў І. К. Кандрацьева. Пісьменнікам супрацьпастаўляецца свет уяўленняў свету рэчаў. У раманах, апавесцях і драмах замест апісальнай выкарыстоўваецца суге-

стыўная мова, г.зн. вобразна-сімвалічнае спасціжэнне таемных сутнасцей быцця праз інтуіцыю, унушэнне, паэтычную магію. У «Божым знаменіі» такім сімвалам выступае комета, якая з'явілася летам 1811 г., напярэдадні франка-рускай вайны 1812 г. У «Драме на Лубянке» даецца падрабязнае апісанне кометы: «С вечера она поднималась с севера и до полуночи шла на восток, часа в три ночи она подвигалась на юг, а перед рассветом двигалась на запад и там исчезала вместе со звездами “Под лосем”, пониже которых она появлялась. Хвост у кометы был замечательно блестящ, но не имел постоянной длины. По астрономическим измерениям наибольшая величина хвоста простиралась до 172 миллионов 200 тысяч русских верст» [Кондратьев **1992**, с. 42]. Народ бачыў у яе з'яўленні нейкае страшнае прадвесце і называў яе «Мятлой Божай», вернікі імкнуліся зразумець яе сэнс. Вядома, што сімвалы пазбаўлены празрыстасці, канкрэтнасці, дакладнасці зместу. Ён (змест) з'яўляецца полісемічным, не паддаецца аднаварыянтнай дэшыфроўцы. Выявіць значэнне сімвала дадзена суб'ектам культуры, якія найбольш наблізіліся да пазнання Абсалюту, Вечнасці, трансцэндэнтнай Прыгажосці. Такім персанажам рамана паўстае Іраклій Іванчэў, надзелены божым дарам прадказальніка. Ён прадказвае заняцце Масквы французамі, спусташэнне шматлікіх краін свету і адначасова драматычны лёс Напалеона. Мюрат, які не валодаў дарам празарліўцы, патлумачыў з'яўленне кометы як знак пераможнага шэсця напалеонаўскага войска: «Появление ее в день рождения вашего величества, не случайное. Она путеводная звезда вашего величества» [Кондратьев **1992**, с. 164].

У мастацкіх творах І. К. Кандрацьева адчуваецца прынцып «адпаведнасцей», заснаваны на зрокавых, слыхавых, вербальных асацыяцыях, на аналогіях гукаў, пахаў, колераў, вобразаў. Так, у апісанні сядзібы Вясёлая Ясень на Бярэзіне, што належыла графу Рамуальду Валеўскаму, усё знаходзілася ў гармоніі, суладнасці, якая адпавядала ўсталяванаму Богам светапарадку. Гэта адпаведнасць парушаецца Напалеонам як суб'ектам дэманічнага свету. Пісьменнік паказвае яго антыподам Божага тварэння.

У аповесці «Бич Божий» І. К. Кандрацьёў ідэю ўсеадзінства ўвасабляе праз стварэнне гарманічнай карціны духоўнага яднання Правадыра і яго супляменнікаў, што дазваляла стара-

жытнаму этнасу шматкратна памножыць яго дынамічныя памкненні. Старажытная гісторыя славянскіх народаў уяўляецца пісьменнікам як арэна барацьбы касмічных, хаатычных сіл, у якіх чалавек займае пэўную пазіцыю. Аціла, важак гунаў, падаецца як Божая кара народам раз'яднаным, якія не маюць адзінага Бога, ідэі. У творы вобраз Ацілы трактуецца неардынарна: «Он бич Небесный и молот вселенной, звезды падают и земля трепещет от его взора» [Кондратьев 1994, с. 1]. Як бачна, думка аўтара выкладзена дастаткова катэгарычна і зразумела, што дасягаецца далёка не ўсімі мастакамі слова.

Ідэю пазнання Вышэйшай Мудрасці з дапамогай праваслаўнай веры І. Кандрацьёў праводзіў у шэрагу паэтычных і празаічных твораў. Ужо ў раннім вершы віленскага перыяду «Пречистенская церковь» (1869) паэт перадае своеасаблівае светаадчуванне і светаразуменне праваслаўнага чалавека сродкамі малітвы: «И как молитва там отрадна! / И ей предела в сердце нет! / И так внимает ухо жадно, / Что не внимало столько лет!.. / Но сердце наше не забудет / И тех, кто всем руководил: / Их каждый долго помнить будет, / Их имя каждый затвердил» [Кондратьев 1869а]. Выразна выяўляецца ідэя яднання царквы, улады і народа: «Слава богу, храмам Божиим, / Слава всем святым местам, / Слава нашим православным / Позолоченным крестам. / И еще на годы долгие / В ночь и ясную зарю / Слава белому могучему / Православному царю» [Кондратьев 1869в].

У 80–90-х гг. XIX ст., калі адбываўся адыход ад духоўных інтарэсаў і духоўнай культуры, І. К. Кандрацьёў разам з М. В. Успенскім уключаюцца ў палеміку з Л. М. Талстым, А. М. Някрасавым, Г. І. Успенскім і іншымі прадстаўнікамі мастацтва, якія пераходзілі на пазіцыі атэізму. К. Чукоўскі пісаў, што па ініцыятыве Кандрацьёва М. В. Успенскі апублікаваў серыю выкрывальных нарысаў пра гэтых пісьменнікаў [56, с. 174]. Такія погляды І. К. Кандрацьёва падзяляліся не ўсімі літаратурнымі крытыкамі, асабліва прыхільнікамі сацыяльнай рэвалюцыі. Яго абвінавачвалі ў манархізме, здрадзе інтарэсам працоўнага народа. Так, К. Чукоўскі ўспамінае, што Кандрацьёў бравіраваў «своей необузданной преданностью белому царю, чудотворным иконам, православным церквям и т.д.» [56, с. 174]. Можна пагадзіцца з тым, што наш суайчыннік на мяжы стагоддзяў не належыў да лагера радыкальна настроеных рэвалю-

цыянераў, для яго непрымальным было насілле. Пісьменнік асуджаў насілле, паказваў яго як супрацьнатуральную з’яву, не сумяшчальную з чалавечым розумам. Ён прытрымліваўся эвалюцыйнага шляху развіцця грамадства. У пэўным сэнсе з’яўляўся пісьменнікам-артадоксам, прыхільнікам гегельянскай філасофскай эстэтыкі. Сутнасць рэфлексіі паэт выказаў у вершы «Под шум дубрав», дзе выразна адлюстроўваецца псіхалагічны стан аўтара:

Взгляни – и чутко наблюдай
За нашей силой не случайной,
И всем как можешь, передай
И нашу жизнь и наши тайны.
И пой. И петь я стал. И гнет
С тех пор меня не так уж губит...
Но кто же песнь мою поймет?
Но кто же песнь мою полюбит? [Кондратьев 1898а, с. 2].

Падзеі пачатку ХХ ст. выклікалі ў большасці творчай інтэлігенцыі імкненне разабрацца ў новым жыцці. І. К. Кандрацьёў, як і шэраг пісьменнікаў, знаходзіўся на раздарожжы, перад выбарам шляху:

Мой ум, томясь, в тумане бродит,
Сереют дни мой в пыли,
И пошло жизнь моя проходит,
И пошлость видится вдали.
И даже сладостные грезы,
Как сон, являясь иногда,
Приносят грусть, приносят слезы...
Куда ж идти? Куда? Куда? [Кондратьев 1898а, с. 243].

І невядома да якой ідэалагічнай плыні далучыўся б пісьменнік, каб не заўчасная яго гвалтоўная смерць. Велізарная творчая спадчына – *tabula rasa* чакае сваіх даследчыкаў, якія, безумоўна, больш дакладна вызначаць творчае крэда І. К. Кандрацьева.

Праца і дні

Як і большасць пісьменнікаў з народа, І. К. Кандрацьеў знаходзіўся ў цяжкім фінансавым становішчы, жыў літаратурнай працай. Часовая служба ў рэдакцыях розных перыядычных выданняў не прыносіла дастатковых сродкаў. Пастаянны недахоп грошай, поўная залежнасць ад выдаўцоў і антрэпрэнёраў былі пастаяннымі спадарожнікамі Івана Кузьміча. Некаторыя крытыкі называюць яго пісьменнікам Нікольскага рынку, выдаўцы якога выпускалі кнігі за некалькі дзён, але плацілі аўтарам вельмі мала. Пра такіх пісьменнікаў дакладна выказаўся вядомы маскоўскі выдавец І. Д. Сыцін ва ўспамінах «Жизнь для книги»: «Каторжный труд этих литературных нищих никак не оплачивается: это скорее подаяние, чем литературный гонорар».

М. І. Свешнікаў у кнізе «Воспоминания пропавшего человека» падрабязна і дакладна апісвае гісторыю так званай «низовой книжности». У прадмове да ўспамінаў А. І. Рэйтблат адзначае: «...наряду с солидными издателями и упоминаемыми в курсах истории литературы писателями, которые обычно находятся в поле зрения мемуаристов и историков книги, в Москве и Петербурге существовала еще книжность “рыночная”, обращенная к крестьянству и городским низам. Возникла она в последней трети XVIII в., когда стала быстро расти численность читателей из этой среды. Уже тогда существовали книгопродавцы, писатели и издатели, обслуживающие только эту аудиторию. С течением времени низовая книжность упрочилась и в последней трети XIX в. уже опережала по тиражам книжность “высокую”» [38]. Масква забяспечвала галоўным чынам вясковага чытача, а Пецябург – гарадское простанароддзе. «В Москве изданием и продажей подобных книг занимались преимущественно “книжники” с Никольской улицы», – указвае А. І. Рэйтблат [38]. Гандлярамі і выдаўцамі былі, як правіла, выхадцы з сялянскага, мяшчанскага альбо купецкага асярод-

дзя. Яны добра ведалі густ чытача з народа і арыентаваліся на яго. Гандляры з палатняным мяшком за плячамі разносілі кнігі па корчмах, месцах гулянняў, рынках. І. Д. Сыцін так характарызаваў іх дзейнасць: «В базарные дни все эти торговцы появлялись на базарных площадях, предлагая книжный товар собравшемуся народу, в другие же дни ходили по деревням: с коробом за плечами из избы в избы, показывая здесь свой товар, расхваливая его и предлагая собравшейся около короба деревенской публике, с которой они умели говорить понятным ей языком» [Цыт. па: 38].

Выдавецкі рэпертуар складалі перавыданні кніг перапрацаваных і адаптаваных: апрацоўкі фальклору, лубачныя раманы, казкі, быліны, жыцця, спеўнікі, сцэнкі, анекдоты і інш. Падрыхтоўкай тэкстаў займаліся літаратары, якія спецыялізаваліся на такой літаратуры. Яны атрымлівалі за друкаваны аркуш 3–5 руб. У ілюстраваных часопісах плацілі за аркуш 20–30 руб., а ў «тоўстых» – 50–100 руб. Камерцыйны поспех новай кнігі прыводзіў да з’яўлення перайманняў і, нярэдка, падробкі яе назвы і прозвішча аўтара. А. І. Рэйтблат дае такія прыклады: «Е. И. Екшурский, о котором пишет Свешников, после успеха пьесы Н. И. Чернявского “Гражданский брак” выпустил роман Н. М-ой “Гражданский брак”, вслед за нашумевшим романом В. В. Крестовского “Петербургские трущобы” – книгу В. К-го “Варшавские трущобы”» [38].

Лубачныя выданні выпускаліся і І. Д. Сыціным, які распаўсюджваў іх сярод сялян і гарадскіх нізоў з асветніцкімі мэтамі. У канцы XIX ст. ён становіцца манапалістам лубка, паляпшае змест і якасць выданняў, павялічвае тыражы і зніжае рознічны кошт. Тэматыка разнастайная: рэлігійна-маральныя, папулярныя, фальклорныя, гістарычныя, бытавыя, палітычныя, сатырычныя сюжэты. Вялікім попытам карысталіся выданні казачнага («О Еруслане Лазаревиче», «Бова Королевич») і гістарычнага («Ермак, покоривший Сибирь», «Как солдат спас жизнь Петра Великого») зместу. Пад уздзеяннем ідэй народнага асветніцтва з’яўляюцца перапрацоўкі твораў айчынных пісьменнікаў, навуковага і публіцыстычнага характару. Сярод сыцінскіх лубачных выданняў – серыя партрэтаў рускіх пісьменнікаў (А. С. Пушкіна, М. Ю. Лермантава, М. А. Някрасава і інш.), падборкі іх твораў. Лубачныя выданні былі асноўнай катэгорыяй кніг для народа. Мабільны і зразумелы від масавай інфар-

мацыі садзейнічаў асвеце. Такая літаратура была для простых людзей амаль што адзіным духоўным пажыткам.

Безумоўна, І. К. Кандрацьеў ствараў і сапраўдныя мастацкія шэдэўры, якія прыносілі часам добрыя ганарары. Але ў яго жыцці часцей былі перыяды безграшоўя. Так, у лісце да белетрыста-народніка, этнографа, рэдактара часопіса «Книжник» і газеты «Курьер» Ф. Д. Няфёдава пісьменнік прызнаецца, што знаходзіцца ў складаным матэрыяльным становішчы і просіць даць яму працу: «...Да еще, нет ли у Вас в виду каких-нибудь кабинетных занятий... Работа в комиссии прекратилась, и я теперь по этому случаю сижу на бобах да в кулак посвистываю» [41]. Каб звесці канцы з канцамі Кандрацьеву прыходзілася пісаць і творы-аднадзёнкі на патрэбу Нікольскага рынку за капейкі.

Што ўяўляў Нікольскі рынак у 80-я гг. XIX ст. можна прадставіць, прачытаўшы кнігу І. Белавусава «Ушедшая Москва»: «Книжные торговли издателей и букинистов были разбросаны по всей Никольской улице, но главным образом сосредоточивались около Владимирских ворот, по Старой площади, по Китайгородской стене, близ церквей Владимирской и Троицы в Полях и помещались в крохотных лавчонках, под воротами торговых подворий и в нишах городской стены» [4, с. 115]. «Письменники з Никольскай», як іх называлі, заключалі дамовы з выдаўцамі звычайна ў карчме Калгушкіна на Лубянскай плошчы, «и отсюда шло “просвещение” сермяжной Руси» [7, с. 287–288]. Сюды прыходзілі выдаўцы Абрамавы, Губанаў, Жывараў, Земскі, Манухін, Марозаў, Наумаў і інш. «Каждая из этих фирм ежегодно издавала по десяти и более “званий”, то есть наименований книг, – от листовки до книжки в шесть и более листов, в раскрашенной обложке, со страшным заглавием и ценою от полутора рублей за сотню штук. Печаталось каждой не менее шести тысяч экземпляров. Здесь-то, за чайком, издатели и давали заказы “писателям”» [7, с. 288].

З гумарам перадае У. Гіляроўскі ў кнізе «Москва и москвичи» сустрэчу выдаўца з пісьменнікам:

«За другим столом сидит с книжником человек с хорошим именем, но в худых сапогах...

– Видите, Иван Андреевич, ведь у всех ваших конкурентов есть и “Ледяной дом”, и “Басурман”, и “Граф Монтекристо” <...> Но ведь это вовсе не то, что писали Дюма, Загоскин, Лажечников <...>

– Ну-к што ж. И у меня они есть... У каждого свой “Монте-кристо”... Вот я за тем тебя и позвал. Напиши мне “Тараса Бульбу”.

– То есть как “Тараса Бульбу”? Да ведь это Гоголя!

– Ну-к што ж. А ты напиши, как у Гоголя, только измени малость, по-другому все поставь да поменьше сделай, в листовку. И всякому интересно, что Тарас Бульба, а не какой не другой. И всякому лестно будет, какая, мол, это новая такая Бульба! Тут, брат, важно заглавие, а содержание – наплевать, все равно прочтут, коли деньги заплачены. <...>

После этого разговора, действительно, появился “Тарас Бульба” с подписью нового автора, так как Морозов самовольно поставил фамилию автора, чего тот уж никак не мог ожидать!» [7, с. 288–289].

Большай часткай «літаратары» былі са звольненых са службы чыноўнікаў, афіцэраў, студэнтаў, семінарыстаў, дзяцей літаратурнай багемы, якіх не прызнавалі карыфеі літаратурнага свету: «Авторами подобных произведений являются люди полуграмотные: спившиеся с круга подьячие: чиновники, получившие за какую-нибудь провинность волчий паспорт, несчастные юноши, скитающиеся по ночлежным притонам и там утратившие всякий облик человеческий. И вот, за полтину денег и за полштоф очищенной, подобные авторы – в редкие минуты трезвого вдохновения – пишут книжки для народа!» [38]. У. А. Гіляроўскі адзначаў, што «стены этих трактиров видали и крупных литераторов, прибежавших к “издателям с Никольской” в минуту карманной невзгоды» [7, с. 288]. Прывядзём яшчэ адзін маляўнічы дыялог пісьменніка з выдаўцом:

– Мне бы надо новую «Битву с кабардинцами».

– Можно, Денис Иванович.

– Поскорей надо. В неделю напишешь?

– Можно-с... На сколько листов?

– Листов на шесть. В двух частях издам.

– Ладно-с. По шести рубликов за лист.

– Жирно, облопаешься. По два!

– Ну, хорошо, по пяти возьму.

Сторгуются, и сочинитель через две недели приносит книгу [7, с. 288].

Бывалі выпадкі, калі выдаўцы наогул не плацілі аўтарам. Так, у лісце да Ф. Д. Няфёдава Кандрацьеў 11 снежня 1893 г.

просіць дапамагчы ў судовай справе: «...Обращаюсь к Вам, Филипп Диомидович, с просьбой. Помогите. Я затеваю с одним эфиопом процесс. Мне нужен адвокат, потому что сам, очень понятно, дело вести не в силах. А дело довольно-таки сложное. Суть его вот в чем. На днях вышла из печати и продается за два рубля книга под названием «300 пьес в кратком их содержании для гг. любителей драматических искусств». Книга эта составлена мною и издана Волковскою театральною библиотекой, содержимою Репиным. С этим-то Репиным я и хочу воевать. Этот милостивый государь мало того, что почти не заплатил мне за составление этого сборника, состоящего, кажется, из 30 печатных листов, но даже скрыл мою как составителя фамилию...» [41]. Можна меркаваць, што І. Кандрацьёў выйграў гэту справу: сярод выданьняў, якія належаць нашаму суайчынніку, А. І. Рэйтблат называе і паказальнік «300 пьес в кратком их содержании, с обозначением действующих лиц и декораций, для любительских спектаклей» [37, с. 49].

Акрамя літаратурных твораў, у мэтах заробтку Івану Кузьмічу прыходзілася складаць народныя лячэбнікі, аракулы, соннікі, тлумачальныя кнігі для гульні ў лато і інш. Такого кшталту дзейнасць была перыядычнай, часовай, вымушанай, безумоўна, «прытарможвала» літаратурную творчасць, фарміравала негатыўнае ўяўленне аб якасці твораў. Але сапраўдная літаратура таксама знаходзіла свайго чытача. Так, у бібліятэцы маёнтка Спаскае-Куркіна Валагодскага павета дваран Разанавых-Андрэевых, якая ў канцы кастрычніка 1918 г. паступіла ў фонды Валагодскай абласной бібліятэкі ў ліку першых нацыяналізаваных старадваранскіх бібліятэк, была і гістарычная быль І. К. Кандрацьева «Трифон-сокольнік» [19]. Сёння творы пісьменніка перавыдаюцца. Крытыкі адзначаюць талент гістарычнага раманіста, безумоўную мастацкую вартасць спадчыны І. К. Кандрацьева, характарызуюць яго як сур'ёзнага празаіка.

У літаратурных колах склалася ўражанне пра пісьменніка як пра багемны тып, які любіць выпіць і пагуляць. Так, І. Белавусаў пісаў: «С Иваном Кузьмичом Кондратьевым я был лично знаком. Он представлял собой тип тогдашней богемы» [4, с. 111]. Вядома, што ў творчым асяроддзі алкаголь – непазбежны спадарожнік. Але ў Івана Кузьміча было пачуццё меры. Начытаны, адукаваны чалавек, які паварыўся ў катле вялікай культуры, – такі вобраз паўстае са старонак яго лепшых тво-

раў. Аб багемным ладзе жыцця піша і А. І. Рэйтблат, які адзначае, што ў 80-х гг. І. К. Кандрацьеў сябраваў з акадэмікам жывапісу А. К. Саўрасавым, знакамітым пісьменнікам М. В. Успенскім, якія злоўжывалі спіртным [37, с. 49]. А. Дабравольскі таксама сведчыць, што яны былі жаданымі гасцямі кандрацьеўскай кватэры [11, с. 217]. А. Дабравольскі ўказвае, што шчыры сябра І. К. Кандрацьева М. В. Успенскі, некалі папулярны літаратар, жыве ў галечы, ходзіць па міласці. «Талантливый писатель, выпустивший в 1872 году три тома очерков и рассказов “Картины русской жизни”, ставших значительным явлением русской литературы, в конце 80-х годов, чтобы добыть пропитание, вынужден был устраивать представления в трактирах: играл на гармошке, исполнял нехитрые песенки и смешные прибаутки, а его дочь Оленька, с двух лет лишившаяся матери, плясала под музыку. Потом Оля обходила столы, держа в руке шапку отца, и в нее сыпались медяки, а иногда и серебро, дар расщедрившихся и охваченных умилением выпивох» [11, с. 218]. У 1889 г. М. В. Успенскі скончыў самагубствам. І А. К. Саўрасаў у апошнія гады жыцця мучыўся ад той жа хваробы. У. Гіляроўскі ў нарысе «Грачи прилетели» пісаў: «Видал я Саврасова еще раз, великим постом, когда он ехал по Мясницкой с Лубянской площади, совершенно пьяный, вместе со своим другом Кузьмичом, который крепко его держал, чтобы он не вывалился из саней. Кузьмичом звали И. К. Кондратьева – старого писателя, работавшего в журналах...» [7, с. 285].

Даследчык жыццёвага і творчага шляху І. І. Левітана І. В. Еўдакімаў у аповесці «Левітан» шмат старонак адводзіць аповяду пра сяброўства Саўрасава і Левітана з Іванам Кузьмичом. Пра знаёмства пісьменніка і мастака І. Еўдакімаў расказвае наступнае: «...Левитана окликнули. Вблизи дорожки, между двух кустов, на подостланной газетной бумаге сидел Алексей Кондратьевич (Саўрасаў. – А. С.) с каким-то незнакомым человеком. На оборотной стороне подрамника стояла бутылка водки, лежали колбаса, огурцы, яйца и черный хлеб.<...>

– Садись с нами. Вот, пожми руку моему другу Ивану Кузьмичу Кондратьеву. Поэт. На Никольский рынок поставляет литературный товар. Повести, романы и арабески.

Друзья невесело засмеялись <...>

Алексей Кондратьевич отобрал у юноши все художественные принадлежности, засунул в куст и резко, повелительно сказал:

– Не пуцу никуда. Академик Саврасов сегодня отдыхает, и все русское искусство на отдыхе... Маляры! Все равно никто не напишет вторых “Грачей”! Скопцы! Где им понять земную красоту! Краска у них только разноцветная, а души в ней нету. Труп, раскрашенный труп, а не природа в вашей мазне!

– Жарь их хорошенько, Алексей Кондратьевич! – выкрикнул с наслаждением Иван Кузьмич. – В-верно, пророчески говоришь! Кто, кто может, кроме тебя, изобразить вот, например, эту великую картину великого поэта. – И он со слезами, потрясая кулаком, громко прочел:

*Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть...
Зловещий блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно сиротеющей землею...*

– Кто, кто поднимет на свои рамена это величие?

Саврасов долго и сурово смотрел на Левитана, не знающего, куда отвести глаза.

– Он, – сказал Алексей Кондратьевич и ткнул юношу пальцем в грудь.

Иван Кузьмич не поверил, переспросил:

– Этот мальчик?

И Саврасов разозлился:

– Или ты больше понимаешь в русской живописи, чем я? <...>

Только около полуночи добрались они на квартиру к Ивану Кузьмичу в конце Каланчевской улицы, недалеко от вокзалов.

Поэт Никольского рынка жил в мансарде. На темный чердак взбирались гуськом. Впереди показывал дорогу сам хозяин, за ним шествовал Саврасов, замыкал подъем “на небеса” Левитан. Он был трезвее, и ему доверили зажигать спички, чтобы освещать путь. Еще на лестнице Саврасов вдруг остановился и сказал Кондратьеву:

– Стой, непризнанный Байрон! Дворец твой пуст или наполнен? А то мы должны сначала обеспечить себя на ночь необходимым фуражом и... пресной водой. <...>

В низенькой чердачной комнате с несколькими стульями, столом и широкой двухспальной кроватью Левитан с трудом отыскал лампу-“молнию”. Иван Кузьмич не помнил, где она была. Только излазив по всем закоулкам, Левитан наткнулся на нее под кроватью. Саврасов громко засмеялся.

– Сочинитель! – произнес он с большим чувством. – Вот это сочинитель! Он трудится всю ночь, тушит свет с петухами и задвигает светильник под свое ложе, чтобы не наступить на него неосторожной ногой поутру. Исаак, внимай бывалым художникам. Рассвет в мансарде и темен и сумрачен...

Иван Кузьмич торжественно подхватил:

– Так жил великий испанец Камонс, в сыром подвале, в рубище, без пищи, но свеча его не угасла вовек» [12, с. 77–82].

Ва ўспамінах І. Белавусава і І. Еўдакімава даецца апісанне кандрацьеўскай кватэры, дзе збіраўся маскоўскі творчы свет. І. Белавусаў так апісвае памяшканне, якое займаў літаратар: «Мне несколько раз приходилось бывать у него на квартире, которая представляла настоящую мансарду: низенькая комнатка в чердачном помещении с очень скудной обстановкой – стол, кровать и несколько стульев – больше ничего» [4, с. 122].

Дом, дзе кватараваў пісьменнік, знаходзіўся на вул. Каланчоўскай пад нумарам 12, непадалёку ад вакзалаў і належыў Магераўскаму. Ён захаваўся да канца XX ст. С. Антонаў адшукаў яго і апісаў: «Потом вдруг дом № 16, а за ним сразу – № 12, двухэтажный, с мансардой в три окна, в самом конце Каланчевской улицы... Я прошелся по коридору раз-другой. Мне хотелось как можно дольше побывать в стенах, где ходили, разговаривали, смеялись и шутили Кондратьев, Левитан, Белоусов, возможно – братья Чеховы и еще бог знает кто...» [2].

У кватэры была цікавая адметнасць. Яе рабіла адзінай у сваім родзе мастацкае афармленне: «дызайн» кватэры стваралі эскізы вуглём на сценах акадэміка мастацтваў Аляксея Кандрацьевіча Саўрасава.

«Левитан зажег свет и осмотрелся. Все стены этого нищего жилья взамен обоев по белой штукатурке были покрыты эскизами и этюдами, сделанными углем. Саврасов заметил взгляд Левитана и с иронией сказал:

– Это я мазал. Ивану Кузьмичу некогда блуждать по подмосковным рощам, как нам с тобой, так я их ему на стены перенес. Вот он, друг милый, и гуляет под сенью моего искусства».

Да поўнага ўяўлення пра асобу І. К. Кандрацьева прывядзём яшчэ адзін урывак з кнігі І. Еўдакімава:

«Всю ночь... Иван Кузьмич читал свои стихи, достав из-под подушки вороха исписанной грязной и засаленной бумаги. Саврасов требовал повторения.

Наконец он приказал:

– *Читай из сборника “Под шум дубрав”. Иван Кузьмич послушно полез под кровать, выдвинул облезлый чемодан и вынул из него огромную конторскую книгу. На толстой корке был наклеен холст с этюдом сосен, елок и ручейка между ними. Левитан узнал работу Саврасова. Иван Кузьмич в волнении начал листать книгу. Линованная, негнущаяся бумага шелестела на всю комнату, даже чувствовался ветер, когда, растроганный от одного прикосновения к своему заветному труду, поэт Никольского рынка слишком поспешно перевертывал листы.*

– *А? Каково? – восклицал Саврасов, перебивая чтение и толкая Левитана в плечо. – Вот какие произведения неизвестных людей хоронятся в мансардах под спудом! Почему ты, мальчишка, не хвалишь?*

И Левитан хвалил, наблюдая в глазах Саврасова какой-то отчаянный и насмешливый огонек» [12, с. 82–84].

Ёсць пісьмовыя сведчанні таго, што І. К. Кандрацьеў перасцерагаў маладых мастакоў і пісьменнікаў ад злоўжывання спіртным. «Вы поняли мое предостережение, – звяртаўся Иван Кузьмич да Левітана. – Берегитесь этой сорокоградусной заразы. Гадость, гнусь, смерть... Ни один художник на свете не создавал в пьяном виде хороших произведений. – Он помолчал, подмигнув лукавым глазом и с усмешкой продолжал: – Разве мы с Саврасовым? – Кондратьев глубоко задумался» [12, с. 159].

Пісьменнікам у 1893 г. нават была напісана асобная праца антыалкагольнага зместу «Пьянство, или Много пить добру не быть». Павучальны характар мае зборнік «Песни вина и монополии» (1902), складзены з нарысаў, сцэн, песень, куплетаў, у якіх з гумарам распавядаецца аб кур’ёзных сітуацыях з п’яны-

мі людзьмі. Так, у вершаваным нарысе «Ах, чарка, чарочка мая» І. К. Кандрацьеў з горыччу ўсклікае:

Таков уж русский человек:
Пьет в холод, пьет, когда и жарко...
Ох, будь вы прокляты вовек
Стаканчик, шкаличек и чарка!
Без шуму чарочка шумит,
Без солнца жжет, без солнца сушит,
Без ветру-холода знобит,
Без гроз и бури бьет и рушит!.. [Кондратьев 1898а,
с. 216].

Адначасова мы не стараемся пераканаць, што Іван Кузьміч цураўся «зьялёнага змея». Легендзе аб тым, што Кандрацьеў быў маскоўскім прапойцам, на наш погляд, садзейнічаў і сам пісьменнік. Сярод 34-х псеўданімаў, якімі карыстаўся ён на працягу шматгадовай літаратурнай творчасці, былі «Всегдапьющий Иван» і «Всегдапьющий Иван». Пісьмовыя крыніцы даюць падставы меркаваць, што ён быў частым госцем у рэстаранах і корчмах. Пры гэтым трэба мець на ўвазе, што корчмы ў мінулыя стагоддзі мелі шматфункцыянальны характар. У. А. Гіляроўскі, жывапісец маскоўскіх корчмаў і рэстарацый, пісаў: «И для многих москвичей трактир тоже был “первой вещью”. Он заменял и биржу для коммерсантов, делавших за чашкой тысячные сделки, и столовую для одиноких людей. И часы отдыха в дружеской беседе для всякого люда. И место деловых свиданий. И разгул для всех – от миллионера до босяка» [7, с. 266].

Корчмы як тып грамадскай установы на славянскіх землях – неад’емная частка грамадскага жыцця, вядомы з X–XI стст. У розных рэгіёнах яны называліся па-рознаму: «шынкамі», «трынкамі», «аўстэрыямі», «штофнымі лаўкамі» і інш. У Беларусі замацавалася назва «карчма», што паходзіць ад слова «карэц» – коўш, якім зачэрпвалі спіртовыя напоі. Аб распаўсюджанасці корчмаў у Беларусі можна меркаваць па колькасці ў Вілейскім павеце. У сярэдзіне XIX ст. толькі ў Вілейцы на 2 719 жыхароў прыходзілася 10 корчмаў і 1 вінны склеп [24, с. 48].

Корчмы мелі сацыякультурны статус, з’яўляліся своеасаблівым этнакультурным феноменам, які спалучаў традыцыі этнічнай кухні, нормы звычайнага права, элементы народнага дойлідства, формы міжэтнічных і сацыякультурных камунікацый.

У. А. Гіляроўскі сцвярджаў, што корчмы выконвалі таксама кампенсацыйную функцыю. У грамадстве было дастаткова фактараў, якія выклікалі нестандартныя фізіялагічныя, псіхічныя і псіхаэмацыянальныя рэакцыі ў пэўнай групы насельніцтва. Гараджане часта неслі страты ў сваёй гаспадарцы, не мелі магчымасці своєчасова заплаціць падаткі, узнікалі праблемы з мясцовымі органамі ўлады і г.д. Усё гэта выклікала стан псіхічнай напружанасці. Каб збегчы ад праблем, людзі ішлі ў рэстараны і корчмы.

У «Седой старине Москвы» І. К. Кандрацьёў прысвячае карчомнай тэме раздзел «Старинные московские кабаки», у якім цікава раскрывае гісторыю піцца. «Любопытно хоть коротко проследить исторически, как наш народ шел к милой для него теперь отраве», – адзначае пісьменнік [Кондрат'ев 2008, с. 576].

Такім чынам, інтарэс Івана Кузьміча да карчмаў не дае падставы сцвярджаць, што ён быў п'яніцай. Такі лад жыцця абумоўлены і халасцяцкім становішчам пісьменніка.

Па нявысветленых абставінах ён не стварыў сям'ю. У вершы «Перед казнью» выказвае боль душы: «Даже – стыдно сказать – с красотой и силой / Не сыскал молодец подходящей милой» [Кондрат'ев 1898а, с. 83]. Сярод твораў любоўнай лірыкі сустракаецца шмат вершаў, па якіх можна меркаваць, што ў яго жыцці было каханне. Аб глыбокіх пачуццях да жанчыны паэт прызнаецца ў вершах «В бессонную ночь», «Зачем же мне теперь...», «Разлука», «Я помню»:

Я помню: солнце горячо
Тебя средь сада озарило,
Когда ты на мое плечо
Склонясь, о счастье говорила.
То были светлые года...
Как жизнь тогда в тебе кипела!
Как ты бедна была тогда!
Как ты любить тогда умела [Кондрат'ев 1898а, с. 216].

Аналіз любоўнай лірыкі дае падставы лічыць, што каханая жанчына аддала перавагу не таленту, не пачуццям, а дастатку:

Теперь не то уж. Не любя,
Ты неприступна, ты богата...
А солнце – взглянет на тебя –
И словно спрячется куда-то [Кондрат'ев 1898а, с. 216].

І яшчэ адзін урывак:

Не гляди мне в очи
Красная девчина:
Не велик я родом
И не молодчина,
Да и нищ, и бос я,
И живу убого.
Ах, девчина, много
Есть всего у Бога! [Кондратьев 1898а, с. 99].

Сёння даследчыкі жыццёвага і творчага шляху І. Кандрацьева маюць дастаткова сціплую інфармацыю, каб рэканструяваць дакладна знешні выгляд пісьменніка. Мы маем адзінкавыя фотаздымкі XIX ст. і вербальныя звесткі яго сучаснікаў. Па фотаздымках можна меркаваць, што ён быў высокага росту, меў светлы колер валасоў, шырокую бараду, шыкоўныя вусы, праніклівыя вочы. Звычайна Кандрацьеў быў апрануты ў тройку, пад якой праглядала белая кашуля, замест бабачкі альбо гальштука аддаваў перавагу плеченаму паяску, які атуляў шыю па белай сарочцы.

Мала мы ведаем аб захапленнях, інтарэсах, каб скласці вобраз, пранікнуць у экзістэнцыяльны стан і сутнасць асобнай рэфлексіі творцы. Пісьмовыя крыніцы даюць нам падставы сцвярджаць, што І. Кандрацьеў быў эмпатычнай асобай, мог зразумець псіхічны стан іншага, паспачуваць не толькі словам, але і канкрэтнай справай. Дакладна вядома, што ён праяўляў высокія духоўныя пачуцці да акадэміка жывапісу А. К. Саўрасава, дапамагаў прадаваць яго творы. Так, у 1887 г. у лісце да А. П. Чэхава творца настойліва прапаноўвае Антону Паўлавічу набыць якую-небудзь карціну Саўрасава. Да нашага часу захаваўся адзін з іх, у якім І. Кандрацьеў рэкамендуе А. П. Чэхаву набыць на «выгодных условиях оригинальное саврасовское полотно – авторскую копию “Грачей”»: величина картины 1¹/₂ аршина вышины и 1 аршин ширины. Картина весьма эффектна и написана, что называется, сочно. Сюжет ее чисто поэтический и составит в любой гостиной украшение... Копия с “Грачей” тоже возможна... В случае согласия хорошо бы это устроить на днях. Жду ответа, И. Кондратьев» [11, с. 216].

Захаваўся і ліст Чэхава, у якім той з уласцівым для пісьменніка тонкім гумарам адказвае: «Уважаемый Иван Кузьмич!

Большое спасибо за Вашу готовность сделать мне приятное. Иметь картину г. Саврасова я почитаю для себя за большую честь, но дело вот в чем. Хочется мне иметь “Грачей”. Если я куплю другую картину, тогда мне придется расстаться с мечтой о “Грачах”, так как я весьма безденежен. Жму Вам руку и прошу поклониться Николаю Аполлоновичу. Ваш Чехов» [55].

Можна з упэўненасцю сцвярджаць, што значную частку вольнага ад мастацка-творчай дзейнасці часу І. Кандрацьеў прысвячаў вывучэнню гісторыі, культурнай спадчыны славянскіх народаў, наведванню храмаў, манастыроў, архіваў, бібліятэк, вандроўкам па ваколіцах Масквы. Без гэтага немагчыма было б напісаць «Московский кремль» і «Седую старину Москвы», дзе даецца гістарычнае апісанне сабораў, цэркваў, манастыроў.

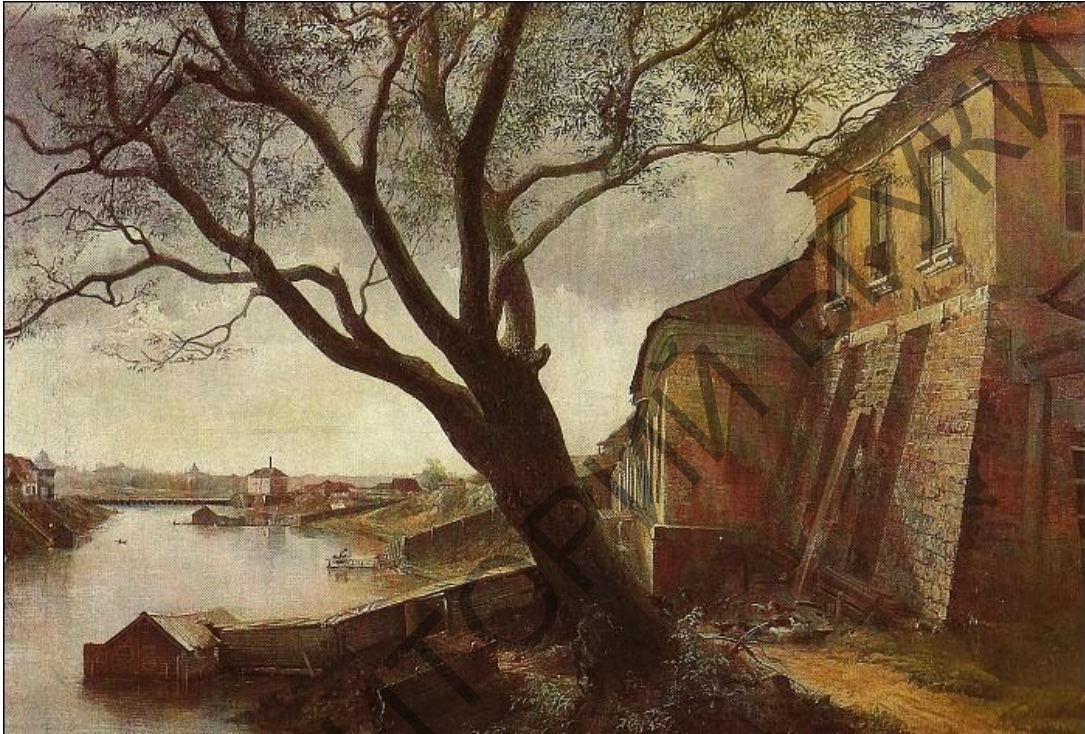
Інтэрэсы пісьменніка былі разнастайныя і разнапланавыя. Захапляўся музыкай, збіраў і апрацоўваў народныя песні. Сам напісаў шмат песень і музыку да іх. Так, да песні «Очаровательные глазки» ім жа была напісана і музыка.

Творчасць таленавітай асобы трагічна абарвалася на пяцьдзясят пятым годзе жыцця. У маі 1904 г. ён выпадкова трапіў у п’яную бойку, у якой атрымаў смяротную рану. Яго даставілі ў бальніцу, але выратаваць жыццё пісьменніка ўрачы не змаглі. 19 мая (1 чэрвеня) І. К. Кандрацьеў сканаў на бальнічным ложку.

Пахавалі літаратара на першым у Маскве Лазараўскім могільніку, гістарычнае апісанне якога пісьменнік зрабіў у кнізе «Седая старина Москвы»: «В 1889 г. все кладбище обнесено каменной стеной, что придало ему благообразный, подобающий такому месту вид» [Кондратьев 2008, с. 528].

Могільнік, адкрыты ў 1744 г. на водшыбе горада, каля Мар’інага гаю, да 1917 г. быў самым вялікім у Маскве, непадалёку знаходзіўся густы лес і многія масквічы лічылі гэта месца праклятым. У 1930 г. улады горада зачынілі могільнік, а затым зусім знішчылі. Пазней тут стварылі дзіцячы парк. На месцы, дзе некалі была магіла Івана Казіміравіча, напэўна, вырасла амаль векавая бяроза, жывая, не намаляваная А. К. Саўрасавым. Вясной сюды прылятаюць гракі, робяць свае гнёзды, мітусяцца, гамоняць, як на карціне яго лепшага сябра «Гракі прыляцелі». Іван Кузьміч як бы прадчуваў забыццё:

И, напрасно истративши силу,
Захлебнусь я в житейской волне, –
И никто не придет на могилу,
Хоть на миг пожалеть обо мне.
Лишь, быть может, с летами, над нею,
Мне по горечи прошлой родня,
Беспокойной листвою своею
Залепечет осина одна... [Кондратьев 1898а, с. 167]

Безумоўна, шкада, што зруйнавана магіла і мы не маем магчымасці наведаць апошні прытулак пісьменніка і ўскласці кветкі. Але з імглы забыцця праз сто гадоў яго суайчыннікі будуць зноў з гонарам вымаўляць гэтае імя, натхняцца паэзіяй і прозай, здзіўляцца сіле таленту, выхоўваць на мастацкіх вобразах новыя пакаленні. Адзіным і найлепшым вянкам Івану Казіміравічу Кандрацьеву будзе прачытанне твораў паэта, празаіка, драматурга, перакладчыка, гісторыка... з-пад Вілейкі.

* * *

Дапісаны апошні радок манаграфіі, у якой вяртаецца з забыцця імя нашага суайчынніка, надзвычай таленавітага, адоранага божай ласкай і шчырымі пачуццямі з боку геніяльных творцаў XIX ст. У народзе кажуць: «Скажы, хто твае сябры, і я скажу, хто ты!». Бескарыслівымі сябрамі Івана Кандрацьева

былі класікі рускай літаратуры і выяўленчага мастацтва А. Астроўскі, І. Белавусаў, І. Левітан, А. Саўрасаў, І. Сурыкаў, М. Успенскі і інш. Па-рознаму склаўся лёс кожнага з іх. Імя і творы І. К. Кандрацьева пасля заўчаснай трагічнай смерці па-ступова сышлі са старонак выданняў. Рэвалюцыйныя пераўтварэнні, змены ідэалагічнай парадыгмы выклікалі на літаратурную арэну новае пакаленне пісьменнікаў.

Спатрэбілася стагоддзе, каб разгледзець непаўторнае характэрнае творчай спадчыны І. К. Кандрацьева, талент, непадуладны часу. У канцы XX – пачатку XXI ст. да яго твораў звяртаюцца расійскія і літоўскія літаратуразнаўцы. У Маскве і Вільні з’яўляюцца крытычныя артыкулы, кнігавыдаўцы публікуюць яго асобныя раманы, аповесці, гістарычныя даведнікі. Хоць і фрагментарна, але біяграфія і некаторыя творы Івана Казіміравіча прадстаўлены ў Інтэрнэце. Прафесійныя і аматарскія вакальна-інструментальныя калектывы выконваюць песні і раманы на яго вершы. А шырокавядомая песня «По диким степям Забайкалья» перакладзена на беларускую мову.

Такім чынам, можна канстатаваць, што ідзе працэс рэвіталізацыі літаратурнай дзейнасці славітага беларуса, у якім удзельнічаюць як беларускія, так і расійскія грамадзяне. Пры падтрымцы рэктара БДУ культуры і мастацтваў Б. У. Святлова (зараз Міністр культуры Рэспублікі Беларусь) ажыццявілася выданне дадзенай манаграфіі. Аўтар вельмі ўдзячны калектыву рэдакцыйна-выдавецкага аддзела ўніверсітэта і асабліва яго кіраўніку В. М. Сакаловай, якая прыдала рукапісу большую літаратурную выразнасць, унесла шмат канструктыўных прапановаў па яго эстэтызацыі і афармленні падчас рэдагавання тэксту. Актыўна на працягу некалькіх гадоў дапамагаў аўтару ў пошуках кандрацьеўскіх твораў масквіч, менеджар французскай кампаніі «Шнэйдар электрык» Дзмітрый Валер’евіч Руцкі. Тэксталагічным аналізам асобных твораў пачынаюць займацца выкладчыкі кафедры культуралогіі БДУ культуры і мастацтваў. Рэктаратам прынята рашэнне перыядычна праводзіць на радзіме пісьменніка Кандрацьеўскія чытанні. Спадзяёмся, што беларускія літаратуразнаўцы, гісторыкі, педагогі таксама зацікавяцца творчай спадчынай І. К. Кандрацьева і з’явяцца грунтоўныя навуковыя даследаванні. Справа цяпер за беларускімі даследчыкамі і выдавецтвамі.

Акрамя дадзенай працы, аўтарам апублікаваны шэраг аналітычных артыкулаў у навукова-тэарэтычных часопісах і зборніках навуковых канферэнцый, але яны не з'яўляюцца грунтоўнымі і вычарпальнымі. Мы паспрабавалі выявіць глыбінныя сімвалічна-сэнсавыя пласты ў творчай спадчыне І. К. Кандрацьева, асэнсаваць феномен мастацкай і культуратворчай дзейнасці, а галоўнае – пазнаёміць з яго творамі сучаснага беларускага чытача.

Навукова-даследчая дзейнасць аўтара манаграфіі была падхопленая вілейскімі краязнаўцамі, якія на малой радзіме пісьменніка шукаюць вытокі яго творчасці. Сёе-тое знайшлося, але больш важнай была дзейнасць па ўвекавечанні імя Івана Казіміравіча на Вілейшчыне. У чэрвені 2012 г. у в. Каловічы адбылася ўрачыстая імпрэза, прысвечаная ўгодкам творцы. Яе арганізатарамі былі Вілейскі райвыканкам, раённая бібліятэка, гісторыка-краязнаўчы музей, каловіцкая краязнаўца Тамара Бурко. Падчас свята чыталіся кандрацьеўскія вершы, Усевалад Шкадзінскі выканаў песню «Бродяга», пранікнёна праспявала романс «Очаровательные глазки» Алена Конанова. На сайце Вілейкі з'явіліся бібліяграфічная даведка аб І. Кандрацьеве, фотаздымкі свята. Удзельнікі імпрэзы дамовіліся ўстанавіць у Каловічах памятны знак у гонар славянага земляка.

Спадзяёмся, што выхад у свет дадзенай працы паспрыяе навукова-даследчай дзейнасці беларускіх літаратуразнаўцаў, гісторыкаў, педагогаў, культуролагаў, якія грунтоўна акрэсляць дыскурс шматграннай творчай спадчыны І. К. Кандрацьева. Романы, апавесці, апавяданні, вершы і драматычныя творы, гістарычныя даведнікі будуць з цікавасцю чытацца сучаснікамі, якія знойдуць у іх адказ на спрадвечныя пытанні жыцця.

СПІС ВИКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

Працы І. К. Кандрацьева

Кондратьев 1868 – *Кондратьев, И. К.* Вильня 22-го октября 1868 г. / И. К. Кондратьев // Виленский вестник. – 1868. – № 119. – 24 окт.

Кондратьев 1869а – *Кондратьев, И. К.* Пречистенская церковь / И. К. Кондратьев // Виленский вестник. – 1869. – № 29. – 15 марта.

Кондратьев 1869б – *Кондратьев, И. К.* Вильна / И. К. Кондратьев // Виленский вестник. – 1869. – № 43. – 17 апр.

Кондратьев 1869в – *Кондратьев, И. К.* С каждым годом в крае нашем... / И. К. Кондратьев // Виленский вестник. – 1869. – № 89, 90. – 14 авг.

Кондратьев 1869г – *Кондратьев, И. К.* 19 февраля / И. К. Кондратьев // Виленский вестник. – 1869. – № 21. – 22 февр.

Кондратьев 1869д – *Кондратьев, И. К.* С природы / И. К. Кондратьев // Виленский вестник. – 1869. – № 21. – 22 февр.

Кондратьев 1869е – *Кондратьев, И. К.* Сценка на виленской толкучке / И. К. Кондратьев // Виленский вестник. – 1869. – № 46. – 29 апр.

Кондратьев 1870 – *Кондратьев, И. К.* Волостной писарь, или Где хвост начало, там голова мочало : русский водевиль в 1 д. / И. К. Кондратьев. – Вильна : [Б.и.], 1870.

Кондратьев 1871 – *Кондратьев, И. К.* Торг в местечках Северо-Западного края / И. К. Кондратьев // Виленский вестник. – 1871. – № 31. – 16 марта.

Кондратьев 1873 – *Кондратьев, И. К.* Ради копеечки : шутка в 1 д. / И. К. Кондратьев. – М. : Волк. театр. б-ка, 1873. – 41 с.

Кондратьев 1875 – *Кондратьев, И. К.* В лесу : драма в 2 д. / И. К. Кондратьев – М. : тип. В. Исленьева, 1875. – 17 с.

Кондратьев 1876 – *Кондратьев, И. К.* Воевода Волчий Хвост : драма-былина из времен Володимира Красное-Солнышко, князя Стольно-Киевского : в 5 д. / И. К. Кондратьев. – М. : тип. А. Торлецкого и М. Терехова, 1876. – 63 с.

Кондратьев 1877 – *Кондратьев, И. К.* На Плющихе : шутка в 1 д. / И. К. Кондратьев. – М. : тип. А. Торлецкого, 1877. – 39 с. – (Библиотека русских драматических писателей).

Кондратьев 1878 – *Кондратьев, И. К.* Гунны. Эпоха великого переселения народов : ист. роман из жизни славян IV и V столетий / И. К. Кондратьев. – М. : тип. Э. Лиснер и Ю. Роман, 1878. – 268, III с.

Кондратьев 1880 – *Кондратьев, И. К.* Александр Сергеевич Пушкин, его жизнь, смерть и сочинения / И. К. Кондратьев. – М. : тип. И. И. Смирнова, 1880. – 154 с.

Кондратьев 1884а – *Кондратьев, И. К.* Русские народные былины / И. К. Кондратьев. – М. : П. П. Щеглов, 1884. – [Вып. 1] : Садко, богатый гость Новгородский. – 13 с., 6 л. цв. ил.

Кондратьев 1884б – *Кондратьев, И. К.* Искорки : детские загадки и басенки / И. К. Кондратьев. – М. : П. П. Щеглов, 1884. – 57 с.

Кондратьев 1887а – *Кондратьев, И. К.* Пушкин у Яра : лирич. сцена / И. К. Кондратьев. – М. : Ф. И. Аксенов, 1887. – 24 с.

Кондратьев 1887б – *Кондратьев, И. К.* Великий разгром : ист. роман из эпохи кровавых драм и великих смятений / И. К. Кондратьев. – М. : А. Земский, 1887. – 192, III с. – (Издание оригинальных сочинений А. Земского).

Кондратьев 1887в – *Кондратьев, И. К.* Искра Божия : книга для начального чтения : в 6 отделах : с олеографическими рисунками / И. К. Кондратьев. – М. : П. П. Щеглов, 1887. – 224 с., [8] л. цв. ил. : ил.

Кондратьев 1891 – Золотая струна : ориг. сказочки, стишки и рассказы / сост. И. К. К-ев. – М. : тип. И. Д. Сытина и К°, 1891. – 15 с.

Кондратьев 1893 – *Кондратьев, И. К.* Седая старина Москвы : ист. обзор и полн. указ. ее достопамятностей : с подроб.

ист. описанием основания Москвы и очерком ее замечат. окрестностей / И.К. Кондратьев. – М. : И. А. Морозов, 1893. – 686, VI с.

Кондратьев 1894а – Снегурочка : весен. сказка в стихах, рассказ. И. К. К-вым. – М. : Н. П. Барков, 1894. – 35 с.

Кондратьев 1894б – *Кондратьев, И. К.* Дома и на воздухе : дет. игры и забавы : в 3 ч. : ил. изд. / И. К. Кондратьев. – М. : П. П. Щеглов, 1894. – 268, IV с., 7 л. цв. ил. : ил.

Кондратьев 1894в – *Кондратьев, И. К.* Сивка-Бурка вещая каурка : ориг. рус. нар. сказка / И. К. Кондратьев. – М. : Н. П. Барков, 1894. – 36 с.

Кондратьев 1895 – *Кондратьев, И. К.* Салтычиха / И. К. Кондратьев. – М. : И. Я. Поляков, 1895. – 245 с.

Кондратьев 1896а – В дружбе с природой : рус. книжка для первонач. чтения / сост. И. Погорелин [псевд.] – М. : типолит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1896. – 90 с. : цв. ил.

Кондратьев 1896б – Полный самоучитель русской азбуки в зоологических картинах / сост. И. К-ъ. – М. : типолит. И. Е. Ермакова, 1896. – 105, II с. : ил.

Кондратьев 1896в – *Кондратьев, И. К.* Раскольниковы гнезда / И. К. Кондратьев. – М. : И. А. Морозов, 1896. – 208 с.

Кондратьев 1897 – Лото племен и народов : этногр. игра для детей, состоящая из 12 карт. со 144 назв. различ. племен с описанием их быта, нравов, обычаев и религии / сост. И. К. Кондратьев. – М. : тип. Вильде, 1897. – 142 с.

Кондратьев 1898а – *Кондратьев, И. К.* Под шум дубрав : песни, думы, былины, нар. сказания / И. К. Кондратьев. – М. : И. А. Морозов, 1898. – 424 с.

Кондратьев 1898б – *Кондратьев, И. К.* Трифон-сокольник : ист. быль XVI ст. : в 2 ч. с эпилогом. – М. : И. А. Морозов, 1898. – 296 с.

Кондратьев 1906 – *Кондратьев, И. К.* Московский Кремль, святыни и достопамятности : ист. описание соборов, церквей и монастырей / И. К. Кондратьев. – М. : И. А. Морозов, 1906. – 193 с.

Кондратьев 1914 – Степка-растрепка : похождения одного неисправимого шалуна / рассказал И. К-ев. – 4-е изд. – М. : т/д Е. Коновалова и К°, 1914. – 20 с. : цв. ил.

Кондратьев 1923 – Степка-растрепка : похождения одного неисправимого шалуна / рассказал И. К-ев. – М. : И. Д. Сытин, 1923. – 20 с.

Кондратьев 1992 – *Кондратьев, И. К.* Драма на Лубянке. Божье знамение / И. К. Кондратьев. – М. : Профиздат : Товарищество «Возрождение», 1992. – 317 с. – (Историческая б-ка альманаха «Русская старина»).

Кондратьев 1994 – *Кондратьев, И. К.* Бич Божий. Божье знаменье / И. К. Кондратьев ; [послесл. К. Новикова]. – М. : Панорама, 1994. – 255 с. – (Б-ка исторического романа).

Кондратьев 1996 – *Кондратьев, И. К.* Седая старина Москвы / И. К. Кондратьев ; [вступ. ст. Г. Е. Миронова]. – М. : Воениздат, 1996. – 527 с. : ил. – (Редкая книга).

Кондратьев 1997 – *Кондратьев, И. К.* Седая старина Москвы : ист. обзор и полн. указ. ее достопамятностей : соборов, монастырей, церквей, стен, дворцов, памятников, обществ. зданий, мостов, площадей, улиц, слобод, урочищ, кладбищ и проч. и проч. : с подроб. ист. описанием основания Москвы и очерком ее замечат. окрест. / И. К. Кондратьев ; [авт. коммент. и указ. Б. Ю. Иванов]. – М. : Цитадель, 1997. – 703 с., [8] л. ил.

Кондратьев 1999 – *Кондратьев, И. К.* Седая старина Москвы : ист. обзор и полн. указ. ее достопамятностей : соборов, монастырей, церквей, стен, дворцов, памятников, обществ. зданий, мостов, площадей, улиц, слобод, урочищ, кладбищ, и проч. и проч. : с подроб. ист. описанием основания Москвы и очерком ее замечат. окрест. / И. К. Кондратьев. – 2-е изд., стер. – М. : Цитадель, 1999. – 703 с., [8] л. ил.

Кондратьев 2005 – *Кондратьев, И. К.* Седая старина Москвы : ист. обзор и полн. указ. ее достопамятностей : соборов, монастырей, церквей, стен, дворцов, памятников, обществ. зданий, мостов, площадей, улиц, слобод, урочищ, кладбищ и проч. и проч. : с подроб. ист. описанием основания Москвы и очерком ее замечат. окрест. / И. К. Кондратьев ; [авт. коммент. и

указ. Б. Ю. Иванов]. – Изд. 4-е, стер. – М. : Цитадель-трейд ; Архангельск : Правда Севера, 2005. – 703 с., [8] л. ил.

Кондратьев 2006 – *Кондратьев, И. К.* Седая старина Москвы / И. К. Кондратьев. – М. : Вече : Цитадель-трейд, 2006. – 704 с. – (Московский хронограф).

Кондратьев 2007 – *Кондратьев, И. К.* Седая старина Москвы : исторический обзор и полный указатель ее достопримечательностей : соборов, монастырей, церквей, стен, дворцов, памятников, общественных зданий, мостов, площадей, улиц, слобод, урочищ, кладбищ, и проч. и проч. : с подробным историческим описанием основания Москвы и очерком ее замечательных окрестностей / И. К. Кондратьев. – М. : Фирма СТД, 2007. – 640 с.

Кондратьев 2008 – *Кондратьев, И. К.* Седая старина Москвы / И. К. Кондратьев. – М. : АСТ : Хранитель, 2008. – 763 [5] с. : ил.

Кондратьев 2011 – *Кондратьев, И. К.* Салтычиха / И. К. Кондратьев. – М. : Мир книги : РИЦ Литература, 2011. – 224 с. – (Женские лики – символы веков).

Кондратьев 2012 – *Кондратьев, И. К.* Седая старина Москвы / И. К. Кондратьев. – М. : Директ-Медиа, 2012. – 541 с.

Бібліяграфія

1. *Анисимов, А. И.* Наш Политехнический : страницы истории / А. И. Анисимов. – М. : Знание, 1983. – 191 с.
2. *Антонов, С.* По диким степям Забайкалья... / С. Антонов // Литературная газета. – 1984. – № 8.
3. Беларускія песні і гімны : зб. песень / уклад., аўтар арт. Сымон Барыс. – Мінск : А. М. Вараксін, 2012. – 379 с.
4. *Белоусов, И. А.* Ушедшая Москва : воспоминания / И. А. Белоусов ; сост., вступ. ст., прим., указ. имен Т. В. Прокопова. – М. : Русская книга, 2002. – 512 с.
5. *Бунин, И. А.* Собр. соч. : в 9 т. / И. А. Бунин. – М. : Худож. лит., 1965–1967. – Т. 9. – М. : Худож. лит., 1967. – С. 495.
6. *Венгеров, С. А.* Источники Словаря русских писателей : в 4 т. / С. А. Венгеров. – Петроград, 1914–1917. – Т. 3. – Петроград, 1916. – 524 с.
7. *Гиляровский, В. А.* Москва и москвичи : очерки / В. А. Гиляровский. – М. : Правда, 1979. – 448 с., ил., 32 л. ил.
8. *Гордон, Я. И.* Гейне в России (1870–1917) / Я. И. Гордон. – Душанбе : Дениш, 1979. – 273 с.
9. *Горький, М.* О писателях-самоучках / М. Горький // Собр. соч. : в 30 т. / М. Горький. – М. : Гослитиздат, 1953. – Т. 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1908. – С. 99–137.
10. Дзяржаўны гістарычны архіў Літвы. – Ф. 525. – Воп. 8. – Спр. 566. – Л. 1–3.
11. *Добровольский, О.* Саврасов / О. Добровольский. – М. : Молодая гвардия, 1983. – 240 с. – (Жизнь замечательных людей).
12. *Евдокимов, И. В.* Левитан / И. В. Евдокимов. – М. : Сов. писатель, 1959. – 375 с., 10 л. ил.

13. За праздничным столом : для баяна или аккордеона / сост. О. Агафонов. – М. : Музыка, 1976. – 80 с.

14. Звяруга, Я. Г. Кастыкі / Я. Г. Звяруга // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыкл. / Беларус. энцыкл. ; рэдкал.: В. В. Гетаў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993. – 702 с. : іл.

15. И. З. Суриков и поэты-суриковцы : поэзия / редкол.: В. Н. Орлов (гл. ред.) [и др.] ; вступ. ст., биограф. справки, подготовка текста и прим. Е. С. Калмановского. – М. : Л. : Сов. писатель, 1966. – 515 с. – (Библиотека поэта. Большая серия : второе издание).

16. Исаак Ильич Левитан. 1860–1900 / текст Б. В. Иогансона. – М. : Искусство, 1965. – 104 с.

17. Канапацкі, І. Б. Гісторыя і культура беларускіх татар : вучэб. дапам. / І. Б. Канапацкі, А. І. Смолік. – Мінск : БУК, 2000. – 259 с. : іл.

18. Кантонисты // БСЭ. – 2-е изд. – М., 1953. – Т. 20. – С. 33.

19. Каталог библиотеки Резановых-Андреевых / сост. Н. Н. Фарутина [Электронный ресурс]. – URL : http://www.booksite.ru/usadba_new/kurkino/1_21_010.htm. – Дата доступа: 10.12.2012.

20. Козлов, В. Ф. Об Иване Кузьмиче Кондратьеве и его книге «Седая старина Москвы» : предисл. В. Ф. Козлов // Кондратьев, И. К. Седая старина Москвы / И. К. Кондратьев. – М. : АСТ : Хранитель, 2008. – С. 5–18.

21. Колас, Я. Поўны збор твораў : у 14 т. / Я. Колас. – Мінск : Мастац. літ., 1972–1978. – Т. 1. Вершы 1898–1917 гг. – Мінск : Мастац. літ., 1972. – 562 с. з іл.

22. Колас, Я. Поўны збор твораў : у 14 т. / Я. Колас. – Мінск : Мастац. літ., 1972–1978. – Т. 7. Паэмы «Рыбакова хата», «Суд у лесе», «Адплата». – Мінск : Мастац. літ., 1974. – 456 с. з іл.

23. Колас, Я. Поўны збор твораў : у 14 т. / Я. Колас. – Мінск : Мастац. літ., 1972–1978. – Т. 9. Трылогія «На ростанях». – Мінск : Мастац. літ., 1975. – 800 с. з іл.

24. Костенко, В. М. Корчмы в книге К. Тышкевича «Вилия и ее берега» / В. М. Костенко, М. М. Михалевич // Другія Тышке-

віцкія чытанні (г. Лагойск, 15 кастр. 2009 г.) : матэрыялы чытанняў / рэдкал.: А. І. Смолік (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2009. – С. 43–49.

25. *Кошель, П.* Продавец грачей / П. Кошель [Электронный ресурс]. – URL : <http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/97/196/72.html>. – Дата доступа: 15.01.2013.

26. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Виленская губерния. – СПб., 1861.

27. *Миронов, Г. Е.* Старая Москва – далекая Москва / Г. Е. Миронов // Кондратьев, И. К. Седая старина Москвы / И. К. Кондратьев. – М. : Воениздат, 1996. – С. 3–10.

28. *Назаров, И. А.* Встречи и письма / И. А. Назаров ; [вступ. ст. Е. Осетрова]. – Владимир : Кн. изд., 1957. – 146 с.

29. *Новиков, К.* О творчестве Ивана Кондратьева / К. Новиков // Кондратьев, И. К. Бич божий. Божье знамение / И. К. Кондратьев. – М. : Панорама, 1994. – С. 247–254.

30. *Опочинина, Л. Е.* Салтычиха «мучительница и душегубица» / М. Е. Опочинина. – М. : Красная новь, 1923. – 23 с.

31. Памяць : гісторыка-дакументальная хроніка Вілейскага раёна. – Мінск : БЕЛТА, 2003. – 704 с. : іл.

32. Песни русских поэтов : в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста, биогр. справки и прим. В. Е. Гусева. – Л. : Сов. писатель, 1988. – Т. 1. – 662 с. : ил.

33. Песни русских поэтов : в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста, биогр. справки и прим. В. Е. Гусева. – Л. : Сов. писатель, 1988. – Т. 2. – 622 с. : ил.

34. Письма Ф. Д. Нефедову // Российский государственный архив литературы и искусств. – Ф. 342. – Оп. 1. – № 4.

35. Поет Государственный московский хор : хоры без сопровождения и с сопровождением фортепьяно / сост. А. Кожевников. – М. : Сов. композитор, 1979. – 68 с.

36. Популярные русские песни : для вокальных народных ансамблей / сост. А. Шелепнев. – М. : Сов. композитор, 1989. – 97 с.

37. *Рейтблат, А. И.* Кондратьев Иван Кузьмич / А. И. Рейтблат // Русские писатели. 1800–1917 : биограф. словарь /

гл. ред. П. А. Николаев. – М. : Большая Рос. энцикл., 1994. – Т. 3 : К–М. – С. 48–50.

38. *Рейтблат, А. И.* Н. И. Свешников – книготорговец, мемуарист, пьяница / А. И. Рейтблат // Свешников, Н. И. Воспоминания пропадающего человека / Н. И. Свешников ; подгот. текста ; вступ. ст. ; коммент. А. И. Рейтבלата. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 320 с. – (Россия в мемуарах).

39. *Рогач, А.* По диким степям Забайкалья... / А. Рогач // Шлях Перемоги. – 2009. – № 48–50.

40. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 389. – Оп. 1. – Д. 76. – Л. 414 обр.

41. Российский государственный архив литературы и искусства. – Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 187.

42. Русские песни из репертуара Л. Руслановой : для голоса в сопровождении фортепиано (или баяна) / сост. Н. Кольцов. – М. : Музыка, 1973. – 93 с.

43. Русские народные песни / сост. А. Володина. – 2-е изд. – М. : Музыка, 1974. – 79 с.

44. Русские народные песни. 100 песен в обработке А. Флярковского. – М. : Музыка, 1975. – 219 с.

45. Русские народные песни : для голоса в сопровождении фортепиано. – М. : Музыка, 1988. – 32 с.

46. Слова правды и добра... Стихи поэтов-суриковцев / сост. и вступ. ст. В. Б. Муравьева. – М. : Дет. лит., 1976. – 190 с.

47. *Смолік, А. І.* Старажытнае грамадства : дапаможнік / А. І. Смолік. – Мінск : Беларус. ун-т культуры, 1996. – 15 с.

48. *Смолік, А. І.* Гісторыя Беларусі XVI–XIX стагоддзяў : інфарм.-давед. матэрыялы да баз даных : вучэб. дапам. / А. І. Смолік. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 1997. – 236 с.

49. *Смолік, А. І.* Культура Беларусі XI–XIX стст. / А. І. Смолік. – Мінск : Беларус. ун-т культуры, 1998. – 182 с.

50. *Смолік, А. І.* Культуралогія : гісторыя культуры : вучэб. дапам. / А. І. Смолік, Л. К. Кухто, А. А. Цобкала. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2009. – 311 с.

51. *Смолік, А.* Абраднасць ахвярапрынашэння ў славян і яе ўвасабленне ў творчай спадчыне Івана Кандрацьева / А. І. Смо-

лік // Аўтэнтычны фальклор : праблемы захавання, вывучэння, успрымання : зб. навук. прац удзельнікаў VI Міжнар. навук.-практ. канф. (Мінск, 27–29 крас. 2012 г.) / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; рэдкал.: М. А. Мажэйка (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУКМ, 2012. – С. 155–157.

52. *Тарасенков, А. К.* Русские поэты XX века. 1900–1955 : Электронное издание справочника А. К. Тарасенкова (1966), испр. и доп. Л. М. Турчинским [Электронный ресурс]. – URL : http://www.ruthenia.ru/sovlit/p_aut012.html. – Дата доступа: 15.01.2013.

53. *Чарапіца, В. М.* Аб забытым аўтары вядомай песні / В. М. Чарапіца // Чарапіца, В. М. Са скарбніцы кніжных паліц : нарысы пра аўтографы даследчыкаў гісторыі Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стагоддзя. – Мінск : БелНДЦДААС, 1994. – С. 148–150.

54. *Чарняўскі, М. М.* Сосенка / М. М. Чарняўскі, Я. Г. Звяруга // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыкл. / Беларус. энцыкл. ; рэдкал.: В. В. Гетаў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993. – 702 с. : іл.

55. *Чехов А. П.* Письмо Кондратьеву И. К., 21 окт. 1887 г. Москва // Чехов, А. П. Полное собр. соч. и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1974–1983. – Т. 2. Письма, 1887 – сентябрь 1888. – М. : Наука, 1975. – С. 134.

56. *Чуковский, К.* Люди и книги / К. Чуковский. – М. : Гослитиздат, 1958. – 543 с.

57. *Lavrines, P.* Lietuvos Rusu Literaura (XIX a. – XX a. pirmoji puse) / P. Lavrines. – Vilnius : Petro ofsetas, 1999. – 191, [1] с.

3 сачынненияў І. К. Кандрацьева

Гражданская поэзия

Дубрава

Среди задумчивых дубрав
Я рос, покинутый родными,
И рано был мой чуткий нрав
Пленен красами их глухими.

Томился ум мой молодой,
Душа рвалась на просторы,
И вот – как тать, гоним судьбой,
Бежал я в те глухие боры.

И там я бился и стонал,
Глухим терзаемый страданьем,
И бор, очнувшийся, внимал
Моим и стонам и рыданьям.

Внимал – и грозной головой
Качал, как будто бы глаголя:
«Не плачь, безумец! Что с тобой?
Твоя ли не завидна доля!

Взгляни на пышный мой убор,
Убор, подобный изумруду,
Взгляни на синий очерк гор,
На облаков густую грудю.

Взгляни на лоно стройных вод,
Взгляни на степь, на водопады,
Взгляни на темный небосвод,
Где звезд блистают мириады.

Взгляни – и чутко наблюдай
За нашей силой не случайной,
И всем, как можешь, передай
И нашу жизнь, и наши тайны.

И пой». И петь я стал. И гнет
С тех пор меня не так уж губит...
Но кто же песнь мою поймет?
Но кто же песнь мою полюбит?

Сила песни

Идет густою чащей леса
Усталый путник – и поет.
Под сень ветвистаго навеса
Ночь невидимкою ползет...
Ползет – на лист росу роняет,
И все прохладой обдает...
А путник все поет, поет –
И песнью страх свой разгоняет.
Свободы бедный узник ждет,
Но тяжелы тюрьмы затворы,
И тихо песню он поет
Про лес, про доли и про горы...
Поет – печаль передает
Не людям, нет! – холодным плитам,
И песня счастьем позабытым
На миг страдальца обдает.
Тяжелый жар стоит над нивой.
Свою полоску жница жнет,
Жнет рожь рукою торопливой
И песню звонкую поет...
Поет – а жар над ней пылает,
И ноги жжет, и руки жжет...
А жница все поет, поет –
И труд под песню забывает.
Кто жизнь изведаль, кто идет,
Страдая, трудною дорогой –

И тот задумчиво поет
Тоску свою, свой дар убогой...
Поет – и ничего не ждет
От жизни –этой бездны моря...
Но в нем от песен холод горя
Как будто злиться устает.

Орлы

Поднялись орлы высоко
Из-за гор высоких,
Поднялись – и закричали
О краях далеких:

«Много есть в краях далеких
И тепла, и воли!
Ой, поищем мы, поищем
Там роскошной доли!»

Все летали, все искали.
А года – уходят,
Все летали – вот и прежних
Гнезд уж не находят.

Бьются под упряжкой
Кони вороные:
Полетим – догоним
Годы молодые!

Понеслись – догнали
Годы на помосте:
Ой, вернитесь, годы,
На часочек в гости!

Не вернулись годы...
Все прошло, проплыло:
Вовремя беречься
Вам бы надо было.

Все от жизни ранней
Рано вами взято –
Вот и захирели
Буйные орлята...

На могиле И.З.С.
Посвящается друзьям покойного поэта

Скользя по плитам, по крестам,
Весна свою являла силу,
Когда твой гроб пришлось нам
В сырую опустить могилу.
Не беден был ты. Но змея
Скорбей в тебя впивала жало:
Сурова молодость твоя
Была, и сил взяла не мало.
И вот, когда уже беде
Настал конец, – с печалью скрытой,
Ты пел о горе, о нужде,
О жизни, в юности разбитой.
И ты был прав – о, прав, поэт!
Нам грезы юности изменят,
А блага злых, поздних лет
Печалей юных не заменят.
Минуло много, много дней,
Угасло много сил и пылу, –
И мало близких и друзей
Пришли почтить твою могилу.
Иные, борясь и скорбя,
Глядят на жизнь темно, устало,
Иные вспомнили б тебя,
Да их самих давно не стало.
Иные ж – им не до того –
Иные песни уж запели,
Хотя у гроба твоего
Всех больше над тобой скорбели.
Как грустно все!.. Не нам судить

О правоте... Но ниву Божью,
Где ты, – они уже, может быть,
Не осквернят своею ложью!

24 апреля 1891 г.

Узник

Я за волю изведаль неволю...
Вижу я, как по дальнему полю,
За тюремной стеной, на восток,
По дороге кружит ветерок.

Ах, у ветра так волюшки много!
Та давно мне знакома дорога.
У окна я почаству сижу,
Все сижу – на нее все гляжу.

На мою, на сторонку родную
Та дорога ведет... Я тоскую...
Грустно мне, что она далека,
А решетка толста и крепка.

Ах, сегодня хотел бы я воли,
Чтоб на миг от сердечной от боли
Излечиться, печаль укротить,
И неволю свою позабыть!

Я на крыльях бы ветра помчался,
Я помчался б, ни с кем не встречался
По полям, по холодным снегам.
Полететь бы к родным берегам.

Прилетел бы в родную избушку:
Увидал бы там мать я, старушку,
Увидал бы молодку-жену.
Мне простила б голубка вину.

Все простила б она без упрека,
Хоть скорбила б глубоко, глубоко,
И слезами б лилась, как река,
Увидал бы я радость-сынка,

Увидал бы – забыл бы невзгоды,
Дней тяжелых моих непогоды,
Стал бы с ними смелей, веселей,
И прижал бы их к груди своей.

И потом, за минутную волю,
Возвратился б я снова в неволю:
Дни неволи своей коротать,
Дня свободы желать, ожидать.

И никто бы не знал и не ведал,
Как я близких мне, милых, проведал,
Как рассеялась на сердце мгла,
Как мне жизнь и в неволе мила!

День и ночь

Как померкнет дневное светило –
Ночи я наступившей не рад:
Все-то мне тяжело и не мило,
И тускнеет, что ноченька, взгляд,
И крадется тихонько без шума,
С болью в сердце за думою дума...

Но настанет день ясный – ему я,
Весь очнувшись, как счастию, рад:
Сердце дрогнет надеждой, ликуя,
Заблестит, точно солнышко, взгляд,
И пробудится зорькою ясной
Жажда к жизни с любовью страстной.

Доля и горе

Ох, как тяжело жить на свете
Без копейки медной!
Негде деться, приютиться
Головой победной!

Все кругом тебя чужие,
Никому нет дела,
Что беднягу доля-горе
И тоска заела.

Ходишь, словно угорелый,
Над тобой смеются.
Сердцу больно, хочешь плакать,
А слезы не льются.

Говорят: «Дурак, не пьянствуй –
Жизнь рекой польется».
Эх, не знают эти люди –
Отчего так пьется!

Отчего передо всеми
И юлишь и вьешься,
И копейки медной ради
В три изгиба гнешься!

Только сердце это знает,
Да одна злодейка!..
Эх, ты, жизнь моя пустая!
Эх, ты, лиходейка!

Сердце бедное

Что ты, сердце бедное,
Ноешь все тоской!
Или тебе хочется
Раньше на покой!

Погоди, безумное,
Погоди ты ныть!
Скоро в яму темную
Ляжешь, может быть.

Ляжешь – распрощаешься
С мукой и с тоской,
Ляжешь – и, скорбящее,
Сыщешь свой покой.

Все, в чем жизнь холодная
Отказала нам,
Сыщем, сердце бедное,
Может быть, мы там.

Жди, не бейся мукою,
Не тоскуя, жди!
Отдых наш, наверное,
Ждет нас впереди!

Ночь

Ночь лежит на прибережных ивах
И скользит по глади сонных вод.
Замерцал, в беззвучных переливах,
Дальних звезд блестящий хоровод.

Я брожу... И чудиться мне стало –
Звезды речь, мерцая, завели:
«Див и чар меж звездами не мало –
Приходи к нам, труженик земли!»

«Никогда мы гнету и злословью
Чувств твоих святых не предадим
Нет мы вечной, чудною любовью,
Вечным благом щедро наградим».

Я брожу... И речь иную страстно
Все земное шепотом ведет:
«Нет, не все земное безучастно,
И не все – злословие и гнет».

«Погоди! Придет пора иная –
И поймешь, теперь недужный, ты,
Что прекрасна жизнь наша земная,
Что в ней есть не мало красоты.

Правда, все здесь брэнней и короче,
Все живет, о вечности моля.
Но, быть может, звезды полуночи
Холодней, чем бедная земля.

Жизнь влачу я...

Жизнь влачу я угрюмую, хворую...
Прежней верой меня осени:
Ты запой мне ту песню, которую
Ты певала мне в лучшие дни.
Ты певала, полна увлечения –
И я слушал тебя, увлечен:
«О, не сетуй, мой друг, на мучения,
На которые ты обречен!
Верь, не все безрассудно – гонимое,
Верь, не всякий, кто слег – захирел,
Есть в страдании счастье незримое,
Есть в гоненьи завидный удел!
Станет все тебе в жизни опорой,
Только веру в себя сохрани!»
Пой же, пой же ту песню, которую
Ты певала мне в лучшие дни!

Зачем же эта жизнь...

Как легкий дым прошли за днями дни, недели,
Прошли и юности беспечные года.
Уж волосы мои, редея, поседели,
Уже не мыслю я о сладости труда.
Зачем все было? Спрашиваю смутно.
Ответа нет. И смутно впереди.
И рвется сердце, рвется поминутно
В надорванной груди.

Друзья? Их нет, и не было. О, люди-братья,
Не вам меня, – о, нет, – в холодности винить!
Любовь? Но где любовь? Я женские объятья
На буйном торжище не в силах был купить.
Среди людей, где так понятия зыбки,
Где ото лжи кружится голова, –
Встречал одне я пошлыя улыбки
И пошлыя слова.

Зачем же эта жизнь, как огонек далекий
Средь темноты, к себе и манит, и зовет?
Исполнен дух тоской, печалию глубокой,
А тело бедное – а тело все живет.
Увядших дней увядшая одежда
Еще цела, и много в сердце грез...
Так, воротись же ты – ты, чудная надежда,
Мне улыбнись сквозь слез!

Успокойся ты, сердце

Успокойся ты, сердце мятежное,
Полно рваться безумно вперед!
Все любимое, близкое, нужное,
Все, что стоило долгих забот
И ценимо мной было так дорого,
То меня, как сердечного врага,
Насмеявшись и низко и зло,
– Бессердечно забыло – ушло!

В жизни нет ничего возвратимого –
Жизнь, что даст, то обратно возьмет:
Мать теряет младенца любимаго,
Покидает страдающих гнет.
И пройдет все, и минет, как минуло
Все, что, минув, исчезнуло, сгинуло!
Покорись же ты, сердце, судьбе:
С ней безумно бороться тебе!

Дюжая сила

Породила меня матушка,
Породила с дюжей силою:
Коль схвачу, кого мне надобно,
Так схвачу рукой не хилою!
Никогда мое сердечушко
Пред лихой бедой не екало!
Запою – встряхну дубравушку,
Размахнусь – падет все около!
Не страшит меня невзгодушка,
Мне беды нигде не чаются!
Ну-ка, ну! Со мною, молодцем,
Кто – придет – да посчитается!

Вырастал я – силой тешился,
Руки чесывал могучие:
Я пахал пески сыпучие,
Вырубал леса дремучие!
Никогда-то моя спинушка
Ни пред чем не изгибается!
Распляшусь – земля заохает,
Гаркну – леший испугается!
У меня жена, молодушка,
Так-то славно улыбается!
Ну-ка, ну! Со мною, молодцем,
Кто – придет – да посчитается!

Прочь с дороги, тварь лукавая!
Мне ли с недругом маячиться!
Гикну, свистну добрым посвистом –
Дряблый ворог в норы спрячется!
Не люблю – иди сторонкою,
А люблю – так любо-дорого!
Рассержусь – так вихрем по полю
Размечу, рассыплю ворога!
Бьется сердце молодецкое,
Кровь клокочет! Разгорается!
Ну-ка, ну! Со мною, молодцем,
Кто – придет – да посчитается!

Озлобленный

Отцвела моя жизнь молодая,
Чуть расцветши – уже отцвела.
Но для будущих дней, увядая,
Мне уроков не мало дала.

И каким же суровым мученьем
Я купил их! Как рано они
Отравили мой ум озлобленьем,
Злой враждою наполнили дни!

И с тех пор, с вызывающим пылом,
Я вражду мятежно везде,
Позабыв, в озлобленьи унылом,
Что враждой же ответят вражде.

Что мой вызов пройдет мне недаром,
Что, забыв когда-либо вражду,
И убит ея дразнящим жаром,
Я к врагам за участием приду.

Я приду. Но кто злость мою видел,
Посмеется тогда надо мной:
«Ты был зол, ты людей ненавидел –
Умирай же с своею враждой».

И, напрасно истративши силу,
Захлебнусь я в житейской волне, –
И никто не придет на могилу,
Хоть на миг пожалеть обо мне.

Лишь, быть может, с годами, над нею,
Мне по горечи прошлой родня,
Беспокойной листвою своею
Залепечет осина одна...

Куда идти?

Мой ум, томясь, в тумане бродит,
Сереют дни мои в пыли,
И пошло жизнь моя проходит,
И пошлость видится вдали.
И даже сладостные грезы,
Как сон, являясь иногда,
Приносят грусть, приносят слезы...
Куда-ж идти? Куда? Куда?

Любовная лирика

Ракиты

Над прудом сконились низко
Старья ракиты,
И струями вод холодных
Листья их омыты.

Были дни: мы с ней стояли
Там, полны печали,
А ракиты тихо-тихо
Ветками качали.

«Будут дни, – она сказала, –
Будем мы забыты,
Но – все так же будут никнуть
Над водой ракиты».

Дни прошли: расставшись тихо,
Навсегда со мною,
Умерла голубка где-то
Раннею весною.

Загрустил я... Дни проходят
Прежней чередой,
А ракиты – как и прежде,
Никнут над водою.

Лучинушка

Вьюга-непогодушка злится и гудет,
Точно угорелая мечется метель,
Иглами холодными по окошку бьет
И качает, воючи, молодую ель.
Холодно и голодно у меня с утра,
А жена беспутная на село ушла:
Все-то, все-то тащится ею со двора,
Все-то она кинула по дому дела.
Женка-греховодница, сухота моя,
Ты уж над лучиною, подле, не сидишь...
Лучина, лучинушка березовая!
Что же ты, лучинушка, не ясно горишь?

Думы лезут в голову, груди тяжело...
Хоть бы уж метелицей буйной, снеговой,
Горе мое лютое навек замело,
Замело с кручиною, с бедной головой.
Все-то мне мерещится разлучитель мой, –
На него ль, разлучника, сердцу не бурлить!
Аль уже при лучинушке, мужнею рукой,
На жену лукавую ножик наточить!

Пусть загинет подлая голова твоя,
Что ты лаской жениной мужа не даришь!..
Лучина, лучинушка березовая!
Что же ты, лучинушка, не ясно горишь?

Кукушка

Зелена, цветиста стала
Ты, моя долина,
На тебе ли выростала
Красная калина.

Рдеет ягодой макушка –
Ягодок не мало.
На калине той кукушка
Громко куковала.

«Ой, кукушечка! Скажи-ка,
Ты об чем кукуешь?
Ты об чем же, горемыка
Горькая, горюешь!» –

– Как же мне на ясной зорьке,
Как не куковати?
Как же мне одной, да горькой,
Как не горевати?

У меня был сад зеленый –
Да засох и сгинул,
У меня был друг хваленый –
Да меня покинул.

С той поры я на лужочке
Все-то, все кукую,
Да по милом по дружочке
Плачу да тоскую!

Юность

Посв. Алекс. Ив. Морозовой

Над твоей постелью теплится лампадка,
На твоей постели спится тебе сладко.
За твоим оконцем высятся березы,
Чисты твои думы, чисты твои грезы.
Спорит день весенний с трепетной лампадкой,
Вешним днем березы спят дремотой сладкой.
Вся ты дышишь верой бесконечной в Бога,
Веришь в жизнь и в счастье ты так много, много
Оттого счастливо так тебе живется,
Что твое сердечко юным пылом бьется.
Но придут иные дни, иные годы:
Зашумят березы те от непогоды,
Зашумят, застонут, низко ветки склонят –
И печаль немую на тебя нагонят,
И печаль нагонят, и по тусклым стеклам –
Кинут тень густую остовом поблеклым.
Усмехнувшись горько прошлому веселью,
Ты огонь загасишь над своей постелью,
И не так уж много жизни верить будешь...
Но... былое – долго, долго не забудешь...

Литвинка

Раным-рано на широкий Неман
За водой литвинка выходила.
Постояла, рученьки сложила
И, печальная, к нему заговорила:
«Ой, ты, Неман, Неман,
Черный да суровый!
Где литвин мой храбрый,
Статный, чернобровый?
По весне отъехал
Он с княжой дружиной,
С длинной, острой пикой
И с трубою длинной!»

Раным-рано расшумелся Неман:
На волну волна бурлива набегала,
Пену белую рвала, кружила,
И, играючи, литвинке отвечала:
«Не грусти, девчина,
Смертию героя
Пал твой ратник любый
Средь полей и боя!
Крестоносец смелый
Прискакал в дружину:
Проколол он сердце
Твоему литвину!»

Раным-рано всколыхнулся Неман,
Руки белая ломаючи, рыдая,
Словно камень, сорванный с утеса,
В Неман кинулась литвинка молодая.

Жница

Колосится рожь высокая
За околицей села.
Вышла девка черноокая,
Острый серп с собой взяла.

Надо б жать ей рожь созрелую,
Да – пригожа и статна, –
Лоб прикрыв рукою белую,
В синю даль глядит она.

Дал мне Бог красу и силушку,
Да не знаю, как мне быть!
С кем я стану рожь-кормилушку
И возить, и молотить.

Кто меня за труд пожалует?
Кто, в сенях, порой ночной,
Посмеется и побалуует
Втихомолочку со мной.

Поведе́т кто речи́ с Тане́ю
Про степенны́я дела́?
Кабы́ жить мне́ с друго́м Ване́ю,
Вот бы́ рада́ я была́!

Я была́ б жено́й не хило́ю,
Все бы́ ладила́ с людьми́...
Ой, возьми́ меня́ ты, милую́!
Ой приго́жую, возьми́!

Не губи́ деви́чью долю́шку!
Вместе́, ранне́ю весно́й,
Поработа́ем мы́ вволю́шку:
Ты – сохой, я – боро́ной.

Вся-то́ Таня́ черноо́кая
Будет, миле́нький, твоя́!..
Ой, ты, ро́жь, моя́ высо́кая,
Ро́жь – корми́лица́ моя́!

Так скоро́!..

Ты помни́шь: в зелени́ берез,
Над брызжу́щим цвета́ми лу́гом,
Ты назва́ла меня́, скво́зь слез,
Свои́м незаме́нимым друго́м.

И мни́лось: говори́ла ты
Мне́ правду́ сердца́. Я о́ многом
Мечта́л. И бы́ли мне́ цветы́
Души́стым сло́в твои́х залого́м.

Но де́нь наста́л: среди́ огне́й,
Где́ все шу́мело, все́ сверка́ло, –
«Забу́дьте гре́зы вешни́х дне́й», –
Ты́ мне, поту́пивши́сь, сказа́ла.

Забыть? Так скоро? С тех же пор
Так мало дней еще минуло!
Все там же тот знакомый бор,
Где ты, стыдись, ко мне прильнула.

И луг все там же... Передать
Печаль пошел я к тем березам.
Пришел – вокруг ненастья гладь,
И места нет уж светлым грезам.

Земля черна. Опавший лист
Лежал, иль двигался лениво,
А среди деревьев ветра свист
Вдруг проносился сторожливо.

А на лугу, где все цвело
Весной, полно весны дарами,
Лишь ворон каркал тяжело,
Махая медленно крылами.

Стала много ты думать...

С каждым днем обнажаются боры,
С каждым днем увядают цветы.
Нечем тешить пытливые взоры, –
Всюду осени хмурой черты.
Пожелтели, поблекли березы,
Блещет с неба украдкою луч,
И роняют холодные слезы
Часто стаи блуждающих туч.
Облетевшие листья – постели
Намечают, уныло шумят,
И одни лишь угрюмая ели
Все наряд свой печальный хранят.
Словно осень, и ты приуныла,
Загрустила, бледнея, о том,
Что прошло, что чарующе было
Вешним, теплым, сверкающим днем.

Чья-то речь, чей-то жар поцелуя
Пред тобою проходят, как сны.
Стала много ты думать, тоскуя,
О весне той – до новой весны.
Ты припомнила вешняя ночи,
Там, средь сада, где висится вяз,
И, быть может, влюбленные очи –
Эти очи – уж плачут не раз...

Жду свидания

Ты весела была, как птица,
И хороша, как Божий день.
Ты мне мелькнула, как зарница,
И унеслась опять, как тень.

Но ты наполнила пустыню
Души моей. И образ твой
Храню я в сердце, как святыню,
И жду свидания с тобой.

Жгучих ласк твоих

Жгучих ласк твоих отравы
Не хочу я в непогоду.
Посмотри, как вянут травы,
Как вздымает буря воду,
Как гудят уныло боры,
Туча небо тьмою кроет,
Мокнут избы и заборы,
Ветер мечется и воет.
На лице моем забота,
Милых плеч рука не холит:
Все мне чудится, что кто-то,
В непогоду эту, молит
У людей себе участия, –
А участия нет. Он стонет –

И свое бывшее счастье
С горькой жалобой хоронит,
И бежит, как зверь, в дубравы...
Нет, мгновению в угоду, –
Жгучих ласк твоих отравы
Не хочу я в непогоду...

Бывшее

Ямщик мой едет лесом шагом.
А лес, весь в лунном серебре,
Стоит, безмолвный, на горе
Перед чернеющим оврагом.
Так много света-серебра,
Так много шири, так все вольно,
Что сердцу чуткому не больно
И все полно оно добра.

И вспомнил я, под это море
Лесов и дремлющих лугов,
Моих промчавшихся годов
Бывшую боль, бывшее горе.
В такую ж ночь, в такой же час,
Но посреди людей и шума,
Она сказала мне угрюмо:
«Прощайте... я не знаю вас...»

Утихла желчь, утихла злоба...
Кто был ей дорог – я не знал...
Но через год уж я стоял –
Безмолвно у ее у гроба,
Не стало нег, не стало грез,
Уж я о прошлом не жалею.
Но с той поры я, полон слез,
Как этот странный свет, белею.

Я помню

Я помню: солнце горячо
Тебя средь сада озарило,
Когда ты, на мое плечо
Склонясь, о счастье говорила.

То были светлые года...
Как жизнь тогда в тебе кипела!
Как ты бледна была тогда!
Как ты любить тогда умела!

Теперь не то уж. Не любя,
Ты неприступна, ты богата...
А солнце – взглянет на тебя –
И словно спрячется куда-то.

Разлука

Ты ушла от меня, ты забыла меня,
Для чего, для кого – я не ведаю.
Кто мне труд сократит, труд рабочего дня,
С кем я в долгую ночь побеседую!

А любил я тебя и не чуял, любя,
Что близка уж разлука унылая,
И что дорого я, изнуряя себя,
Заплачу за мгновения милые.

Ты ушла от меня, и с собою в тот миг
Все взяла, чем дарила-лукавила,
Лишь одних не взяла дум угрюмых моих:
Знать, на память ты мне их оставила.

Поздняя встреча

Не упрекая, не браня,
Она мне тихо говорила:
«Тебя нашла я и любила,
Зачем же кинул ты меня?
Ты не хотел постигнуть муку
Впервые любящей души, –
И затаила я в глуши
С тобой томящую разлуку.
В те ночи длинные, когда
Ты, может быть, в чаду разгула
Искал забвенья, и тонула,
Без сожаленья, без следа,
Твоя любовь в забаве шумной, –
Одна, с тоской своей безумной,
И как безумная любя,
Я все молилась за тебя.
Потом, в слезах, я шла к постели
Забывать сердечную грозу, –
И ту молитву, ту слезу
Ничьи глаза не подглядели.
Зачем же ныне предо мной,
Когда я дать тебе не в силах
Ни ласк, ни слов, ни взглядов милых, –
Своей любовью больной
Стоишь ты?... Бедный мой, когда-то,
Когда тобой лишь я жила,
Я все тебе бы отдала,
Как богу счастья, без возврата!
А нынче что могу я дать?
Угасли молодости силы,
Мне грезы прежние не милы
И начала я увядать.
Страстей былых чужда мне буря,
Мой пыл девический отцвел»...
И я от милой отошел,
Стыдливо голову понуря...

Пейзажная лирика

В лесу

Обступили сосны-исполины,
Все вокруг угрюмо обступили:
Их густые, хмурые вершины
Небо все, как тучею, закрыли.
Мнилось, тут, под лиственным наметом,
Тьма и глушь царят еще от века,
Мнилось, тут, по ямам, по болотам,
Не видала чаща человека.
Бурелом... Но, вот – гляжу – дорогу
Проложил среди чащи этой кто-то.
Солнца луч, сквозь чащу, понемногу,
Осветил темневшее болото.
Вот поляна блещет изумрудом,
Запах трав над той поляной бродит,
Вот, как будто созданную чудом,
Кто-то песню русскую заводит...

Сердце, сердце! Вьются мглой томящей
Вкруг тебя невзгоды и печали,
Все же ты, среди этой мглы и чащи,
Среди глуши неведомой и дали, –
Встретишь путь и встретишь блики света,
Мгла тебе, быть может, блеск дарует,
Может быть, и песня будет спета,
Что тебя надолго очарует...

О, бор!

Зеленый бор, зеленый и тенистый!
Твоя мне сень знакома и мила!
В глуши твоей, таинственной и мглистой,
Сияя юной прелестью чела,

Она свою мне руку подала
С улыбкою, с доверчивостью чистой...

О, как она пленительна была
В тот дивный миг, зарею золотистой
Сквозь сетку сучьев ярко облита!..

Я вновь иду дорожкой лесною...
О, бор! своею чуткою листвою

Скажи: настанет ли година та,
Когда об ней, боготворимой мною,
Во мне исчезнет жгучая мечта?

Гроза

Набежали тучи –
Солнце позакрыли.
Буйный ветер поднял
Столб тяжелой пыли.
Грянул гром из тучи –
Гулко раскатился,
Раскатился гулко –
Точно обозлился.
Все грохочет громче,
Всем несет угрозу,
И ударил с выси
В белую березу,
Что среди поля,
На меже, стояла, –
И береза, с плачем,
На межу упала.
Так и в жизни нашей,
Средь людей, бывает:
Одиноких чаще
Горе убивает.

Первый снег

Первый снег закружился над окнами,
Отовсюду глядит полутьма,
Набегая густыми волокнами
На деревья, заборы, дома.
Поле зеленыю взора не радует,
Лист с деревьев давно уж опал.
Первый снег все кружится, все падает.
Первый вздох чью-то грудь взволновал.

Кинет солнце лучи благотворные,
Полно вешних, лелеющих нег –
И в струи, и в потоки проворные
Превратится растаявший снег.
Лес, лучами весны очарованный,
В свой убор нарядится опять.
Только вздоха из груди взволнованной
Даже вешним лучам не изгнать.

Придет весна

Придет весна – и к нам опять заглянет.
Расторгнув льды, потоки зашумят,
И стаи птиц над лесом зазвонят,
И все светлей, и все милее станет.
Соседний сад оденется листвою,
Сирень, сгустясь, покроется цветами,
И дети там забегают толпой –
И огласят дорожки голосами.
А на заре, вся в белом, вся в цветах,
Ограждена пахучею листвою,
Под ветками склоняясь головою,
С улыбкою здоровья на устах
Пройдется девушка.
С ветвей высоких
Ей нежно птичка песенку споет.

Но мимо, мимо девушка пройдет –
И скроется... Исполнен дум глубоких,
Я загляжусь из дальнего окна,
Как узник, на природу молодую,
Я загляжусь – и горько затоскую,
Что уж давно прошла моя весна...

Пруд застыл

Под дыханьем зимней непогоды,
В снежный саван вьюгами одет,
Пруд застыл – и жизни, мнится, нет
Там, где прежде двигались воды.
Льды прикрыли звонкую струю,
Все вокруг безжизненно, лениво.
Лишь одна задумчивая ива
Клонит к пруду макушку свою.
Ей весна сверкающая снится:
Ждет она, когда придет весна,
И когда, вся в зелени, она
Снова в пруд, склоняясь, заглядится.

Над потоком

На краю гремящего потока,
Головой кудрявою качая,
И сгибаясь тонким своим станом,
Приютилась тополь молодая.
Солнца луч горячий, благотворный
Серебрит ветвей ее извивы,
И со страстью томною целует,
Пробегая, ветер шаловливый.
Снятся ей весенние улыбки,
И растет, прекрасная, не зная,
Как поток стремительно и грозно,
Как близка к ней бездна роковая.

БОЖЬЕ ЗНАМЕНЬЕ

(отрывки из повести)

IV

НАД БЕРЕЗИНОЙ

В глухой лесистой стороне, среди болот и озер недалеко от Бобруйска, на берегу реки Березины, раскинулась богатая красивая барская усадьба. Громадный дом – род замка – с колоннами и статуями, во вкусе знаменитого архитектора графа Растрелли, стоял на крутом возвышении и далеко был виден со всех сторон. Обширный сад и парк обложили его своим зеленым кольцом, так что дом-замок казался поднимающимся среди вершин могучего леса. Два ряда старых и толстых тополей указывали дорогу к замку, которая сперва тянулась берегом Березины, а потом уже, круто поворачивая, пролегла под сенью тополей. Замок сверкал белизной и со своим высоким, крытым ярко-красною черепицею, и со своим высоким ярко-бронзированным шпилем казался издали каким-то заброшенным в глуши храмом. Глушь, в самом деле, вокруг замка тянулась на десятки верст. Прямо перед фронтоном замка, за Березиной, растлались с мелкими заводьями болота. По ним росла не крупная ольха и такой же осинник. Далее стеной стояла хмурая сосновая деля. Вправо от замка тянулись поемные луга с небольшими березовыми лесками, влево – поля, нивы, среди них озера и опять лес, то смешанный, то сосновый. Позади замка, тотчас же за парком, раскинулась небольшая деревенька с довольно хорошенькими и чистенькими домиками, посреди которой возвышалась беленькая, как снег, часовенка. Собственно, это была не деревенька, а нечто подобное, там жили вовсе не крестьяне, а дворовые замка, и там отводились помещения для наезжавших в замок незначительных гостей. Там же проживали и другие особы, служившие при замке не в качестве слуг, но

в качестве артистов. За деревенькой снова начинался почти бесконечный лес, сливавшийся с пинскими болотами.

Невзирая на окружающую замок угрюмую природу, он носил название – Веселая Ясень. В замке Веселая Ясень, в самом деле, жилось шумно и весело. Владетель его граф Ромуальд Валевский любил пожить хорошо и буйно, и потому у него и другим, кого он только приглашал к себе, жилось также хорошо и привольно. О привольном житье в Веселой Ясени шла молва по всей Белоруссии. Пирьы в Веселой Ясени были так же известны, как и пирьы в былое время в знаменитом Шклове генерала Зорина. В Веселой Ясени всегда можно было найти десятка два каких-либо авантюристов, пользовавшихся хлебо-сольством графа и проживавших в замке, как у себя дома. Причина этого заключалась в том, что и сам граф Валевский, вопреки своему званию и состоянию, был отъявленный авантюрист. Он, по словам Костюшки, был в Америке, блуждал там по бесконечным пампасам – степям Южной Америки, поросшим густою и высокою травою, чуть не попался в плен к индейцам и возвратился снова в Европу. Из Европы он попал на Мадагаскар, где вместе с другим авантюристом, Фиялковским, правил островом в качестве какого-то министра. Потом он служил в войсках Наполеона и, дослужившись до капитанского чина, кинул Францию и возвратился на покой в свою родимую Литву. Тут-то и началась его веселая жизнь в родовом замке. В своих пирушках он подражал пирушкам тех пышных магнатов, которыми так гордилась Польша и Литва в прошлом столетии. Во всех других отношениях он был полный космополит, за что многие польские патриоты порицали его и даже за глаза называли изменником. Граф знал об этом и от души смеялся. Он был настолько умен, что уже не верил ни в какое возрождение Польши, по крайней мере, в том политическом виде, в каком она существовала до 1794 года. Над герцогством Варшавским, созданным Тильзитским миром, он просто глумился. В то время такого рода взгляд среди поляков, возлагавших много надежд на французского императора, был не только странен, но даже небезопасен. Графа предупреждали, графу делали заявления, что его образ мыслей неудобен и в будущем не обещает ему ничего хорошего, но граф молчал или, при случае, открыто не сочувствовал польским бредням. При этом он не сочувствовал ни России, ни Наполеону, надвигавшему войска на запад-

ные наши границы. Он любил Наполеона, как хорошего искателя приключений, но в постоянство счастья его не верил и говорил: «Я перестану верить в Бога, если этому человеку суждено спокойно умереть на престоле». Все, знавшие графа близко, решили, что он выжил из ума, и вследствие этого многое ему прощали, хотя ни в каком прощении граф не нуждался. Он жил в своих Веселых Ясенях в высшей степени самостоятельно и даже из своего замка задавал обществу тон. Так называемая, введенная Наполеоном, континентальная система прекратила в Россию ввоз всякого рода дорогих тканей. В шелковых и шерстяных материях и тонких полотнах почувствовался положительный недостаток. Граф первый в своей местности отказался от роскоши: вместо сюртука из дорогого английского сукна он надел холщовую венгерку, сделал такой же плащ и фуражку. Когда граф появился в таком костюме, то все посмотрели на него с изумлением. Вскоре, однако ж, в такие же венгерки нарядились и другие, а потом – это сделалось в крае всеобщей модою, и одеваться иначе считалось дурным тоном. Граф изгнал также со своего стола французские вина, которых доставка сухим путем обходилась весьма дорого, и заменил их напитками местного производства. С графом несколько примирились. Но что более всего примиряло всех с графом, так это его хлебосольство, чисто славянское – открытое и доброе, и все его хлебосольством пользовались до излишества. Так и говорили в Могилевском наместничестве: «Голоден, иди к графу Ромуальду – накормит».

V

БЕДНАЯ ПЕВИЦА

*Она была бедна, ничтожна, неизвестного происхождения,
но обладала красотой и пела – о, она восхитительно пела!*

Панаев

Со стороны России в двенадцатом году, казалось, все приготовления были в наступательной войне с Наполеоном: войска стояли на рубеже России. Главная квартира первой армии, под начальством Баркляя де Толли, находилась в Вильно. Начальник второй армии, князь Багратион, имел главную квартиру в

Пружанах. Третья западная армия под начальством генерала Торماسова, находилась в Дубно и окрестностях. На реке Двине, при Дриссе, был устроен укрепленный лагерь. В Риге крепость была приведена в оборонительное состояние. Построена новая крепость – Динабургская, расширены и исправлены крепости – Бобруйская и Киевская. Были заложены весьма важные магазины в Белостокской области и в Гродненской губернии. Наконец, сам император Александр, покинув резиденцию, приехал к войскам в Вильно. Литва приняла императора с благодушием, и многие польские магнаты, обворожённые приветливостью и добротой русского монарха, предлагали ему объявить себя владыкою Польши. Такое отношение литвинов встревожило даже Наполеона, находившегося в Дрездене, и он послал от себя резидента, который бы мог противодействовать влиянию в крае русского правительства.

По поводу пребывания императора в Вильно польские магнаты, сторонники России, наперерыв старались устраивать балы и пирушки. К числу их принадлежал и граф Ромуальд Валевский, хотя он и не был ничьим сторонником. Ему просто нужен был случай.

О пребывании русского императора в Вильно граф получил известие в Веселых Ясенях.

– Прекрасный случай! – сказал он. – Я уважаю русского императора за его необыкновенную доброту. Почту его, как умею.

Граф приказал созвать как можно более гостей и как можно веселее устроить оргию. Посланные поскакали сзывать гостей во все концы. Гости не заставили себя долго ждать. На другой же день в Веселые Ясени наехало столько народу, что едва хватило места для размещения всех прибывших. Некоторые приехали для того, чтобы хорошо поесть и попить за графский счет, некоторые – узнать кое-что о совершающихся событиях, так как граф, невзирая на то, что жил в глуши, получал одному ему ведомым путем все новейшие известия из политического мира. Назначены были: музыка, пение и катание на шлюпках, для чего у графа были свои музыканты, трубачи, певцы и певицы, свои хорошо устроенные шлюпки на Березине. Тихий и мирный замок вдруг наполнился шумом, гамом, беготней. В саду и парке послышались звонкие голоса и смех. Среди гостей было немало женщин и девушек, привезенных мужьями, отца-

ми, матерями и братьями. Сам граф принимал гостей приветливо и радушно. На замке развевался флаг.

– На этот раз я покажу вам, господа, московское чудо, – сообщал граф гостям.

Все недоумевали, что это за «московское чудо», и ждали.

С утра третьего дня замковый колокол сообщил гостям о начале пирушки. В громадной, с колоннами под малахит, зале были устроены столы. В этой же зале, в глубине, находилась сцена. Рядом была очищена другая зала под танцы. Пирушка началась провозглашением самим графом странных тостов за благоденствие и процветание острова Мадагаскара, потом Америки. И все выпили за благоденствие Мадагаскара и Америки, решительно не понимая в этих тостах смысла. Затем граф провозгласил тост за двух философов: Руссо и Вольтера, и двух императоров: Александра и Наполеона. После этого граф предоставил всем право провозглашать тосты за кого угодно. Граф гостей не стеснял: в его замке этикета не существовало – всякий делал, что ему угодно и когда угодно.

К концу завтрака, который, помимо завтрака, можно было назвать чем угодно, когда гости запивали жирные и вкусные блюда старым венгерским, на сцене появилось «московское чудо».

Чудо это было – оригинальной красоты девушка, не то цыганка, не то грузинка, с необыкновенно крупными, черными глазами. Она была одета в какой-то странный костюм – смесь красного с желтым, что придавало ей еще более оригинальности. Красота ее и статность – признак великолепного сложения форм – сразу поразила всех. Молодежь ближе придвинулась к сцене. Старички зорко приглядывались на красавицу.

– О, граф всегда доставляет гостям что-нибудь необыкновенное! – слышалось среди гостей.

Дамы, молча, выжидали.

Цыганка запела. Она пела какую-то венгерскую песенку, в которой только и слышалось «гой» да «гей», но эти «гой» да «гей» настолько были чарующе поразительны в устах певицы, что, когда она окончила, восторгом всех присутствующих конца не было. Восторгались кавалеры. Восторгались дамы. К графу приступили рассказать, откуда он добыл такое чудо.

– Из Московии, – говорил граф.

– Но как такое сокровище могли отдать вам?

– О, она мне стоит сто тысяч золотых! – смеялся граф.

На самом деле певица эта графу ничего не стоила. Незадолго перед этим граф был в Москве. Человек по-своему оригинальный, граф имел обыкновение таскаться по разным закоулкам Москвы с целью приглядываться к русской жизни, которая его занимала своеобразным складом. Возле какого-то кабачка стояла толпа народа и слушала певицу, которая кривлялась на рваном коврике. Граф подошел к кабачку. Голос певицы поразила его. Она пела бойко, пела какую-то скабрзную песенку в русском вкусе и с тамбурином в руках прыгала, как коза. Собравшаяся толпа восхищалась и делала свои замечания уже совсем нескромного свойства. Певица не обращала на замечания внимания, точно не понимая их, и продолжала петь и вертеться. По окончании пения она обходила толпу, молча подставляя тамбурин. Толпа разошлась. Певица подошла к графу: граф кинул в тамбурин золотой.

Певица подняла на него удивленные глаза.

– Мало? – спросил граф. – Так вот еще.

В тамбурине звякнули еще два золотых.

Певица обезумела от радости и, схватив руку графа, стала покрывать ее поцелуями.

Граф отдернул руку – ему почему-то показалось это неловким. Певица благодарила.

– О, Бог поможет барину, много поможет! Я за барина буду Бога молить.

Валевский заметил, что певица была очень хороша собой, хотя голод, вероятно, и наложил на ее молодые щеки свою печать. Особенно поразили графа ее глаза.

– Ты откуда? – любопытствовал граф.

– О, я того не знаю, барин! – произнесла она тихо. – Говорят, здешняя... цыганка... да в табор не принимают...

Граф спросил об ее имени. Звали певицу Ульяной Рычаговой. Оказалось, что жила она у какого-то отставного солдата, в конуре. За десяток золотых солдат уступил певицу графу, спросил только, где она будет жить. Граф отправил Ульяну к себе в Веселую Ясень, где она, к удивлению других артистов графа, оказалась и хорошей музыкантшей и превосходной певицей. Привольная жизнь в замке Валевского необыкновенно выровняла Улю, выгладила, и она сделалась лучшим украшением Веселых Ясеней.

VI

ВМЕСТО ЦВЕТКА – БРИЛЛИАНТ

*Кого же утро не смутит!
Чье сердце не забьется,
Когда листва зашелестит,
Восток зарей зажжется!*

Красов

Как только свечерело, назначенное катание на шлюпках состоялось. Это была вполне барская потеха. На протяжении версты с лишком по течению Березины раскинулись разукрашенные зеленью и цветами шлюпки, в которых помещалось десятка четыре гостей Валеvского. На передней шлюпке в бархатных кунтушах ехали трубачи. За ними тянулась шлюпка с певцами и певицами. Затем уже скользили шлюпки с гостями. Сам граф с певицей Улей и с двумя какими-то шутами, старавшимися смешить графа, сидел в отдельной лодке. По его знаку на передней шлюпке грянули трубачи. Березину точно всколыхнуло. Где-то далеко, на левом берегу, начало отзываться эхо, переливаясь и перекатываясь подобно глухому барабанному бою, так что казалось, играет не один хор трубачей, а несколько. Трубачи играли недолго, оборвав быстро, кроме охотничьего рожка, который долго держал дрожащую грустную ноту и слился с голосами певцов, затянувших хор из модной в то время оперы «Павел и Виргиния». До поздних сумерек шлюпки скользили по водам Березины. На долю хорошенькой Ули снова выпал большой успех. Вечером в залах – тоже. Казалось, все как будто сговорились восхищаться только одною ею. Графа это тешило, и он от души был рад, что угодил своим гостям. Пирушка продолжалась до рассвета. С рассветом гости кое-как разбрелись по своим местам.

Графу не спалось. Отослав слугу спать, он вышел в сад. Старое венгерское туманило его голову и волновало кровь. Пробираясь липовыми и кленовыми аллеями в глубину сада, он раз десять твердил одну и ту же венгерскую поговорку, касающуюся этого старого, любимого в Польше напитка:

– Нет напитка, кроме вина! Нет вина, кроме венгерского! Нет венгерского вина, кроме того, которое воспитано в Польше!

Повторяя это, граф насвистывал и чувствовал, что он еще не скоро покончит с любимым напитком. В жилах его еще текла горячая кровь. Графу Ромуальду было ровно пятьдесят лет, но он был бодр, здоров, румянец не сходил еще с его щек, и еще ни одна сединка не пробралась в его голову и в его длинный ус. Он глядел молодцом и красавцем. Он был вдов. Не одна маменька, имевшая взрослых дочерей, смотрела на графа с тайной, смутной надеждой, но граф решил остаться одиноким вдовцом. На это у него были какие-то свои причины, о которых никто не знал. Граф много шалил на своем веку, дрался даже раз шесть на дуэли из-за каких-то вольных красавиц Варшавы и Парижа, и эта привычка к шалости еще не угасла в нем.

Заря занималась все более и более. Висевший над Березиной туман редел. Какая-то птичка проснулась первая над самой головой графа в ветвях громадного вяза и запела с такой торопливостью, как будто старалась скорее отделаться. Вокруг графа все было пусто. На пути ему попадались одни влажные от росы скамейки. Потянуло холодом – графа обдало дрожью, но он продолжал углубляться и был уже в парке. На повороте одной дорожки, сквозь деревья, ему кинулась в глаза освещенная зарею часть какого-то домика. Граф совершенно машинально начал приближаться к домику и припомнил, что он в нем поместил хорошенькую певицу. Легкая улыбка скользнула по губам графа, он повернул и хотел было идти назад, но остановился в раздумье и пошел дальше. Первые лучи солнца уже пробрались в парк и, сквозя между деревьями, ложились яркими полосами на землю. В траве закипела жизнь. Граф медленно двигался к дому, не то в раздумье, не то в каком-то благодушном настроении счастливого здоровьем человека. Ему дышалось легко. К домику певицы, потонувшему в зелени, с более крупной дорожки вела дорожка узенькая с кустами жасмина по сторонам. Только что граф повернул на эту дорожку, как лицом к лицу встретился с Улей. Граф, удивленный, остановился. Уля немного перепугалась. Она смотрела на графа – и из больших глаз ее светились лучи доброго и робкого света.

– Как рано встаете! – заметил граф, заговаривая с ней почти в первый раз со времени приезда ее в Веселую Ясень. Граф

своих артистов видел редко и почти не знал: это было дело управляющего. Уля среди них не составляла исключения. Граф только удивился ее голосу. В первый раз он обратил на нее особенное внимание вчера. «Гм! – подумал он тогда, – красавица, достойная внимания!»

Уля стояла перед ним с непокрытой головой, в белой холстинковой курточке, обшитой золотым позументиком; синяя юбка спускалась до земли. В этом бедненьком наряде Уля казалась особенно милой и полной здоровой свежести. Все это не ускользнуло от пытливого взгляда графа, и он молча и несколько бесстыдно любовался ею. Уля краснела до ушей и не знала, куда девать свою особу. Чтобы хоть несколько успокоить смущенную девушку, граф разговаривался.

– Хорошо вам у меня? – спросил он.

– О, совсем хорошо! – произнесла искренне Уля.

– А чем?

– Граф добр ко мне и ко всем.

– А еще?

– Такой жизни, как у графа, я прежде не знала.

– А петь тебе не трудно? – Граф подчеркнул слово «тебе» и произнес его с особенной ласковостью в голосе, что, впрочем, Уля не заметила, так как тонкости языка были ей чужды.

– А это у тебя что? – обратил граф внимание на грудь певицы, хорошо округленную, здоровую, на которой в крошечной петельке курточки торчал французский ноготок.

– О, это цветок, граф! – переконфузилась Уля, так как палец графа слегка коснулся ее груди.

– Брось его.

Уля медленно вынула из петельки ноготок, помяла его в руке и кинула в сторону.

– Взамен ноготка вот мой маленький подарок.

Граф вынул из борта своей серой суконной венгерки крупную бриллиантовую булавку и пришил ее к груди певицы. Та окончательно растерялась. Граф вздрогнул раза два, как человек, пронимаемый холодом, потер руки и попросил Улю, если есть, напоить его кофеем.

– О, то можно, граф, у меня есть! – заторопилась Уля, точно радуясь, что и ей представился случай услужить графу, и просто душно веря, что граф в самом деле продрог.

Граф последовал за Улей в ее домик, стараясь держаться сзади: он не мог отказать себе в удовольствии видеть девушку именно в таком роде. Уля шла тяжело, ступала крепко, и при этом стан ее своеобразно качался. Оригинальность эта, соединенная с неуклюжестью, графу нравилась: он не сводил глаз с молодой девушки.

Солнце стояло уже высоко, когда граф вышел из домика певички. Вид он имел утомленный, и лицо его краснело пятнами. Заспанный слуга искал графа по саду. Оказалось, что к графу прискакал из Гродно посланный. Это был малый из татар, которые в то время служили у литовских помещиков передатчиками писем и посылок. Друг графа, через посланного, сообщил о переходе Наполеона через Неман в пределы России, и предупреждал, чтобы граф остерегался победоносных гостей, так как они с имуществом обывателей не церемонятся. Новость эта графа несколько не удивила. Что Наполеон будет в России – он знал. Знал также и то, как служивший в армии Наполеона, что солдаты его привыкли к своевольству и грабежу. Зато новость эта обрадовала многих из гостей графа. Большинство поляков видели в Наполеоне какого-то своего спасителя.

В полдень того же дня в графский замок прискакал новый курьер. Это был русский офицер из второй армии.

Граф Сен-Пьер, начальник штаба второй армии, любезно сообщал графу из Бобруйска, что в Веселой Ясени, по маршруту, назначена временно главная квартира второй армии. В заключение граф просил графа не оставить начальника второй армии, князя Багратиона, своим гостеприимством.

С тем же посланным граф Валевский с не меньшей любезностью отвечал Сен-Пьеру, что он рад дорогим гостям.

Гости графа, узнавшие об этом, поторопились убраться во свояси. Они вовсе не считали русских дорогими гостями.

IX

В САДУ

Как очаровательна природа и как злобны люди!

Руссо

Замок графа Валевского, в течение многих лет наполнявшийся громом чар да криком пирующих гостей, наполнился вдруг совершенно иным громом и совершенно иными криками: по всем залам его раздавалось звяканье шпор, сабель, ружей и слышались голоса военных людей. Все это торопилось, бегало, кричало, приказывало. У замка ежеминутно грохотала пальба и трещали барабаны. Войска и обозы тянулись мимо Веселых Ясеней и точно пропадали в его лесах, по его пустынным дорогам.

Весь этот шум и гам происходил оттого, что в замке находился князь Багратион – главнокомандующий второй армией – с блестящим своим штабом.

Князь шел из Пружан. Выйдя оттуда для соединения с первой армией, он быстро был окружен неприятелем и должен был брать всякий свой шаг вперед с бою. Положение его было поистине критическое. Он расчел марши свои так, что двадцать второго июня главная квартира должна была быть в Минске, авангард далее, а партии уже около Свенцяи. Но его, по предписанию Барклая, повернули на Новогрудок и велели идти – или на Белицу, или на Николаев, перейти Неман и тянуться к Вилейке. Князь пошел, хотя и писал, что этим путем идти невозможно, так как три неприятельских корпуса уже были на дороге к Минску и дороги сами по себе были непроходимыми. В Николаеве князь перешел Неман. Но оказалось, что в Волочине, куда должны были направляться войска, была уже главная квартира Даву, и князь рисковал потерять ее. Он снова кинулся на Минскую дорогу, но и та была уже занята войсками короля Вестфальского и Понятовского: князь направился к Бобруйску.

Раздраженный неопределенным положением, теснимый со всех сторон неприятелем, князь затеял горячую переписку с главной квартирой первой армии, в которой предлагал решительные меры и желчно сетовал на Барклая. Ему мало внимали.

Князь злился и даже несколько раз совершенно искренно отказывался от командования второй армией.

В Веселых Ясенях князь получил уведомление от Ермолова, что соединиться армиям желательно бы в Смоленске.

– Боюсь, – сказал он при этом графу Сен-При, – чтобы и в Смоленске меня не обманули. Я приду туда, а их уже там и не будет.

– Неужто Ермолов шутит! – произнес Сен-При. – Не думаю, князь.

– А! Христос с вами! – и он уже сделался дипломатом на все руки, мой любезнейший! Не верится что-то и ему! – недовольным тоном заметил князь. – Сами видите, граф, как дела идут. Мы проданы. Я вижу, нас ведут на гибель. Я не могу на все равнодушно смотреть. Уже истинно еле дышу от досады, огорчения и смущения. Я, ежели выберусь отсюда, тогда ни за что не останусь командовать армией и служить. Стыдно носить мундир. Ей-Богу, я болен! А ежели наступать будут с первою армиею, тогда я здоров. А то, что за дурак! Министр сам бежит, а мне приказывает всю Россию защищать и бить фланг и тыл какой-то неприятельский. Если бы он был здесь, ног бы своих не выдрал, а я покуда выхожу с честью.

– Это точно, князь, что нас поставили здесь в положение каких-то беглецов, – сказал Сен-При, – и благодаря только вам мы довольно удачно увертываемся от неприятеля.

– Беглецов! именно – беглецов, граф! – воскликнул Багратион, играя нагайкой, которая висела у него через плечо. – Я волосы деру на себе, граф, что не могу дать баталии! Хорошая баталия хоть несколько бы остановила пыл Бонапарта, хотя, говорят, он только и желает того, чтобы сразиться с нами!

– Я тоже нахожу, князь, что баталия необходима, – проговорил Сен-При с выражением сдержанного недовольства на что-то и на кого-то. – Тут бы Суворова надо, не Барклая, – с тонкой, хорошей усмешкой заметил далее граф.

Крепкое, старое лицо Багратиона, с полузакрытыми, мутными, как будто не выспавшимися глазами, мгновенно оживилось. Багратион боготворил Суворова. Первые успехи князя совершились именно под знаменами великого русского полководца, который подарил ему даже свою шпагу, видя в нем своего преемника. Князь Багратион гордился этим подарком, и точно, честолюбивый, смелый, умный, но почти ничему не

учившийся, избалованный счастьем, считал себя таковым. Намек графа Сен-При польстил ему.

– Суворова! – именно Суворова, граф! – подтвердил горячо Багратион. Глаза его из мутных каким-то внутренним оживлением вдруг превратились в ясные, твердые, с выражением ястребиной хищности и презрения. Горбинка его длинного восточного носа слегка вздрагивала. – Суворова! – именно Суворова, граф! – повторил Багратион, произнося слова со своим восточным акцентом. – О, Суворов бы напомнил Бонапарту силу русского оружия, как он напоминал ее в Италии! Но его нет... нет, граф! И русская сила с течением обстоятельств находится в руках человека, который стоит ниже своего назначения!

Князь намекал на Баркляя, которого издавна не любил. Сен-При слушал Багратиона с тем вниманием, которое ясно говорило, что он согласен со всем тем, что слушает.

Князь с графом долго еще говорили по поводу текущих событий и почти во всем соглашались. Граф Сен-При был в высшей степени способный человек, а такие люди имели на Багратиона влияние и нередко злоупотребляли его доверием. Граф был тонко любезен, льстив. Грубоватый князь поддавался чарам этой любезности и лести. Хорошо воспитанный человек имел дело с простой, способной натурой, и воспитание как-то само собою брало верх.

Вечерело, июньский день подходил к концу. Вошел адъютант Багратиона, бравый, краснощекий, с веселым выражением в лице полковник Муханов и доложил князю, что хозяин дома, граф Валевский, просит откусать его хлеба-соли.

Князь только тут вспомнил про хозяина и даже забыл, что он не видал его совсем. Условия военной жизни, торопливость, с которою главная квартира переходила с места на место, лишали Багратиона возможности вообще любезного и предупредительного, повидаться с хозяином дома. Впрочем, граф Валевский и сам почему-то нигде не показывался.

При встрече Валевский и Багратион обменялись обычными любезностями, причем последний извинился, что за множеством хлопот он не успел еще доселе повидаться с ним. Граф, в свою очередь, извинился, что он принимает гостя не так, как бы следовало.

Ужин прошел довольно торопливо, но отчасти и весело. Любезнее всех был сам хозяин. Он рассказывал несколько весьма грубых, но переданных изящно анекдотов про Наполеона. Багратион смеялся. Все вторили ему. Оркестр беспрестанно наигрывал то один польский: «Александр, Елизавета, восхищаете вы нас», то другой: «Гром победы, раздавайся». В заключение было пито шампанское, провозглашен тост за здоровье императора Александра, потом за здоровье самого князя Петра Ивановича Багратиона, причем по заранее сделанному распоряжению услужливого графа Сен-При, один из певчих Валевского прочел давние, глупые стихи поэта Николаева, написанные в честь Багратиона, когда он возвратился из австрийского похода.

Славь тако Александра век
И охраняй нам Тита на престол.
Будь купно страшный вождь и добрый человек,
Рифей в отечестве и Цесарь в бранном поле.
Да счастливый Наполеон,
Познав чрез опыты, каков Багратион,
Не смеет утруждать Алкидов русских боле.

Князю понравилась эта грубая лесть: она напоминала ему прием, сделанный ему же в Москве в Английском клубе в 1809 году, но он почел за нужное сказать, обращаясь к Валевскому:

– Граф, напрасно... это уж лишнее...

Валевский на это любезно улыбнулся и махнул по направлению к сцене носовым платком.

Оттуда послышалось тихое, невидимого хора, пение:

Тщетны Россам все препоны,
Храбрость есть побед залог, –
Есть у нас Багратионы,
Будут все враги у ног!

Князь несколько переконфузился. Кто-то крикнул «ура». За ним повторили другие. Багратион, веселый, с блистающими глазами, слегка раскланивался...

На другой день было назначено выступление главной квартиры по направлению к Чаусам, и потому, как сам Багратион, так и его штаб, скоро разошлись, поблагодарив хозяина за гостеприимство.

Скоро в замке все успокоилось. Но по берегам Березины и вокруг замка посты бодрствовали. Кое-где горели костры и поминутно раздавалось протяжное «слу-ша-ай»!..

Наступившая ночь была светла, как день. Сад, окружающий замок, стоял точно околдованный. Деревья не шевелились. Широкий садовый пруд лежал неподвижным стальным пластом, величаво отражая в лоснящейся мгле своего глубокого лона и всю воздушную бездну неба, и опрокинутые темные деревья, и часть замка. Круглый лик полной луны то отражался ясно в пруде, то вытягивался в длинный, сверкающий блестящими снопом. На одной из дорожек сада показался Валевский. Он был в своей неизменной венгерке и шел медленно – он шел к домику Уленьки по той самой дорожке, на которой он встретил свою певицу поутру несколько дней тому назад. Дорожка эта стала графу особенно мила своей пустынностью, и он не пропускал уже случая, чтоб не прогуляться там – особенно ночью...

Князь Багратион имел обыкновение вставать очень рано. Вставая, он никого не беспокоил, сам одевался и выходил на прогулку.

Солнце только что поднялось из-за далеких лесов. Князь вышел в сад и начал ходить медленно по всем дорожкам, прислушиваясь к шуму расположенных по Березине и поднимающихся в поход отрядов. Чуткое ухо его различало все распоряжения и команды, до него доносился звук оружия, крик солдат и ржание лошадей. Потом все это смолкло, но слышался тупой гул от двигавшихся масс людей и обозов. Отряды уходили торопливо, и потому вскоре стало вокруг тихо. Недавно вставшее солнце неярким светом пробиралось в сад. Заблестели росинки, засверкали и зардели крупные капли, задышало все свежестью утра. На ближних полях раздались рассыпчатые голоса жаворонков. Мокрая трава пахла, и чистый летний воздух переливался прохладными струями. Хорошо стало князю. Грудь его дышала легко, ровно. Он сел на скамейку под громадной серебристой тополью и с наслаждением прислушивался к пробуждающимся звукам утра. Вот, не торопясь, точно перекликаясь, затараторили почти над самой его головой две птички. Вот зашелестела густой своей листвою тополь, и князю показалось, что вдруг заспорило несколько человек чуть слышным шепотом. Вот затрещали в высохшей траве кузнечики, вот запела, точно зарыдала о покинутом счастье, пеночка...

«Как очаровательна природа и как злобны люди!» – припомнил князь – сам один из злобствующих – слова Руссо.

Вдруг до его слуха донеслись неясные звуки струнного инструмента. Князь прислушался и различил, что кто-то играет на цимбалах. Звуки усиливались, трепетали и переливались, и потом как-то враз, целым потоком пронесли по саду.

Князь поднял голову, насторожил ухо. Звуки не прекращались.

– Что это – сон? Нет, нет... – прошептал князь и вдруг, порывисто встав, направился в ту сторону, откуда слышалась игра на цимбалах...

Х

НА СКЛОНЕ ЛЕТ

*В ее очах, алмазных и приветных,
Увидел он, с невольным торжеством,
Земной эдем!.. Как будто существом
Других миров – как будто божеством
Исполнен был в видениях заветных.*

Полежаев

С того самого утра как граф Валевский, встретившись с Уленькой, выпил у нее несколько чашек кофе, те маленькие комнатки, где она помещалась, необыкновенно преобразились. Прежде пустые и скучноватые, они теперь были наполнены всякого рода дорогими безделушками и дышали той уютной роскошью, которой умеют обставлять свои жилища только одни женщины. С радостью, свойственной неожиданно разбогатевшему человеку, Уленька по несколько раз в день, на первых порах, пересматривала и перебирала особенно нравившиеся ей вещицы, вертела их в руках, любовалась ими, старалась разгадать, как и из чего они были сделаны. При этом цыганская порода ее сказалась вполне: она более всего восхищалась блестящими или ярко раскрашенными предметами. Красный цвет она предпочитала всем другим.

Граф Ромуальд от души смеялся над этим вкусом своей певицы и не препятствовал ей обставлять комнаты по ее желанию.

Изменилась несколько и сама Уленька. Она стала более резвой и веселой, играла и пела более чем прежде. Граф Валевский по целым часам слушал ее молча и улыбаясь. Ему нравилась эта маленькая идиллия, начатая так недавно и так мило отзывавшаяся в его сердце.

В первое утро граф просто хотел пошалить, как он шалил обыкновенно, где бы ни был, но в то же утро к шалости примешалось какое-то новое чувство, которое не покинуло его и доселе.

Граф до мельчайших подробностей помнил все, что произошло в то утро.

Уля ввела его в свою комнатку и не знала, где посадить. В комнатке было бедно. Бледный свет утра, пробивавшийся сквозь небольшие окна, ложился на все матовыми полосами и еще более увеличивал ее невзрачность. Оглянувшись, граф брезгливо поморщился. Он никогда не заглядывал в жилища своих служащих и потому не знал, как они живут. Граф довольствовался одной наружной красотой их помещений и полагал, что и внутри так же хорошо, как и снаружи. Он оглядывался и не знал, где присесть. В комнатке стояли только табуретик да скамейка у небольшого столика. Граф уже сожалел о том, что вошел в такое помещение.

Сконфуженная и растерявшаяся Уля суетилась.

– Тут вот, пан, тут, – указывала она на скамеечку и покрыла скамеечку маленьким ковриком.

Граф не сел. Тонкая неподвижная улыбка не сходила с его губ. Он все оглядывался.

– О, граф! Тут у меня все так не хорошо, не прибрано, – извинялась Уля, – да я ж не знала, что граф заглянет ко мне, а то я бы прибрала.

Уля говорила своим порывистым, но мягким голосом, напоминавшим звуки виолончели. Звуки этого голоса как-то странно, но вместе с тем приятно щекотали ухо графа. Он сел на скамеечку, но осторожно и медленно.

Рассветало все более и более.

– О, я сейчас, сейчас подам графу кофе! – сказала Уля и скрылась за дверью, шелестя своим платьем.

Не переставая улыбаться, точно какая-то забавная мысль не покидала его, граф обернулся к окну и совершенно машинально распахнул его. В ту же минуту с соседних деревьев с гром-

ким щебетаньем сорвалась многочисленная стая воробьев и уселась, толкаясь и пища, на подоконниках флигелька. Более всего их вертелось у распахнутого оконца; некоторые, более смелые, совсем-таки лезли к рукам графа. Невообразимо безалаберный писк одушевлял всю эту массу маленьких храбрецов. С каждой минутой их прибывало все более и более – они сыпались откуда-то точно проливной дождь.

– Вполне идиллия! – произнес граф, отыскивая глазами, что бы можно было посыпать крикливым гостям.

На глаза ничего не попадалось. Вошла Уля с засученными по локоть рукавами. Опытный глаз Валевского сейчас же заметил красоту этих засученных рук.

– Прочь, прочь вы, негодные! – замахала Уля руками на воробьев. – Прочь, А вот я ж вас! А вот я ж вас! – продолжала она махать руками, так как воробьи и не думали покидать окна, а, напротив, несколько из них, из назойливейших, влетели даже в комнатку и шныряли повсюду.

Графа это заняло.

– Нет, вы не гоните их, зачем же?

– Да ведь они ж мешают графу.

– Нисколько, право, нисколько, – говорил граф, следя за изгибами махающих Улиных рук. – Им бы что-нибудь посыпать, хлеба, зерен. У вас есть?

– Вот тут хлеб – крошки, вот они.

Уля вытащила из-под столика ящик с крошками хлеба и метнула горсть за окно. Часть воробьев, шурша крыльями, устремилась туда.

– А, да это интересно! – сказал граф. – Позвольте мне самому их накормить, а вы уж похлопочите о кофе.

Почти с полчаса граф возился с воробьями: кидал им крошки, прислушивался к гневному их щебету, любовался их возней. Чашка кофе уже стояла перед ним, а сама Уленька, как-то успевшая переодеться, ожидала, когда граф перестанет забавляться прирученными ею буянами-воробьями.

Наконец граф обернулся к Уленьке.

– О, да сколько у вас друзей, моя маленькая! Право, я вам завидую. В таком пернатом обществе, с такими крикунами, я думаю, вам превесело.

Уля, краснея, объяснила, что воробьи ее очень любят и каждое утро и каждый вечер собираются у ее окон, и что они, правда, много развлекают ее.

Граф прихлебывал кофе и не сводил глаз с Уленьки. Сверх ожидания, кофе оказался превосходным. Граф попросил другую чашку. Уленька торопливо принесла. За второй граф выпил третью чашку. Комнатка бедной певицы начала казаться ему занимательной, даже в своем роде приятной.

«Странно, – думал он, – что я до сих пор не обращал на эту девушку внимания! Черты ее лица очень хороши и напоминают облики древних изваяний. Плебейка – и такое сокровище! Впрочем, тип у нее несколько цыганский, однако ж она напоминает и нечто греческое или, в крайнем случае, грузинское, вообще – что-то восточное».

Он еще внимательнее, точно вещь, начал разглядывать Улю. Та поняла это и зарделась до ушей, не опуская, впрочем, глаз, в которых сверкало что-то смелое до дерзости.

Граф почувствовал, что кровь приливает ему в голову, а все тело охватывает какое-то восторженное опьянение. Он встал, прошелся раза два по комнатке и сел рядом с Уленькой. Та не шелохнулась на своем месте. Граф взял ее за руку. Рука Уленьки горела, как в огне. Не то с удивлением, не то с испугом она смотрела на графа во все свои глаза и недоумевала, что с ним такое случилось.

Граф между тем был в совершенно возбужденном состоянии, что случалось с ним довольно редко. Он часто брался за голову, нервно вздрагивал и так же нервно улыбался. Уля стала страшиться за графа: ей показалось, что он болен. Она стала выражать нетерпение. В самом деле, глаза у графа в эти минуты были почти помешаны, руки судорожно дрожали, все тело вздрагивало.

Уля вдруг встала. Сильное смущение было заметно во всей ее фигуре, во всех ее движениях.

– С вами недоброе делается, граф! – сказала она дрожащим голосом.

– Что?.. что?.. – как бы очнулся граф и медленно встал.

– Я пойду... позову людей...

– Людей? Зачем! Не надо! – проговорил торопливо граф. – Я один с тобой хочу быть, один! И ты не уходи. Садись.

Граф посадил Улю на прежнее место. Та беспрекословно села, но лицо ее мгновенно нахмурилось и приняло какой-то своеобразный, решительный вид.

– А! Ты, вижу, зла, любишь кусаться! – начал граф каким-то прерывистым голосом. – Зачем это? Не будь злой. Я злых не люблю.

– Граф! Граф! – прошептала Уля. – Я девушка безродная, я одна, я девушка бедная...

– Бедная? Какой вздор! Ты так же богата, как и я... Не ты у меня в гостях – я у тебя. Да, тебя зовут Улей – Ульяной по-русски... Какой вздор!.. Ульяна... Совсем незвучно... Я буду звать тебя Реввекой... Ты не еврейка, но это все равно, по крайней мере – поэтично и звучно... Тебе нравится имя – Реввека, скажи? – приставал граф... – Реввека и Ромуальд?! Как прекрасно! Это все равно что – Ромео и Юлия!

Уля не понимала графа. Она все более и более тарасила на него глаза, что еще более раздражало графа. Граф очень хорошо понимал, что с ним происходит, и, радуясь этому настроению, проявлявшемуся у него весьма редко, как можно долее намеревался продлить его. Это было с его стороны нечто искусственное, но в то же время для него невыразимо приятное.

– Да, я буду тебя звать Реввекой! – повторил граф. – А ты... ты просто зови меня Ромуальдом. Я для тебя не граф теперь, ты для меня – не бедная певица, не танцовка, не плясунья театральная, ты для меня теперь – нечто больше всего этого... несравненно больше... Пстой! Что же ты молчишь, не отвечаешь ничего? – медленно взял граф Улю за руку:

– Реввека, говори со мной!

Уля низко опустила голову, пылая вся в лице и стараясь сохранить спокойный вид.

– О, граф! Я бедная девушка... – снова чуть слышно произнесла она и немного отвернулась от графа, так, что ему она видна стала вполуборот.

«Какой профиль! – мысленно восклицал граф. – Нет, нет, я не могу поверить, чтобы она была простой плясуньей. Тысячу раз допускаю, что она нечто выше этого».

Граф быстро шагнул к Уленьке и крепко взял ее за плечо. Та вздрогнула и стала на ноги.

– О, точно, точно Реввека! – воскликнул граф с невыразимой страстностью, откинув голову несколько назад, но не снимая с

Уленькиного плеча руки. – Античная красавица вполне! Га, черт возьми! – закричал он вдруг громко, волнуясь и порывисто дыша, – красота не должна быть в дрянном одеянии!.. Прочь все! Долой все!

На Валеvского нашло какое-то жгучее исступление. Рука его судорожно смяла в комок находившееся под ней полотно сорочки – и плечо Уленьки обнажилось.

Уленька не вскрикнула, не подала ни малейшего голоса негодования, но здоровые пальцы ее с дикой яростью впились в борт графской венгерки... Несколько мгновений граф почти задыхался...

– О, прелестное утро! Прелестное утро! – восклицал после этого утра часто Валеvский.

Почему-то осталась довольна тем утром и сама Уленька. Для нее то утро тоже прошло в каком-то угаре, и при воспоминании о нем она вся вспыхивала от удовольствия.

Для графа Валеvского сделалось чем-то необходимым посещать каждым утром – именно утром – свою Реввеку. Уленька-Реввека встречала его с той простой, милой предупредительностью, которою в совершенстве обладают любимые и влюбленные женщины. Во всем замке и в округности еще никому не было известно об отношениях графа к своей певице, хотя ни граф, ни сама Уленька вовсе не старались придавать этому особенной таинственности: граф потому, что вообще человек был бесцеремонный и открытый, Уленька – по своей врожденной простоте. Таинственность соблюдалась как-то сама собою. Впрочем, если бы отношения графа к певице и стали известны, то едва ли бы ими так интересовались, как в обыкновенное время: все были заняты Наполеоном, его войсками, предстоящими битвами, и всякий втихомолку, а то и открыто дрожал за свое имущество и за свою шкуру. Переход Багратионовой армии через Веселые Ясени еще более усугубил этот страх, все приутихло и попряталось, ожидая грозы.

Не обращал ни на что внимания один владелец Веселых Ясений и более чем когда-либо жил беспечно и забывался до опьянения в маленькой комнатке своей Реввеки, которая на склоне его лет дарила ему такие жгучие ласки, каких он не испытывал и в лучшую, молодую пору своей жизни.

– А, ты уж проснулась, моя Реввека, моя ранняя птичка! – приветствовал граф Уленьку, пробравшись к ней в утро выхода Багратионовой армии из Веселых Ясеней.

– Проснулась и ждала тебя, Ромуальд! – встретила его Уленька в утренней полосатой курточке резвым и вкусным поцелуем в левую щеку.

– Ну, и прекрасно! Ну, и прекрасно! – целовал обе ее руки граф, светло и хорошо улыбаясь.

– Ах! – вдруг воскликнула Уленька, – зачем это сюда столько солдат нашло? Так много, и все такие запыленные, сердитые! Я видела.

– На войну идут, – удовлетворил ее любопытство граф. – Драться будут с Наполеоном.

– На войну! Драться!

– Пойдут подерутся, порежут друг друга, мертвых всех – похоронят, а живые все – разойдутся, кому куда нужно.

– Ах! ах! – восклицала наивно Уленька, – Как страшно! В Москве я у солдата жила, так он тоже про войну рассказывал. Я, бывало, всегда пряталась и плакала, когда он начинал показывать, как на штыки идут. И теперь будут на штыки?

– Всего будет довольно. Впрочем, все это вздор! – сказал граф и обнял Уленьку за стан. – Ты лучше спой мне что-нибудь потихоньку или сыграй на своих цимбалах. Нынче я плохо спал. Вздремну, может быть, под твою игру.

– О, то добже, пан! – воскликнула весело Уленька. – Ложись, слушай... я буду играть...

Через минуту Уленька сидела уже на полу, подстелив коврик, с цимбалами на коленях. Она поместилась у ног развалившегося на диванчике графа.

Струны на цимбалах дрогнули – Уля начала играть. Сперва она брэнчала довольно равнодушно, сдержанно, но заунывные страстные звуки родных песен расшевелили ее понемногу, руки быстро забегали по струнам – и она заиграла громко и увлекательно.

– Хорошо! Хорошо! – шептал граф, любуясь виртуозкой, поминутно встряхивавшей своими густыми кудрями.

В самый разгар игры, когда, казалось, звуки метались, как шальные, то ноя, то взвизгивая, то замирая, чтобы разразиться с новой силою, на пороге появился князь Багратион...

ХІХ

ПРЕРВАННАЯ ИДИЛЛИЯ

*Нежданным гостем он явился,
Совсем нежданное сказал.*

Байрон

Июльское солнце высоко стояло над Веселыми Ясенями. День был жарок и душен. Полки князя Багратиона давно уже прошли далее, по направлению к Чаусам, но главная квартира его все еще оставалась в замке графа Велевского. Шла усиленная переписка с главной квартирой первой армии. Писал граф Сен-При. Писал адъютант князя Муханов. Писал сам Багратион. Главная квартира первой армии требовала столько отчетов, задавала столько вопросов, что князь Багратион, по его выражению, превратился из воина в подьячего.

Весь этот день с утра князь находился в каком-то странном настроении. Все окружающие это заметили и недоумевали. Всегда веселый и говорун, любивший пошутить и посмеяться, иногда довольно грубо и неразборчиво, князь впал в рассеянную задумчивость, рвал нетерпеливо недописанные письма, повторялся в вопросах, и что всего страннее: несколько раз среди серьезного разговора вдруг начинал насвистывать какую-то дикую мелодию, не то венгерский разухабистый марш, не то заунывную, но в то же время и лихую цыганскую песню. Он даже несколько раз отдавал одно и то же приказание и в разговоре с графом Сен-При назвал Баркляя «ленивым подпоручиком». Граф Сен-При, начальник квартиры Багратиона, хотя и был предан своему начальнику, князю, но в то же время он был человек светский, честолюбивый, имел большие связи в Москве и в Петербурге и по своим видам вовсе не разделял ненависти князя к военному министру. Он, во всяком случае, был прозорливее своего начальника и не ошибался, полагая, что в свое время теперешние кажущиеся промахи Баркляя вознаграждаются сторицею. Бауцен, Кульм, Лейпциг и Парлок блистательно доказали это. Сен-При мог так или иначе поставить такой отзыв князя о Баркляе на вид – и князю это было бы

весьма неприятно. Но князь забыл обо всем этом. Его занимали совершенно иные мысли.

Утро не выходило у него из головы.

Появившись на пороге идиллического домика графа Валевского, князь был удивлен представившейся ему картиной и стоял на пороге, не трогаясь с места. Ни Валевский, ни Уленька сперва его не заметили. Уленька продолжала играть. Валевский слушал ее молча, лежа и закинув голову назад.

Звуки цимбал начали замирать. Еще один взмах – и все кончено.

– О, Реввека! Как все это хорошо! – проговорил, точно во сне, граф Валевский. – Дикая музыка... я слышал подобную где-то в Испании, на берегах Таго, от цыганки... дикая – но она дьявольски шевелит мои нервы... Я люблю эту грусть, я люблю этот разгул: в них много жизни. Встань и подойди ко мне, Реввека.

Уленька поднялась, хотела подойти к Валевскому, но остановилась в испуганном недоумении, вытаращив глаза.

– Что же ты? Подойди, Реввека.

– Ах, пан Ромуальдо... туто... мы не одни...

Уленька запнулась.

– Что такое?– сказал лениво Валевский и медленно приподнялся.

– Прошу прощения, граф, – говорил Багратион, – что нарушил вашу семейную... семейную...

Валевский встал на ноги.

– Картину, хотели вы сказать, князь, – договорил граф.

– Пожалуй.

– О, это пустяки, князь! – произнес Валевский, несколько не смущаясь. – Это мое маленькое Тиволи. Я здесь иногда провожу по нескольку часов: отдыхаю от бурь житейских.

– Чтобы насладиться новою бурей... – заметил, улыбнувшись, Багратион.

Валевский рассмеялся:

– Вы правы, князь. Но что же мы стоим? Сядемте, князь. Реввека нам приготовит кофе. Я, князь, зову эту девушку Реввекой. Но она не Реввека, она просто Ульяна Рычагова – моя певица.

Во все время, пока говорил Валевский, Багратион не спускал глаз с Уленьки. Уленька растерялась и поторопилась выйти приготовить кофе.

По ее уходу Багратион и Валевский сидели с минуту молча. Обоим было почему-то неловко. Багратион, казалось, интересовался обстановкой комнаты. У Валевского вертелось в голове: «Зачем он зашел сюда? что ему надо? нечаянно зашел он сюда или нарочно?» Чтобы о чем-нибудь заговорить, Валевский начал:

– Хорошо ли, князь, провели у меня ночь? – спросил он.

– Превосходно, граф, – отвечал, как бы очнувшись, Багратион. – У вас все так хорошо, удобно, – продолжал любезно он. – Я очень рад, что начальник моего штаба, граф Сен-При, назначил у вас, именно у вас, граф, мою временную квартиру. Ваша внимательность, граф, ко мне выше того, чего я мог ожидать.

– Князь, это для меня лестно, – говорил с тою же любезностью Валевский. – Для лучшего сподвижника Суворова все двери должны быть отперты настежь.

– Вы разве любите Суворова? – спросил с оживлением Багратион.

– Прежде – он был мой идол, теперь – я его боготворю.

Багратион внимательно посмотрел на Валевского, несколько прищурившись и как бы что-то соображая, и вдруг спросил:

– А давно у вас, граф, живет эта певица?

– Не особенно.

– Вы ее откуда взяли?

– Из Москвы.

Князь как-то особенно тронулся всем корпусом вперед.

– Из Москвы? – переспросил он несколько удивленным голосом.

– Да, князь, – подтвердил Валевский.

– Она цыганка?

– Признаюсь, князь, совсем-таки этого не знаю, – объяснил Валевский, – да едва ли она и сама знает об этом.

– А! – протянул неопределенно Багратион. – Она, стало быть, какая-нибудь сирота, подкидыш?

– Скорее всего, князь, – подтвердил догадку Багратиона Валевский и рассказал князю, каким путем к нему попала Ульяна Рычагова.

Багратион внимательно слушал Валевского, чему последний немало удивлялся. Впрочем, решил он про себя, все знаменитые люди имеют свои странности. Имеет их, без сомнения, и Багратион. Валевскому даже подумалось: интересуясь его певицей, не интересуется ли полководец чем-либо другим и не выпытывает ли от него чего-либо другого, поинтереснее судьбы какой-то никому не ведомой певицы?

Уленька подала кофе. Она стыдилась и прятала лицо свое от Багратиона. Генерал был ей страшен, но в то же время и занимателен. Приготовляя кофе, она все размышляла о нем. Она представляла себе картину, как этот большой генерал командует полками и как ведет полки эти на войну. При этом припоминался ей и воспитатель ее, московский солдат, который в числе других генералов упоминал всегда имя и князя Багратиона.

«Так вот он какой, этот генерал», – думалось ей.

Опять Багратион не сводил глаз с Уленьки, и когда та хотела уйти, он остановил ее:

– Ты постой, красавица, не уходи. Я слышал твою игру на цимбалах. Ты играешь хорошо. Сыграй еще то же, что играла.

Уленька посмотрела на Валевского. Тот, еле заметно, мотнул головой. Певица молча взяла свой инструмент. Багратион, медленно прихлебывая кофе, опустил веки, точно не желая смотреть или о чем-то глубоко раздумывая. Валевский недоумевал, что все это значит.

Уленька села на коврик и забренчала. Струны ожили, и вскоре трепетом их наполнилась вся небольшая комнатка, где сидели Валевский и Багратион.

– Хорошо, хорошо! – шептал Багратион, все еще не поднимая век и, видимо, с большим удовольствием слушая виртуозку.

Карое лицо его при этом оживлялось все более и более. Он потом вдруг открыл глаза и уставился на Валевского.

– Граф, я солдат! – проговорил князь твердо, – и потому все и всегда говорю прямо и откровенно. Оставьте меня на минуту с вашей певицей. Она мне... дочь!..

XXIII

БОРОДИНО

*Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!
Земля тряслась – как наши груди.
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...*

М. Лермонтов

После Смоленска Наполеон искал сражения за Дорогобужем, у Вязьмы, потом у Царева-Займища, но, однако, до самого Бородино ему не пришлось вступить в борьбу с русскими.

В Вязьме Наполеон объявил войскам:

– Теперь цель наших движений – Москва, эта азиатская столица великой империи, священный город народов Александра! та Москва, где мы увидим бесчисленное множество церквей в форме китайских пагод и где мы найдем множество золота, серебра и обильное продовольствие!

Узнав о назначении Кутузова главнокомандующим, Наполеон смеялся:

– Это не тот ли старичок, который умеет отлично бегать? Га, это хорошо! Я ему еще раз дам повод бежать, только не из Баварии, а из своей Московии, за Волгу, в киргизские степи.

Наполеон и в самом деле не тревожился новым назначением, даже более: он был доволен этим назначением, весьма вероятно допуская, что новый главнокомандующий будет вынужден вступить с ним в генеральную борьбу. Барклай своим отступлением и своею осторожностью тревожил его несравненно более.

Но русские войска все еще отступали. Отступление было тяжело. Продолжительный жар и засуха утомляли войска до бесконечности. Пыль на четверть аршина покрывала собою дорогу и столбом стояла в воздухе. Люди шли, обвязав носы и рты платками. Сквозь пыль солнце казалось багровым и еще более разжигало и без того уже горячий воздух.

От Смоленска наши войска шли уже всей армией, в огромной массе, и потому продовольствие для лошадей доставать было трудно. Овсу цены не было. Продовольствие для людей добывалось даром. Для говядины ловили и забирали рогатый скот, овец и свиней. Жители не только не противились, но даже предлагали брать все, говоря:

«Берите, батюшки, берите, родные, чтобы не досталось французу».

Французы ломались на русских бодро и смело. Русские, со времени назначения Кутузова, были уверены, что вскоре сражение произойдет страшное, но нисколько не унывали.

При отступлении от Смоленска арьергард наш плохо удерживал напор французов, и потому армия, отступая, принуждена была идти без разбора и днем и ночью. Кутузов усилил арьергард, который каждый день по возможности удерживал французов, и армия регулярно поутру подымалась, днем имела привал, а вечером, в свое время, останавливалась на ночлег.

Это нравилось солдатам, и они говорили:

«Не успел приехать старик Кутузов, как уж пошли другие порядки».

Сперва Кутузов решил дать сражение у Колоцкого монастыря близ Гжати, производилось даже построение укреплений, но потом позиция для обеих армий была назначена далее, на одиннадцатой версте, не доходя г. Можайска, при селении Бородино, лежащем в четырех верстах от Москвы-реки.

Кутузов часто объезжал армии. Сидя верхом на своей небольшой гнедой лошади, в сюртуке без эполет, в белой фуражке и с казачьей нагайкой через плечо, он хитро и пристально ко всему приглядывался и плутовато посвистывал.

«С такими молодцами все отступить да отступить!» – приговаривал он при этом.

Отступление наше от Гжатска до Бородино было не что иное, как продолжительное сражение с небольшими роздыхами. Французы продвигались вперед медленно, по трупам своих товарищей.

Бородино принадлежало тогда Денису Давыдову, известному партизану. В своем же имении он, с благословения Багратиона и с разрешения Кутузова, получил право на партизанство. Вместе с Сеславиным и Фигнером он не мало наносил вреда неприятелю.

Замечательно, что на равнине Бородино струятся четыре речки с названиями: Войня, Колоча, Стонец и Огник.

Дойдя до полей Бородинских, французская армия вдруг распахнулась направо и налево: представились необозримые движущиеся толпы, кажется, полягнулись под множеством конницы, леса наполнились стрелками, пушки вытянулись из-за кустов.

«Теперь ни шагу назад!» – произнес Кутузов, остановясь при Бородино.

«Мы назовем эту битву Московской!» – сказал Наполеон, видя приготовления русских к битве.

Осматривая ряды нашего войска и приметя непоколебимое мужество, отразившееся на лицах солдат, Кутузов, улыбаясь, шутил: «Французы переломают над нами зубы – я знаю это верно». Накануне роковой битвы с утра все приготавливалось для ее: артиллерию развозили по местам, солдаты острили штыки, белили портупей, будто готовясь на парадный смотр. Жизнь, готовая скоро остыть, кипела еще вполне...

Настал полдень. Вдруг среди русских войск раздалось стройное, священное пение стихир: «Заступница наша усердная» – это носили по приказанию Кутузова чудотворную икону Смоленской Божией Матери. Шли молебны. Кутузов несколько раз прикладывался к иконе, за ним прикладывались все по порядку. Неприятели с насмешкой смотрели на эту благоговейную картину молебствия русских, называя это изуверством. Мечты о славе и победе заменяли им молитву.

В их рядах раздавались разноязычные песни, хохот, хлопанье пробок из бутылок и шумные восклицания. Играли в шtos и любезничали с авантюристками.

Сам Наполеон проснулся в этот день довольно рано. Он был совершенно спокоен, даже в хорошем расположении духа. Накануне вечером, когда приказания были отданы, он провел несколько приятных часов наедине с графиней Валевской. Любезная красавица графиня, бывшая незнакомка в черном покрывале, уже не покидала Наполеона и развлекала его в одиночестве. Графиня была восхитительна, не пророчествовала уже более бед, напротив, предсказывала Наполеону блестящие победы.

– Вы уверены? – смеялся Наполеон.

– О, император! – восклицала раскрасневшаяся графиня. Император трепал графиню по щеке.

В свою палатку графиня ушла только на заре, оставив в императоре ощущение приятно проведенного времени.

Император натирался одеколоном, когда ему доложили о приезде из Парижа гонца. Гонец привез императору радостную весть. Императрица подарила ему наследника. Портрет маленького сына Наполеона, почему-то названного королем Рима, был выставлен у палатки. Наполеон, любясь сыном, чуть не прослезился. Тут же присутствовавшая графиня с особенным вниманием следила за императором. Затем Наполеон приказал вынести портрет к войску.

– Виват, император! Виват, король римский! – кричала армия, увидав изображение маленького римского короля.

Императору подан был завтрак. Пуншу было выпито им более обыкновенного. После завтрака он продиктовал приказ армии.

«Воины! – говорилось в этом приказе. – Вот сражение, которого вы столько желали. Победа зависит от вас. Она для нас необходима: она доставит нам все нужное – удобные квартиры и скорое возвращение в отечество. Действуйте так, как вы действовали при Аустерлице, Фридланде, Витебске и Смоленске. Пусть позднейшее потомство вспомнит с гордостью о ваших подвигах в сей день. Да скажут о каждом из вас: он был в великой битве под Москвою».

Окончив этот приказ, император отправился кататься верхом. Он осмотрел поле сражения, выслушал замечания нескольких маршалов о предстоящей битве и, отдав приказания, возвратился в свою палатку. Вечером он во второй раз поехал по линии.

– Шахматы поставлены, игра начинается завтра, – сказал он, обращаясь к своему дежурному адъютанту Раппу.

– Да, игра будет достойная вашего величества, – отвечал Рапп.

Выпив пуншу, Наполеон прилег отдохнуть, но ему не спалось. Тревожное чувство волновало его. Он вышел в теплом пальто и стал бродить около палатки. Легкая женская фигура подошла к нему.

– Вы, графиня? – спросил император и, не дожидаясь ответа, продолжал, взяв графиню за руку:

– Завтра предстоит ужаснейшая битва, вас не пугает это, дитя мое?

– За победными знаменами вашего величества страха не существует, – отвечала тихо графиня.

– Гм! – промычал император. – Мне бы хотелось услышать от вас что-нибудь более толковое, чем эти общие места моих солдат. Говорят, что женщины прозорливее мужчин. Ну, вы, прозорливица, – произнес император несколько грубо и раздражительно, – скажите: что обещает завтрашняя битва?

– Вы хотите знать истину, император?

– Одну истину.

– Солнце Аустерлица не взойдет над полями Бородино! – сказала медленно графиня.

– Подите прочь! – почти вскричал император, кидая руку графини. – Не ваше место здесь!

Графиня скользнула куда-то в сторону.

Ночь была темна и непроглядна. На биваках обеих войск пылали бесчисленные огни, метавшие багряное зарево свое на далекое пространство. Пламя, отражавшееся на небе, как бы предзнаменовало пролитие крови на земле. Часовые расхаживали взад и вперед, всадники, проезжая с фуражом, раздавали сено и овес. Вокруг каждого костра стояли, сидели и лежали отдельные кучки воинов. В иных местах слышался стук от рубки дров, ломание сараев и заборов. Все толковали о предстоящем деле. Все на стороне русских предполагали, что будет славное дело. Наполеон и его солдаты – не шутка. Но страха как-то не замечалось. Солдаты как-то сроднились с мыслью о смерти, мало кто думал выйти из этой войны целым: не сегодня, так завтра убьют или ранят.

Кутузов был невозмутим. Распоряжения делал спокойно и не торопясь. Лежа на грубой постели в крестьянской избе, он долго читал какой-то французский роман, по временам отрываясь от него, чтобы выслушать какое-либо донесение. Вид он имел, однако ж, какой-то утомленный, сонный, точно его вовсе не занимало предстоящее дело.

На долю князя Багратиона выпал левый фланг. По расположению позиции Кутузов очень хорошо знал, что силы французов более всего устремятся на Шевардинский редут. Кроме князя Багратиона, никто не мог удержать подобной позиции.

Багратион поместился в сарае. Сарай был высок и помещителен. Там была его квартира, в которой вместе с ним помещился адъютант его, князь Федор Гагарин, и граф Ромуальд Валевский с Уленькой Рычаговой, нарядившейся в казацкий кафтан. Казацкий наряд очень шел молодой смуглянке, и редко кто подозревал, что грубый казацкий кафтан прикрывает высокую девичью грудь.

Тревожен и угрюм был Багратион накануне Бородинского сражения. Тоска тревожила его. Он не находил себе места и вследствие этого отдавался самой горячей деятельности.

Кутузов завернул к нему и удивился деятельности князя, не было сомнения, что князь все предусмотрел и в нем неприятель встретит защищающегося льва.

– Благодарствуйте, Петр Иванович! – низко поклонился ему Кутузов. – Авось, Бог даст, и отблагодарим Бонапарта за все про все.

Князь пожал только руку старика.

До поздней ночи Багратион возился с Давыдовым, который спрашивал инструкций и советов. В эту ночь Давыдов должен был отправиться на свои партизанские набеги.

Князь наконец прилег отдохнуть. Но ему не спалось, как не спалось, без сомнения, тысячам людей, наводнившим дотоле неведомые поля Бородино. Думы одна другой мрачнее лезли в голову князя. Он припоминал прошлое, настоящее и сам не мог объяснить причину своей печали.

«Неужто я буду завтра убит? – мелькало в голове князя. – Но ведь завтра не седьмое сентября!»

При этой мысли князь даже рассердился на себя.

– Какой глупец! Какой глупец! – сказал он уже вслух.

При всем, однако ж, желании отделаться от глупых мыслей глупые мысли решительно одолевали его. Он припомнил давнишнее предсказание Иванчеева. «Ведь сбылось же! – вертелось в его голове. – Отчего же это не может сбыться!»

В полночь в сарай вошел Валевский с Уленькой. Он всюду бродил и все показывал Уленьке, которая с любопытством, превышающим самый ужас, осматривала грозные приготовления к бою.

– А, граф! Вы? – встретил его Багратион, привстав с какой-то наскоро приготовленной постели.

– Что, князь! Ведь битва-то будет чертовская! – сказал Валевский.

– Полагаю.

– Не отправить ли нам нашего героя, – Валевский мотнул головой в сторону Уленьки, – куда-либо в безопасное местечко?

– Ни за что! – вмешалась Уленька, геройски поднимая голову с загорелыми до темноты щеками и глазами, блестящими, как огоньки.

– Видите, граф, – произнес Багратион, глядя искоса на дочь, – что ваша защита ни при чем. В ней багратионовская кровь, и она, я думаю, не испугается бородинских пуль, как не испугалась пуль смоленских.

Князь махнул рукой и закрыл глаза, показывая вид, что хочет спать. Валевский с Уленькой отошли. Они вскоре, улегшись на своих местах, заснули. Багратион не спал. Полежав, он вышел из сарая, прошелся по редуту, поговорил с солдатами. Возвратившись, он посмотрел на спящую Уленьку, поцеловал ее тихо, медленно прошелся раза два по сараю и лег. Сон охватил его как-то сразу.

В половине шестого утра раздался первый выстрел со стороны французов. До этого времени Наполеон, проснувшийся рано, беспрестанно посылал узнать: не уходят ли русские? И, получив удовлетворительный ответ, повторял:

– А, это хорошо!

В пять часов утра прискакал к Наполеону курьер, посланный от маршала Нея, с известием, что русские выстраиваются уже на месте, готовые к бою.

– Лошадь мою, лошадь! – воскликнул Наполеон. – Пойдем отворять московские ворота!

Окруженный своими маршалами, он вскоре был уже на высотах села Шевардина.

Раннее утро было холодно и пасмурно, и сквозь нависший на землю туман чуть видно было движение массы враждующих армий.

Наполеон увидел, что здесь собраны были все силы русских.

– Сквозь этот туман, – сказал он, – я думаю, взойдет аустерлицкое солнце, – и запел:

О, эта победа

Откроет нам путь!

На востоке вспыхнуло яркое солнце. День обещал быть прекрасным. Лучи ослепительно заиграли на меди пушек и скользнули по смертоносной стали штыков и ружей.

– О, я говорю, что это аустерлицкое солнце! – снова воскликнул Наполеон, наподобие актера простирая к солнцу руку.

– Да здравствует император! – отвечали ему солдаты. – Мы взяли Вену, Берлин, Мадрид, Рим и Неаполь – возьмем и Москву!

Совсем иначе вел себя его соперник, Кутузов.

Он с ранней зари находился на возвышенном месте, в деревне Горках. Обозревая оттуда всю местность, он хладнокровно расставлял свои полки, чувствуя всю важность битвы, и говорил начальникам войск:

– Сберегайте резервы, кто их сохранил, тот еще не побежден, наступать колоннами и быстро действовать штыками.

Наших солдат поставили в боевой порядок, им прочитали краткое воззвание главнокомандующего, самое важное и впечатлительное выражение в котором было: «за нами Москва».

Все расположения были уже сделаны, все предусмотрено и обдумано. Никакому поэту и художнику не нашлось бы безопасного места, откуда бы он мог наблюдать за картиной сражения.

Первое французское ядро упало на то место, где Кутузов ночевал.

Войско наше, в глубоком, но грозном безмолвии, двинулось против врагов. Французы, со штыками наперевес, перешли за реку Колочу, – и вдруг раздался гром из нескольких сот огнедышащих жерл. Наши отвечали тем же. Пошла страшная трескотня канонады: казалось, что громаы воздушные уступали место громам земным. Войска сшиблись, и густые клубы дыма, сквозь который прорывались снопы пламени, закутали их. Огненные параболы гранат забороздили небо, понесся невидимый ураган чугуна и свинца. Столкновение противников было самое ожесточенное. Остервенение не имело пределов. Многие из сражавшихся, побросав свое оружие, сцеплялись друг с другом руками, раздирали друг другу рты, душили друг друга в тесных объятиях и вместе падали мертвыми. Здесь бился Восток со всем Западом, здесь бился Наполеон за всю свою будущность.

И в самом деле, в этот день Наполеон был неузнаваем. Какая-то беспокойная суровость выражалась на его лице, и по временам он очень пристально всматривался на поле сражения. С каждой минутой чувство недоумения и беспокойства все более и более овладевало Наполеоном. Он не ожидал встретить такого сильного отпора со стороны русских. Он думал найти в русских прежних противников Аустерлица и Фридланда и с ужасом замечал, что он ошибается. Все приемы, все средства, которые доставляли ему многие победы, были пущены в дело, но не приносили ожидаемой пользы. В былые сражения через два, много через три часа к нему скакали маршалы и генералы с поздравлениями, а теперь уже адъютанты то и дело доносили ему, что русские все стоят и стоят. Ужас, холодный и жестокий ужас, овладевал императором, не знавшим прежде никаких ужасов. Он уже не рассчитывал на победу, а перебирал в уме своем все случайности, которые бы могли быть для него несчастны. Пунш он поглощал стакан за стаканом. Лицо его стало желто, опухло, и нос покраснел. У него, однако ж, достало духу заглушить в своем сердце все человеческие струны и написать в Париж, что поле битвы было великолепно, потому что на нем было пятьдесят тысяч трупов.

Кутузов не вдохновлял себя пуншем. Он сидел на лавочке, покрытой ковром, понутив свою старческую голову. Старик понимал, что участь сражения зависит от духа в войске, и потому не столько интересовался донесениями, сколько всматривался в выражения окружающих лиц.

Бой между тем продолжался, принимая все более и более ужасающие размеры. Трусами завалено было уже все поле, и артиллерия скакала по ним, как по бревенчатой мостовой, втискивая их в землю, упитанную кровью, и все это происходило на пространстве одной квадратной версты. Многие батальоны перемещались между собою, так что нельзя было различить неприятелей от своих. Люди и лошади, страшно изуродованные, лежали в разных группах. Раненые, покуда могли, брели к перевязкам, начальников несли на плащах. Пронзаемые штыками и поражаемые картечью, солдаты в некоторых местах спирались до того, что, умирая, не имели места где упасть на землю. Ядра сталкивались между собою и отскакивали назад. Чугун и железо отказывались служить мщению людей: раскаленные пушки не могли выдерживать действия пороха и

лопались с треском, поражая заряжавших их артиллеристов. Пороховые ящики взлетали на воздух. Крики командиров и вопли отчаяния на разных языках смешивались с пальбой и с барабанным боем. Батареи переходили из рук в руки. Бородино пылало.

Особенно ужасна была резня на левом фланге. Там командовал Багратион. На своей вороной лошади он носился как ураган, попевал повсюду. Казалось, что он сам ищет смерти. Укрепления этого крыла несколько раз переходили из рук в руки. Тут боролись лучшие герои дня. Тут был Кановицын, тут был Воронцов и Неверовский, тут был Горчаков и Тучков, тут был Насевич, тут был, наконец, Раевский. В половине десятого, рванувшись массой, неприятель завладел укреплениями. Принц Мекленбургский остановил успехи неприятеля, но был тяжело ранен. Полковник Кантакузен явился ему на смену. Прискакал сам Багратион. Несколько минут – и неприятель поспешно отступил, но – полковник был убит, а шальной осколок ядра ударил в ногу Багратиона.

– Ранен... – прошептал князь, но затаил боль и продолжал ободрять войска.

Бледность, наконец, покрыла лицо князя, кровь хлынула из раны, и он в глазах войск чуть было не упал с лошади.

Сопровождавшие его адъютанты, Валевский и Гагарин, подхватили его.

– Князь, вы ранены! – вскрикнули они.

– Свершилось... свершилось... я ожидал этого... – прошептал невнятно князь.

Его отнесли в одну из уцелевших изб Шевардина. Явились доктора. Оказалось, что князю надо было отнять ногу.

– Оставьте! – сказал князь, придя в себя. – Эта рана за Москву. Она первая и последняя. Боже, спаси отечество! – перекрестился он слабой рукой.

Князь начал бредить. Прибежала Уленька-казак, пала перед ним на колени и разрыдалась.

Князь, спустя некоторое время, узнал ее, слабо улыбнулся и перекрестил.

– Не оставь ее... люби, граф... – произнес он слабо, обращаясь к Валевскому. – Она, как и рана, моя первая и последняя.

Тут он сделал несколько распоряжений и приказал Валевскому идти на свое место, так как здоровые люди в такую минуту дороги.

Уленька осталась при князе. Валевский поскакал снова в бой.

На графа нашло какое-то жгучее опьянение. Он вспомнил свои старые подвиги в рядах солдат и стал кидаться в самые опасные места. Космополитизм его исчез. Он ненавидел Наполеона подобно тысячам русских. Славянская натура его сказалась вполне. Разгоряченный, он и не заметил, как очутился вдруг далеко от своих, в толпе польских улан. Озираясь, он увидел несколько знакомых лиц.

– Пан Ромуальд! Пан Ромуальд! – раздались вокруг него знакомые голоса.

Валевский был взят пленником. Кто-то сообщил графу, что дочь его тоже находится здесь и имеет честь быть принятой у великого императора. Не замедлила появиться и сама дочь.

– Отец! – произнесла она, падая перед отцом на колени.

– У меня нет дочери! – сказал сурово граф. – Моя дочь покинула меня давно, и...

Что-то зашипело вблизи графа. Показался дым, сверкнул огонь – и граф упал навзничь, даже не вскрикнув. Тайна отношений отца с дочерью погребена была вместе с трупом первого.

Эпилог

Битва кончилась. Закатилось багровое солнце. Луна, как лик покойника, тускло осветила на Бородинском поле сто тысяч трупов. Прежняя картина теперь сменилась на другую. Носился какой-то особенный запах селитры и крови. Кто был победителем? Неизвестно. Русские отступили. Зато нравственная сила неприятеля была окончательно истощена. Как раненный зверь, французское войско могло еще докатиться до Москвы по силе инерции. Но там оно должно было погибнуть без всяких усилий с нашей стороны. Смертельная рана уже была нанесена при Бородино, и последующие ужасы, происходившие с французской армией, были прямым следствием Бородинского сражения. Нравственная победа была несомненно одержана русскими.

БИЧ БОЖИЙ

Исторический роман в трех частях из жизни древних славян
(отрывки из романа)

Часть первая

У БЕРЕГОВ НЕМАНА

Глава I

ПЛОТНИКИ-РАСПИНАТЕЛИ

Наступила весна 375 года, весна теплая, благоухающая.

По римскому летосчислению шел месяц май, по славянскому – время, посвященное Дажьбогу как покровителю произрастаний земли, и богине любви Лола.

Осенила весна и землю Венедскую, по которой извивалась широкая и светлая Немиза, река, носящая ныне название Немана.

В один из вешних дней, когда солнце светило особенно ярко и особенно шумно ликовала расцветающая природа, толпа плотников, веселая и говорливая, суетилась на берегу Немана: раздавался гулкий стук топоров, слышался лязг вбиваемых в дерево гвоздей.

Что делали плотники?

Плотники воздвигали целый ряд грубых, бревенчатых крестов.

Несколько готовых крестов, полукругом, в разных направлениях, уже поднимались по берегам Немана, и плотники, видимо, торопились с окончанием своей работы...

Но для кого же воздвигались кресты эти? Кто такой страдает на них?

Хороши, живописны берега Немана и теперь, когда рука нового человека всему придает свой однообразный, невеселый

цвет и подводит все под одну свою неизменную мерку; хороши, живописны берега Немана и теперь, когда почти по всему протяжению его раскиданы: то убогие рыбацьи хижины, то маленькие шляхетские фольварки, то старинные панские мызы и замки, то грандиозные костелы, свидетели многих безумных и кровавых дел. Но в конце IV столетия берега Немана, как вообще берега всех рек северославянской земли, представляли почти одну сплошную массу очаровательно-величественных дубовых, липовых, сосновых и кленовых лесов. Поднимая к облакам свои могучие лиственные вершины, только одним бурям покорялись они, укрывая под своими темными, без просветов, наметами тысячи птиц и тысячи зверей. Груды пней, кряжей, мхов и разросшихся корней служили им безопасным обиталищем, а множество ручьев, трясин, болот, озер, заросших травой окошек и бочагов не пропускали человека в эти таинственные лесные пучины... Да человек и не шел туда: там ждала его верная гибель...

Но гибель в то время висела и над бедными обитателями того края, в их жилищах.

Краем владели грубые и жестокие готы.

По северным сказаниям, или сагам, готы, теснимые из Азии, под владычеством Сиггэ Фридульфзона, т.е. Одена, пришли первоначально в Квенландию, в страну квенов, стало быть, в восточную часть Финнии, жители которой и по настоящее время называются квенами. В то время вся нынешняя Финляндия носила название Квенланд. Оттуда готы начали распространяться до Карпат и Дуная. В придунайских племенах, отстаивавших свои границы от побед Рима, готы нашли и собственную ограду и даже поборников против общего врага – римлян. Но, пользуясь междоусобиями князей, римляне успели перешагнуть через Дунай и основать за ним свои провинции. Троян довершил победы на Дунае и покорила Дацию. Готы принуждены были искать новоселья для своей централизации. Для них не оставалось иного пути, кроме как на север, и вот готы окончательно водворились в Скандии, в стране ситонов. Из Скандии готы, усиливаясь все более и более, при императоре Валентиниане I и Валенте (364–375 гг.) овладели почти всей восточной Европой и делали набеги на Фракию. Одни из готов, известные под именем тервингов или вестготов, жили на севере от Нижнего Дуная под властью нескольких князей, между

которыми особенным влиянием пользовался Атанарик. Другая отрасль этого народа носила имя грутунгов или остготов, и под властью своего короля Эрманарика, в соединении с несколькими подвластными народами другого происхождения, образовала большое государство, простиравшееся до берегов Дона. В состав этого государства, кроме других славянских племен, вошло и славянское племя вендов или венедов, жившее на Балтийском побережье, на Висле, Северной Двине и Немане.

Своего короля Эрманарика готы сравнивали с Александром Македонским; но остготский герой не проявил ни великодушия, ни мудрого правления великого героя, который умел быть милосердным с покоренными народами. Не тем прославился Эрманарик, наследник Геберика, в течение своего девятнадцатилетнего правления. Беспочеловечными казнями и муками прославился он.

Готский король надеялся этими средствами сдержать движение покоренных им народов.

Удалось ли ему это – доказали последствия.

Жестокости начали отзываться беспрестанными и буйными восстаниями.

Первые восстали славяне, и особенно славяне-венеды, жившие на Балтийском побережье и по берегам Немана.

Они селились там с незапамятных времен, называя себя венедками.

Восстали венеды, – и вот на мирные берега Немана набежали целые полчища готов, и началась их обычная расправа. Все, что попадалось готам под руки, билось, резалось, истреблялось, топилось. Наконец в их руки попались и главные зачинщики восстания с их семьями.

Это были венедские князья.

Для них-то вот и воздвигались кресты на берегу Немана.

Было уже за полдень, а работа все еще продолжалась: все еще стучали топоры, все еще звенели гвозди, все еще рылись глубокие ямы для вкапывания крестов.

Один из готов, по-видимому надсмотрщик за работами, долго сидел угрюмо на обрубке дуба, не обращая внимания на работающих, наконец поднял голову и закричал:

– Что ж, скоро ли?

В ответ ему послышалось несколько голосов:

– Вот только гвоздик один, и все!

– Погоди, не торопи, еще успеем распять этих собак. Много ли их тут?

– Много, не много, – говорил сосредоточенно надсмотрщик, – а к ночи не перевешаем всех.

– Перевешаем! – раздались голоса в толпе работающих, – еще столько, и то перевешали бы!

– Есть что вешать – сорок человек! – заговорил недовольным тоном один из плотников. – Из сорока человек и рук не стоит мараить. По-моему, уж если распинать, так распинать человек триста: по крайней мере – вид хороший!

Плотники захохотали. В честь оратора послышались одобрения:

– Ай да Острад! Вот настоящий распинатель так настоящий!

– Да что, – продолжал Острад, – сорок человек? Эка невидаль! Да и каких еще сорок человек-то! Козявки – не люди. Вот мы на Дунае распинали... тоже славян... Так вот это люди! Мы их там сотен пять в два дня распяли... Есть чем похвастать... Есть на что поглядеть... А то что!..

Острад махнул рукой, как будто давая этим знать, что о таких, в сущности, пустяках и говорить не стоит, да уж так – язык развязался, к слову пришлось.

И в самом деле, для плотников казни не составляли ужасающих зрелищ; они смотрели на них совершенно равнодушно и также равнодушно распинали несчастных. Это была их обязанность.

При военных отрядах готов, особенно любивших казнь распятием, плотники составляли нечто вроде касты палачей и повсюду им сопутствовали. Обязанность эта у них переходила от отца к сыну, от сына к внуку и т.д. Словом, это составляло у готов особенный род занятий, которым никто не пренебрегал. Кроме известной платы за труд, плотники пользовались еще одеждой приговоренных к распятию, какова бы она ни была; а для того чтобы кто-нибудь другой не воспользовался доходом, один из плотников состоял в действующем отряде и наблюдал над забираемыми. Мрачность занятия вовсе не мешала плотникам быть людьми веселого нрава. Исполняя свои обязанности, они шутили, смеялись, как и в другое время, за кружкой вина или чашей меда. Но если что могло приводить их в уныние, так это отсутствие привычной работы. Этого, однако, не случалось.

лось: работа была постоянная. Стало быть, плотники-распинатели жили припеваючи...

С чем человек не сживается!..

Но над человеком всегда висит переменчивая туча, и неведомо, над кем она разразится громом, кто попадет под ее губительные стрелы. Гром равно поражает: и могучий дуб, сотни лет красующийся над долиной, и молодую, только что вырастающую березку; равно поражает он и счастливого и несчастного человека...

Готы были счастливы, готы ликовали. В их руках была вся северная Европа. Все богатства стекались к ним, все несло им свои дары, свою дань. Столетний герой Эрманарик отдыхал в ожидании разложения Римского организма, разъедаемого арианством, чтобы Рим прибрать к своим рукам. Казалось, не было уже спасения от готов. Но в это, по-видимому, блестящее время над «ледяным» владычеством готов собиралась невидимая туча. Провидение нежданно-негаданно готовило ему грозу в недрах его же преобладания...

Но когда же и как разразилась гроза эта?..

Поставленные полукругом в два ряда четыре десятка крестов были уже совершенно готовы, когда к ним приблизилась безмолвная процессия. Процессия эта состояла из сотни вооруженных с ног до головы готских витязей и толпы венеков – вождей, приговоренных к распятию. Витязи ехали на конях, украшенных серебром и кистями; венеки шли, привязанные цепями к седлам. Впереди всех ехал готский князь. На нем был золоченый шлем. На серебряном щите была изображена черная змея. Он остановился, за ним остановилась и безмолвная процессия. Окинув взглядом пленников, стоящих с непокрытыми головами, он обратился к надсмотрщику плотников:

– Все ли готово?

– Все: и кресты, и лестницы, и гвозди, – отвечал надсмотрщик, склонив голову в знак покорности.

Князь махнул рукой.

Плотники с веревками, молотками и гвоздями в руках стали у крестов. Витязи с пленниками подъехали к ним. Воцарилось молчание. Князь заговорил:

– Наш король, наш великий и бессмертный Эрманарик, вот уже девятнадцать лет повелевает готами! Наш король, наш великий и бессмертный Эрманарик, которому равного нет на

земле, вот уже девятнадцать лет покоряет племена и народы! Ни один замок не устоит перед ним, ни один город не оставит запертыми ворот своих! Готы видели Фермопилы, готы видели Пелопоннес, готы овладели Коринфом и Спартой, готы были в Афинах. Все перед готами падало и преклонялось! Горе же народам, которые сопротивляются могуществу их!

– Горе! – крикнула толпа витязей. И снова все смолкло.

Помолчав немного, князь продолжал:

– Где же они? Где эти безумцы, что против могущества готов?

– Мы! – сказали изнуренные пленники, как один человек, – мы, славяне!

В воздухе взвились плети витязей и веревки плотников-распинателей. Послышались отрывистые стоны и вздохи пленников: их бичевали. Бич подействовал. Пленники смолкли и снова стояли с понуренными головами.

Князь продолжал свою речь, но уже не тем спокойным и ровным голосом, каким он говорил прежде. Теперь голос его дрожал, в тоне слышалась иступленная досада. Он не ожидал такой смелой выходки со стороны пленников, жизнь которых висела уже на волоске.

– Славяне? – говорил он. – Но что ж такое славяне? Псы смердящие, только и годные для того, чтобы готы травили их на других псов, таких же смердящих, как и они! Откуда взялись славяне? Где их родина? Они, как иудеи, раскиданы по всей земле и служат всем рабами. Где их нет? Они везде. Они на Дунае, они на Эльбе, они на Дону и Днепре, они здесь, на Немане и Висле!

– Наша земля везде! – крикнул один из пленников. – Вы в нашей земле живете. Не мы псы – вы собаки рудые!

Князь вышел из терпения.

Речи его не суждено было окончиться, в которой он, без сомнения, в сильных и величественных выражениях хотел напомнить о могуществе готов и о низком происхождении славян.

Окончание речи его вылилось в одно слово:

– Начинай!

Заскрипели лестницы, застучали молотки, слышались голоса плотников: «подавай», «тяни», «готово». Раздались бес- сильные крики и проклятия пленников...

Началась готская расправа...

В самый разгар работы мимо крестов пронеслось несколько бешеных коней. Кони эти будто из-под земли выскочили. Как птицы пронеслись они мимо места казни и скрылись в отдалении.

Но не одни пронеслись они: к хвостам их, ногами вперед, были привязаны обнаженные дочери и жены несчастных венецианских пленников...

Казнь эта называлась у готов «мыканьем». Мыкали конями одних только женщин...

К вечеру все пленники были уже распяты.

Тогда началось метание в умирающих копий. Кто лучше метал, того награждали криками одобрения. Это была своего рода игра, требовавшая много ловкости и хорошего зрения. Метавший должен был попасть копьем непременно в назначенное место, и, кроме того, чтобы воткнувшееся в тело копье некоторое время держалось горизонтально, потом уже падало. Метнувший должен был ловить копье и не допускать, чтобы оно упало на землю. Другие копья должны были держаться в теле до тех пор, пока метавший, на лошади, на всем скаку, подпрыгнув в седле, не выдергивал его. Многие из готов были так ловки в этой игре, что, взяв в руки по копью, они враз, моментально, метали их в распятого и попадали в оба глаза. В таком случае копья должны были держаться древками врозь, углом, как бы вроде лучей.

Игра вообще была для них занимательная; готы до страсти любили ее, отдавались ей с азартом и только тогда кидали, когда уже явно видели вместо распятых тел одни клочья тела...

Так было и в настоящем случае.

Готы тогда только оставили распятых славянских князей, когда увидели, что метать уже не во что, и когда в их ушах перестали уже слышаться тяжелые, невыносимые стоны умирающих мучеников.

Оставили и ускакали на своих малорослых, но сильных конях, прокричав:

– Велик наш король Эрманарик! Смерть венедам и всем непокорным нашему великому королю!

За витязями оставили место казни и плотники-распинатели. Поделив добычу, утомленные, они уселись на несколько телег и тронулись в путь со всеми своими орудиями: цепями, верев-

ками, молотами, топорами, гвоздями, лопатами. Ни слова сожаления о несчастных, ни одного прощального взгляда.

Один только Острад, видимо недовольный малочисленностью распятых, не удержался, чтобы не послать им своего недовольного слова:

– Эх вы, поросята! – пробурчал он, окинув взглядом все сорок крестов, уже начинавших окутываться вечерними сумерками. – Право, поросята!

Скоро на месте казни не было уже слышно человеческого голоса.

Тихо, незаметно, будто крадучись, надвигалась весенняя ночь на берега Немана.

Грозная береговая поляна, недавно столь шумная, столь кровавая, погрузилась в совершенный мир и совершенную безмятежность, точно никогда на ней и не происходило ничего постыдного, ничего возмутительного.

Все гуще и гуще надвигались сумерки, все черней и черней становился окружающий поляну лес. Но вот с запада сквозь причудливые вершины дубняка проскользнул один-другой просвет месяца, пробежала легкая полутень его, и он сам, красно-бледный, показал свое полукольцо. Легкие облачка, до того невидимые, набежали на него, окрасились, передали румянец другим своим волокнистым сестрам и повисли над ним, словно заколдованные. А месяц между тем царственно поднимался все выше и выше, зарумянивая сквозные облачка и целые обхваты могучих вершин векового дубняка, рисуя из них самые странные, сказочные формы. Чудилось, будто неисчислимые полчища неведомых, кудреватых существ ринулись на исходящий откуда-то свет, но вдруг, пораженные им, остановились и замерли на месте, понутив свои богатырские головы...

Взглянул месяц и на прибрежную поляну.

Но зачем он взглянул на нее?

Пусть бы дело тьмы и оставалось во тьме...

Чуя добычу, ночные хищные птицы уже реяли над крестами. Одна из них, усевшись на плече распятого, спокойно выклевывала уцелевший глаз. Другие искали лакомого куска, кидая от распластанных крыльев своих длинные, еще не отчетливые тени; острыми углами скользили они по истоптанной траве и по крестам, то исчезая, то снова появляясь. А вокруг все тихо-тихо, как в могиле. Не слышно даже и берегового прибой

Немана. Молчал и Неман. И он, всегда говорливый, всегда беспокойный, казалось, не решался нарушить покоя навеки успокоившихся. А вон и еще показались тени. Это уже другие хищники. Старый волк тихо и осторожно высунулся откуда-то. Сверкнули два огонька. Постояли огоньки и двинулись вперед. Испытанный хищник не боялся опасности. За ним показались и другие... Будет пир, будет добыча...

Но вдруг огоньки моментально скрылись, быстрее задвигались тени пернатых хищников и что-то заскрипело...

Один из крестов качнулся...

– Пить! – тихо и протяжно простонал кто-то. – Пить!

Протяжный стон замер в воздухе...

И опять все тихо, и опять все безмолвно на береговой поляне Немана, недавно столь шумной, недавно столь кровавой...

Глава II

СОВЕТ СТАРЕЙШИИ

Эрманарик, король готский, поработил венедов.

Непривычные к войне, тихие, мирные, венеды сначала противоборствовали Эрманарику. Но многочисленная их толпа, нестройная, не привычная к войне, была ничтожна в битве против строевой силы готов.

Смирились венеды, засели в свои жилища и начали платить непосильную дань. Мало того: от них брали рабов, рабынь, мучили их, пахали на них, как на волах, землю, продавали их в неволю. Как тяжела была эта ледяная неволя, доказывается тем, что еще и по настоящее время можно слышать в Литве, где прежде селились славяно-венеды, следующую песню:

Перун, боже,
Не мучь Жемайта,
Мучь гота,
Рудого пса.

Бессилие ищет защиты в небесах, у Бога. Искали его и венеды. Но языческий бог их молчал. Защиты ниоткуда не было. Стало быть, надо было искать защиты в себе, надо было найти человека, который бы взялся предводительствовать венедрами.

Такой человек нашелся...

Это был Болемир, один из молодых и храбрых князей венедских. Собрав толпу недовольных поработителями, он поднял восстание.

Покорив народ, готы прежде всего заботились об истреблении рода. Они, по обыкновению, распинали род их от мала до велика. Но не всегда удавалось им истребить всех и всякого. Князья оставались и жили до поры до времени где-нибудь в лесных трущобах или пещерах, укрываясь от готского преследования. Какой-нибудь бедняк из народа поддерживал существование укрывавшегося...

Таков был и Болемир венедский...

Он сначала укрывался от преследования готов, и венеды хранили его. Восстание Болемиру не удалось... Он и многие его помощники, из княжеского же рода, были захвачены и распяты на береговой поляне Немана. А жен и дочерей их, привязанных к хвостам коней, размыкали по полю.

Скрываясь в лесах, венеды судили-рядили о своих делах в тайных сборищах, таких тайных, что, казалось, сама дедья не подозревала, для кого и для чего собираются ее обитатели.

Сборища эти были невелики и совершались преимущественно в глухих углах венедских поселений, как, например, на берегах Немана. Совершались там, где жили на спокойное старейшины венедские, когда-либо имевшие значение и силу. Оттуда уже решение сборищ разносилось по всему Балтийскому побережью, по Висле до Эльбы.

В то время как на одном берегу Немана стучали топоры плотников-распинателей, на другом берегу, в чаще леса, тысячеголосое эхо, захлебываясь и перекатываясь, разносило какие-то невыразимо дикие звуки: не то свист, не то гогот.

Птица ли это клекотала? Зверь ли завывал? Разобрать было трудно.

И не в одном месте слышались они.

Звуки носились по всей чаще. То в одном, то в другом месте раздавались они. Там исчезали, здесь – появлялись. Не успевало одно эхо протянуть начатого звука, как уже другое прерывало его, начинало само гоготать, разносилось, раздроблялось, рассыпалось, перебегало с ветки на ветку и тонуло в новозарождающемся эхе.

Бывали минуты, когда, казалось, весь лес превращался в море звуков, которые носились по нему, как голоса невидимых

духов. Но минутами они совершенно смолкали. Тогда тишина леса представлялась заколдованным миром. Страшно было в этой тишине.

Но что за звуки раздавались в лесу? Свистал ли кто? Кричал ли кто?

Свистал и кричал человек.

Нырря, как испуганный зверь, по мхам и по зарослям могучего бора то там то сям, он же разносил и эти невыразимо дикие звуки. Остановится, присядет, приложит ко рту длинную трубу – и завоет. Тут-то и начинало перекатываться тысячеголосое эхо.

Человек этот был венед.

В рысей шапке, высокой, облоухой, сам небольшой, коренастый, с круглым, густо обросшим волосами лицом, он много походил на зверя. Особенно, когда, дуя в трубу, щеки его сильно вздувались, волосы как бы щетинились, а глаза наливались кровью.

Не напрасно завывал венед.

Вой этот был призывным, условным знаком для венедов.

Всякий из венедов, кто слышивал его, шел на одну из условных лесных полян, где происходили тайные совещания.

Ходить по хижинам, собирая на совещания, не было никакой возможности: хижины венедов были раскиданы по берегам Немана в таких чащах, в такой глуши, что только одни хозяева их и знали, как пробраться к ним и где их отыскать. У каждого были свои особые приметы, по которым он пролагал тропинки к жилищу своему. А звуки трубы всякий слышал и знал, что они значат.

В городах венедских и больших весях преобладали готы.

Венеды бежали из городов и весей, предпочитая глушь лесную готскому насилию. Готы не противились переселению. Это было согласно с их политикой. Разрозненный народ, по их понятию, был не опасен. Рабов же, рабынь и дань им доставляли беспрекословно.

Между тем в лесах-то и скоплялась сила, которая могла ринуться дальше и могла противостоять готскому владычеству.

Когда венед вынырнул на условную поляну, там уже на пнях сидели несколько человек седоволосых венедов, которые вели между собой тихую беседу.

Венед-трубач снова нырнул в чащу леса и снова завыл. И долго еще то там то сям слышалось его завывание. Наконец завывание замерло где-то, застыло, и дедья успокоилась.

На поляне уже была целая толпа венедов.

Собрались все больше седобородые старики. Молодых было мало.

На лицах собравшихся изображалось уныние и отчаяние. Всем было тяжело. Все знали, что на другом берегу Немана распинают их собратий. Все знали, что в это время многие из их собратий испускают дух свой.

Невыносимо то чувство, когда человек хочет, но не может помочь любимому существу. Чувство это часто превращается или в безнадежное отчаяние, или в зверское остервенение.

У собравшихся венедов было то и другое. На лице – отчаяние, на душе – пучина.

Все они тихо переговаривались между собой и чего-то ждали. Видимо, недоставало кого-то. Наконец этот «кто-то» появился.

Из леса вышел старик. Он шел не один. За руку его вел отрок.

Вышедший был Будли, старейший из князей венедских, когда-то знаменитый, храбрый. А теперь он жил в глухих дедьях Немана, на спокойе. Он, как и другие князья венедские, скрывался от готов. Но не сам он скрывался: его скрывали любимые слуги. Старику уже было поздно жалеть себя: ему было уже за девяносто лет. Но он, однако, был крепок и свеж. Бодрый, седой, князь уподоблялся дубу, опушившемуся свежим ином. Годы согнули князя, как волны морские сгибают весла рыболова, но князь не сломился. Длинные белоснежные волосы падали на крепкие плечи его. Лоб был широк и открыт. Только глазами был плох князь венедский. Видно было, что он слеп, но чувствовалось, однако, что он видит. На князе была длинная белая рубаха, голова его была открыта. Князья уважали народ и потому стояли перед ним с открытой головой.

При появлении Будли толпа замолкла.

Тихо, беззвучно приблизился князь Будли к толпе. Отрок стоял подле него. Отрок этот был внук Будли. Он был коротенький, головастый мальчонка лет десяти. Широкие плечи обещали в нем будущего силача, сверкающие глазенки обличали в нем ум и вместе с тем какую-то странную дерзость и ре-

шительную отвагу. Двигался он неуклюже. Смотрел все больше в землю.

Постояв немного, князь Будли заговорил:

– Все ли собрались наши?

– Все! – было ему ответом.

Будли поднял голову.

– Братья! – задрожал его голос над толпой. – Мы гибнем!

Что нам делать?

Все молчали.

– Гибнем! Гибнем!

Старый князь закрыл лицо руками.

В толпе послышался чуть слышный говор:

– Гибнем, батя, гибнем! Кто нас поратует?

Стихли. Молчание царило над толпой.

Дряхлый князь, казалось, собирался с духом, чтобы сказать нечто решительное, нечто неожиданное...

А толпа все молчала, как один человек. Чудилось, что это не люди стояли, с душой и сердцем, не люди, которых угнетала одна мысль, одно горе, одна беда, а заколдованные дубы-подростки, принявшие человеческие образы.

Князь наконец открыл лицо и поднял свою обремененную сединами голову.

– Братья! – сказал он тихо, будто очнувшись от долгого забытья. – Братья! Послушайте старика!

– Слушаем, батя, слушаем! – прогудела толпа.

– Девять десятков лет, – продолжал князь ровным, окрепшим голосом, – пронеслось над моей головой. Скоро десятому конец будет. Видел я горе, видел радости. У меня было двадцать шесть сыновей, вдвое больше внуков. Все они росли, все они любили родину свою дорогую, и все они положили головы свои за нее. Положили потому, что мы скованы по рукам и ногам. Знаменитое и вольное племя наше, племя венедов, потеряло свою волю, потеряло свои города, веси, земли, жен, дочерей, сыновей. Мы скрываемся в лесах, как звери дикие, чтобы готы не видели и не мучили нас. У нас берут тяжелую дань. Берут все, что мы имеем: и хлеб, и одежду, и питье. Берут у нас в неволю красавиц дочерей, сыновей-подростков. Все у нас берут. Что же нам делать? Куда нам деваться? Ужели мы должны погибнуть? Ужели племя наше должно исчезнуть навсегда?

Будли остановился.

Толпа поняла, что он требует ответа, и загудела:

– Нет, нет, батя, не должно исчезнуть племя наше! Но что же нам делать, батя? Много нас, но сил у нас нет. Нет предводителей. Готы проклятые всех переловили и перевешали. Ты только один у нас и остался. Помоги, батя! Что ты скажешь, то мы и сделаем! Помоги!

– Помога моя вот такая, братья, – заговорил, успокоившись, князь. – Мы должны покинуть свою родину и искать, подобно своим предкам, новых поселений. Одна часть венедов пусть идет к Понтийскому морю, другая в Галлию, а третья на полночь, за море. Есть много свободных земель по Днепру, есть много их и в Галлии, есть много их и на полуночи. Пусть в Галлию ведет князь Радогост. На полуночь князь Олимер. К Понтийскому морю из вас кто-либо. Из князей у нас только и остались Радогост и Олимер.

– Да будет так, батя! – отвечали, как один человек, венеды. – Пусть гонцы разнесут эту весть по городам и весям венедским. Пусть народ готовится к выселению. Да будет так, батя! Слово твое – святое слово!

Дряхлый князь низко поклонился венедам.

– Добро вам, братья честные, что еще верите старику хилтому. А лучшего дела нам не выдумать.

Толпа заволновалась и заговорила между собой.

В это время внук надел на дряхлого князя шапку и осторожно повел его в лес по той же тропинке, по которой вывел его.

В князе, по-видимому, миновалась надобность. Его дело было только сказать, дело других – исполнить.

Когда князь с внуком своим отошел довольно далеко от поляны, молчавший все время внук вдруг обратился к деду:

– Дедушка, а дедушка!

– Что тебе, дитяtko?

– А мы с тобой, дедушка, выселяться будем?

– Куда нам с тобой выселяться, дитяtko? Я стар, ты млад – оба никуда не годимся. Поживем покуда и здесь. Я помру. Ты подрастешь, – вот тогда и делай, что знаешь, и иди, куда хочешь.

– Я, дедушка, тебя не покину. Только мне очень хочется побывать в чужих сторонах. Я бы побывал во всех тех городах,

про которые ты рассказывал. Там, должно, совсем другие люди живут.

– Нет, дитяtko, все такие же люди, как и мы с тобой. Только в одном месте злые люди, в другом – добрые. А больше все злые. Хуже готов.

– Готы собаки, дедушка. Кабы моя воля была, я бы их всех перерезал.

– Трудно их перерезать, дитяtko: готы народ сильный.

– А уж сильнее готов и нет, дедушка, никого больше?

– Нет. Они многими землями владеют. Один только римский император и не покорствуеt перед ними. Да и тот боится их. Готы, дитяtko, страшный и сильный народ.

– Когда я вырасту, дедушка, плохо от меня будет готам.

– Ох, ты, витязь мой, витязь! – засмеялся добродушно старик и погладил внука по голове.

Внук между тем насупилсЯ. Видимо, в его детской груди уже наkипела затаенная злоба против ненавистного ему племени.

Долго внук и дед шли по лесной тропинке. Молчал внук, молчал и дед. Внук, как умел, поддерживал старика. Старик еле передвигал ноги и часто спотыкался. Наконец, перед ними показалось несколько хижин, уютившихся под сенью лип на глухой лесной луговине. Жилища эти скорее походили на берлоги зверей, чем на дома человеческие.

Едва внук и дед приблизились к ним, как откуда-то, точно из-под земли, выбежала молодая девушка. Легкая, улыбающаяся, в белой длинной сорочке, перехваченной по стану тонким пояском, длинноволосая, голубоглазая, она подбежала к старику и обхватила шею его своими пухлыми, гибкими ручонками.

– Дедушка! Дедушка! – радовалась она, целуя старика то в лоб, то в щеки. – Что ты так долго не приходил? А я-то ждала, а я-то ждала...

– Вот и дождалась, вот я и пришел, – говорил ласково дедушка и тоже несколько раз поцеловал молодую резвушка в голову.

– А что же ты-то, братец, не привел пораньше дедушку? – обратилась она к юному провожатому, который стоял насупившись.

– Не тронь его, не тронь! Он у меня всех готов перебить хочет! – шутил старый князь.

– Ах, какой страшный! – вскрикнула девушка и засмеялась, откидывая обеими руками за плечи свои длинные русые волосы, которые легкими прядями повисали над ее овальным покрасневшимся личиком.

Внук из-под бровей поглядел на девушку и еще больше надулся. Девушка засмеялась еще сильнее, глядя на рассердившегося брата.

Это были внук и внучка старого венедского князя Будли.

Внук – Аттила.

Внучка – Юрица.

Глава III

ПОГРЕБЕНИЕ КНЯЗЕЙ

Была уже совершенная ночь, и месяц, полный, явственный, плыл уже высоко по небу, когда несколько тяжелых и неуклюжих венедских лодок показались на водах Немана. Лодки венедские двигались тихо, едва заметно. Пловцы, видимо, опасались чего-то и придерживались больше берегов, находившихся в тени, которая ложилась по ним от высокого берегового леса.

Плывать у этих берегов было не совсем безопасно: все пространство их было завалено отжившими свой век гигантами лесов – дубами, березами, кленами. Голые сучья их, черные, влажные, покрытые зеленым мхом, нередко высоко поднимались над водой. Плывающий по реке сор – листья, сучья, ветки, плесень – сбивался у этих береговых преград, прирастал, присасывался к ним, покрывался новыми наплывами и составлял иногда самые крепкие, самые непроницаемые плотины, разрушить которые не доставало даже сил и у воды, несмотря на то что она бешено, как бы с озлоблением набегала на них, силясь их раздробить и разнести, вертелась, кружилась, пенилась и затем, встречая неодолимую твердыню, вынуждена была далеко обегать их. Кое-где гигантское дерево, дитя десятков лет, упав Бог весть когда и как, лежало поперек берегового затишья, занимая несколько сажень пространства. Крепкие и испытанные ветви его упирались в илистое дно и держали над водой корявый, почерневший ствол. Шумно и звонко перекачивалась вода через эту недвижимую грудку, чтобы через несколько сажень встретить, может быть, новую такую же грудку и снова

же уступить ей. Местами деревья повисали над самой водой. И днем под этими навесами могучими царила сырая и подавляющая мгла, а ночью навесы эти казались какими-то заколдованными обиталищами лесных демонов: так под ними было темно, так было холодно, жутко. Даже всплески волн не оживляли их. Как очарованные, стояли навесы эти над водой. Склонившись к ней, они сумрачно, как бы размышляя, гляделись в холодные струи ее, точно стараясь постигнуть сокровенные думы этих вечно движущихся и вечно шепчущих о чем-то волн. Во время бурь и непогод навесы эти, качаясь и торопливо шелестя, со скрипом и рокотом купались в самой воде и звонко роняли в воду захваченные ими в воде же крупные и светлые ее капли. Тогда мнилось, что они плакали о чем-то. Так года проходили за годами. Один навес, одряхлев, незаметно исчезал, другой так же незаметно зарождался, чтобы, в свою очередь, когда-нибудь уступить место новому поколению побегов. В течение многих лет ничто не заглядывало под эти навесы неприступные, разве старый ворон, возвращаясь с добычи, тяжело опускался иногда на толстый сук навесов и, каркнув раз-другой-третий, снова взмахивал своими грузными крылами и летел далее. Местами по этим берегам из самой воды поднимались целые группы низкорослых ив. Ивы казались растущими на воде. Местами берега были покрыты сплошной массой высоких и густых тростников, низкого кустарника и сетчатого водоросля. Все это служило хорошим и неприступным обиталищем пернатой дичи, но для пловца представляло тяжелые преграды.

Преграды эти, однако, не пугали поздних пловцов. Они все-таки придерживались берегов и успешно огибали попадавшие на пути и густые тростники, и кустарники, и водоросли, и торчащие из воды сучья деревьев. Пловцам, без сомнения, места хорошо были известны.

Пловцы эти были венецы, отправлявшиеся на место недавней казни, чтобы убрать тела своих несчастных собратьев и совершить над их могилами достойную тризну.

В лодках сидело человек двадцать венецов. Венецы были в белых длинных холщовых, наподобие рубах, свитках, или паневах. Головы их, по обыкновению приеманских венецов, были покрыты рысьими шапками. В передней лодке, кроме венецов-мужчин, сидели еще две венецкие женщины и жрец.

Жрец был в синем длинном балахоне с металлическими пуговицами, в высокой конусообразной шапке на голове. Сидя, он покачивал головой и что-то многозначительно шептал. Он был стар, сед, но тучен. Одна из женщин, по-видимому еще очень молодая, была вся покрыта длинной и широкой холстиной. Изпод холстины вырисовывались ее опущенная на грудь голова и сложенные на коленях руки. Другая женщина, старая, худая, с гадливыми чертами лица, сидела рядом с ней как мумия. Голова ее была окутана цветной холстиной, наподобие чалмы. На груди, на длинном шнурке, висело несколько серебряных изображений: коня, вола, собаки, брони и оружия. Изображения были выкованы из круглых, вроде современных рублей, слитков серебра. Они считались священными и служили эмблемой богатств человека, которые необходимы ему даже и в загробной жизни. Женщина, носившая эти изображения, была не простая женщина. Такую женщину называли Деванича, что значит: божество града ночи. Она, как и жрец, принимала участие во всех торжествах, касавшихся языческих обрядов, особенно роль ее была значительна при погребениях и тризнах. Для божества града ночи выбирали всегда женщину старую и по возможности отвратительную. Ее уважали, боялись, носили ей дары и бегали от нее. Деванича жила одиноко. Она очень хорошо знала, что ее ненавидят, и поэтому сама скрывалась от людей. Деванича всегда жила где-нибудь в трущобе. Посещали ее только те, у кого в доме оказывался покойник, или те, кого постигало какое-нибудь страшное горе. Деваничу считали вещей и думали, что она беседует с чистыми и нечистыми духами, а потому знает, от чего произошло известное несчастье. На Деваниче была длинная белая рубаша, подпоясанная широким поясом, на котором висел широкий короткий нож. Нож этот употреблялся для зарезывания, при погребениях, обреченной девы. Сидевшая рядом с Деваничей женщина, под холщовым покрывалом, и была обреченная дева.

Плавание венедов продолжалось при общем безмолвии. Только и слышно было легкое всплескивание воды, рассекаемой веслами.

Три лодки двигались одна за другой, гуськом. Взмахивая веслами, венеды, казалось, не торопились на место грозной казни. Взоры их были потуплены. Только один венед зорко смотрел на берега. Венеды опасались встретиться с готами, ко-

торые иногда, совершив казнь и зная, что придут убирать тела казненных, ради шутки прятались вблизи и потом перебивали пришедших. На этот раз венедам опасаться было нечего. Готы давно уже ускакали.

Вскоре венеды увидели издали поляну казни. Поляна ярко была освещена месяцем, и на ней явственно виднелись кресты. Лодки врезались в густые камыши и остановились. Один из венедов сошел в воду и, пробираясь камышами по топким кочкам и наростам, тихо вышел на берег и начал, приседая, прокрадываться на поляну. Поляна была тиха. Венед все оглядел вокруг. Готов не было. Были только их страшные следы. Тогда венед снова приблизился к берегу и пронзительно засвистал.

Через некоторое время от берега потянулись и остальные венеды.

Впереди всех шел жрец. За ним шла Деванича. Вслед за ними человек пять венедов несли разные орудия погребения. После всех, в сопровождении двух венедов, шла обреченная дева.

Вскоре эта таинственная процессия, освещаемая яркой лунной, двигаясь молча, как привидения, появилась на самой поляне и там остановилась в безмолвии. Безмолвие ее было торжественно и зловеще.

И здесь жрец был впереди.

Постояв немного, жрец вдруг начал размахивать руками и возопил:

Смерть! Смерть! Человек снеть всего!

Сказав это, жрец опустился на землю и приник головой к траве.

Он не вставал. Венеды в это время разделились. Одни начали снимать с крестов распятых, другие – складывали огромный костер и маленький сруб из тонких бревен, третьи – начали рыть могилу. Только Деванича и обреченная дева не принимали ни в чем никакого участия. Они стояли отдельно. Дева под своим покрывалом, Деванича со своими символическими изображениями на груди. Вскоре распятые были сняты, сруб был готов, и зажженный костер начал понемногу разгораться. Глубокая могила была тоже готова. Вокруг разгоравшегося костра начали собираться все венеды. Собравшись, они все безмолвно поцеловались, потом начали обрезать волосы свои и терзать свое лицо, чтоб оплакать погибших героев не слезами и

воздыханиями, подобно женам, а кровью, как следует мужам. А один из мужей, терзая свое лицо, говорил в это время:

– Князя наши, великого народа господари, погибли от рук недостойного и проклятого племени готов. Но погибла ли вера наша? Погибли ли венеды, народ, на котором никто не ищет возмездия? Нет, не погибли! А потому мы и почтим достойно героев наших, павших от рук нечестивых, чтобы тем утешить тех, кому еще от рук готов погибнуть должно...

Венеды безмолвно слушали его, и, когда он окончил у костра свою речь, лежавший ниц на земле жрец встал и приблизился к костру. Венеды расступились. Жрец таинственно и тихо начал что-то шептать над огнем. Затем он отправился к срубу. Один из венедов подал ему деревянные изображения богов. Жрец поставил их по сторонам сруба. Другие венеды в это время начали сносить погибших в сруб, где клали их на кучи сложенного хвороста. Все погибшие были внесены в сруб. Тогда к срубу приблизилась Деванича с обреченной девой. Дева осталась у сруба. Деванича вошла в него и начала покрывать покойников холстинами, заранее для того приготовленными. Потом она вышла и сняла с девы покрывало. Девушка была молодая, пригожая. На ней были золотые поручни и крупное янтарное ожерелье. Девушка эта, называвшаяся обреченной девой, сама вызвалась погибнуть в срубе вместе с одним дорогим ей покойником. Когда у славян умирал кто-нибудь, тогда спрашивали у его родных, близких и челядинцев: кто желает умереть с господином? По большей части вызывались на смерть девушки. Вызвавшаяся на смерть девушка до дня погребения, сопровождаемая двумя подругами, всегда угощалась, пела и радовалась, что ей суждено погибнуть за дорогого господина. Такова была и эта несчастная венедская девушка. Она вызвалась погибнуть за своего любимца, князя Болемира, распятого вместе с другими на береговой поляне Немана. Она была княжна и готовилась быть невестой Болемира. Покидая ее, Болемир сказал: «Я иду искать свободы для моей родины; если я погибну, невеста моя, погибни и ты на моем трупе: ты мне всюду будешь дорога». Девушка, целуя полы кафтана отъезжающего жениха, обещала исполнить его волю и сдержала свое девичье слово. Она первая вызвалась погибнуть на трупе своего любимого князя.

Поставив около сруба изображение богов, жрец, глядя на сруб, начал выкрикивать одному ему известные заклинания.

После них три дюжих венедов начали перед срубом поднимать на руках обреченную девушку. Они поднимали ее три раза.

В это время девушка громко и отчетливо говорила:

– Вот вижу я моего отца и мать мою. Вот вижу я всех моих предков. Вот вижу я моего господина: он восседает в светлом, цветущем вертограде, зовет меня! Пустите меня к нему!

Перестав поднимать обреченную, венеды подвели ее к срубу. Она сняла поручни и ожерелье и отдала их старухе Деваниче.

В это время некоторые из венедов взяли щиты и палицы. Один из щитоносцев налил чашу меду и подал девушке.

Девушка выпила и проговорила:

– Прощаюсь со всеми: с милыми и с дорогими!

Потом подали ей другую чашу.

Она выпила и запела протяжно что-то необыкновенно грустное.

Во время пения Деванича ввела девушку в сруб. Едва только они скрылись в срубе, как венеды сильно ударили в щиты. Это делалось для того, чтобы не особенно громко слышен был голос зарезаемой девушки. В срубе ее зарезала старуха.

Войдя в сруб, Деванича быстро схватила девушку за волосы, опрокинула голову ее назад и шарахнула по горлу ножом. Несчастная начала биться и кричать. Старуха нанесла ей другой удар. Кровь девичья хлынула на хворост, на трупы, а сама она упала на близлежащее тело. Вытерев ее рубахой окровавленный нож, старуха хотела уже выйти из сруба, как вдруг испуганно остановилась и приросла к земле. Тело, на которое упала девушка, начало шевелиться под покрывалом и подниматься, и старуха услышала мужской голос: «Пить! Пить!»

Быстро выбежала она из сруба и закричала:

– Жив кто-то! Пить просит!

Звук ударов в щиты смолк. Двое венедов с зажженными лучинами в руках кинулись в сруб.

Только что зарезанная девушка, истекая кровью, лежала без движения. Но возле нее лежало другое тело с открытыми глазами. Едва заметно двигал лежащий одной рукой, как бы си-

лясь приподняться, и шевелил губами, на которых виднелась черная запекшаяся кровь.

Вбежавшие венеды узнали в ожившем своего князя Болемира.

– Болемир! Болемир! – закричали они.

В сруб вошли еще несколько венедов. Один из них внес в чаше воду. Осторожно омыл и омочил он водой губы князя и влил ему в рот несколько капель воды. Князь тихо вздохнул и шевельнулся всем телом.

– Жив, жив, – радостно шептали между собой венеды. Князя осторожно положили на полотно, вынесли из сруба и понесли к лодкам.

Пересмотрели и других распятых: нет ли живых. Но все остальные были так истерзаны, что на теле их не оставалось ни одного места без смертельных ран.

Прерванный обряд погребения начали продолжать.

Жрец взял пук лучины, зажег ее у костра, приблизился к срубам и, восклицая: «Мара! Мара!», зажег его.

Потом то же сделала Деванича.

За нею и все прочие подходили с огнем к срубам и бросали его туда.

Быстро загорелся сухой хворост, за ним вспыхнул сруб, а затем и все покрылось ярким пламенем: и сруб, и покойники, и зарезанная девица.

Целую ночь горел сруб, пуская во все стороны искры и густые столбы дыма.

К утру все превратилось в золу.

Венеды собрали эту золу, уложили ее в тридцать девять горшков и зарыли их в могилу вместе с грудями мечей, остовами нескольких убитых тут же коней, собак, вместе с другими мелкими украшениями конской сбруи и княжеской нарядной одежды...

Через несколько дней на месте погребения князей венедских высился уже высокий свежий курган, и на нем тяжелый круглый камень, окруженный тремя рядами низких, широких, каменных столбов...

Сурово смотрели эти серые, каменные глыбы на окружающую их цветущую поляну, на могучий бор, на берега Немана...

Журчал и плескался Неман по-прежнему, могучий бор по-прежнему смотрелся в его светлые, невозмутимые, как и при-

брежные леса, воды, но печальна уже была цветущая поляна – она была обагрена кровью, была местом пыток, казни, была страдальческим кладбищем...

Глава VI

ПИР И КЛЯТВА У КОСТРА

Князь и Юрица долго оставались в бору... Только к вечеру воротились они домой... Князь был безмерно весел, Юрица задумчива, не говорила, все больше глядела в землю и пряталась... Будли между тем приказал приготовить свадебные подарки для невесты, приготовить медов и хлебов для пира и очистить для молодых лучшую клеть.

У венедов существовал обычай, что не жена несла мужу подарки, а, наоборот, муж нес их жене.

Подарки мужнины жене заключались в следующем:

Муж дарил жене вола, снаряженного коня, щит, секиру и меч.

Все это дарилось для того, чтобы жена не считала себя чуждой мужества и не была безучастной к войне. Подарки эти предупреждали ее, что она становится подругой, соразделяющей труды и опасности, счастье и несчастье как во время мира, так и во время войны. Это значение имели для нее и заярмованные вола, и оседланный конь, и оружие как при жизни, так и по смерти. Принимая эти дары, она должна была передать их ненарушимо и достойно детям, от которых примут невестки и, в свою очередь, передадут внукам.

Молодая, если хотела, только и дарила мужа каким-нибудь оружием.

В этом заключался союз супругов, священный обряд и воля богов, покровителей супружества.

В этот же день от Будли оповещено было по всем венедским весям Немана, что назначен свадебный пир в жилье старого князя и что виновники этого пира – Юрица и Болемир. Оповещено было также и о том, что настал день, когда венеды должны дать у жертвенного костра обет: жить и умереть за свою родину, которая гибнет от рук пришельцев-готов.

Весь вечер и вся ночь прошли в приготовлениях к свадебному пиру и к жертвоприношению по случаю обета. Уже с ве-

чера венеды начали собираться в хижину Будли. Все поздравляли и старого князя, и Болемира, и Юрицу. Юрица все это время была покрыта густым белым покрывалом и пряла пряжу. На приветствия и поздравления, как невесты, она должна была отвечать низкими поклонами, молча, медленно. Поклонившись, она снова садилась за пряжу. Болемир во все это время должен был запрячь в ярмо вола, снарядить коня и вычистить оружие, которое предназначалось для княгини. Совершалось это медленно, спокойно. Вол должен был быть цвета черного с белыми пятнами – эмблема зла и добра, которые живут среди человечества. Конь – вороной.

Сбруя, по возможности, делалась пышная, яркая.

Молодые в ночь перед свадьбой не должны были спать. Это делалось для того, чтобы первая ночь молодых вместе была крепка и спокойна. Неспokoйная ночь считалась нехорошим признаком. А чтобы развлекать молодых, к жениху являлись молодые витязи, к невесте – молодые девушки. Витязи обязаны были развлекать молодого воинскими рассказами, а девушки невесту – песнями. Так и было: к Болемиру пришло несколько молодых венедов, к Юрице – девушек.

До самого утра они развлекали молодых. До самого утра слышны были рассказы о геройских подвигах витязей и девичьи песни о том, как будет хорошо молодой княжне за своим молодым князем, как они долго будут жить, радоваться, разрабатывать вместе землю и ходить вместе на войну, как пойдут потом у них дети – сынки-богатыри, дочки-красавицы, что ни сын, то солнце красное, что ни дочь, то звездочка ясная...

Ах, княжна, пригожая, ясная,
Поважай меня, молодца доброго, –

пели девушки молчаливой Юрице.

«Добрый, ласковый мой князь, поважай меня, княжну-девицу сиротливую: нету у меня ни отца, ни матери, есть только род да племя!» – рассказывали Болемиру витязи удалые...

Слушал Болемир витязей, слушала Юрица девушек, и так слушали до ясного утра.

А только что настало утро – у Будли уже не было и места для гостей: так их много собралось.

Попить, поиграть венеды были не прочь, да, кроме того, и дело важное решалось. Обет на защиту родины считался одним

из священнейших обетов. На обетах обязан был присутствовать всякий, кто только чувствовал силу ходить, не исключая даже и женщин, девиц, детей, стариков. Поэтому все, кто мог, считали своей обязанностью присутствовать на обетах. Как одно из необходимых лиц явился и жрец.

И вот – только что рассвело – вся поляна, на которой находилось жилье Будли, покрылась дубовыми столами, скамейками, короткими и длинными, обрубками широких стволов дуба и ясеней, служивших вместо столов. Все это задернулось скатертями, столешниками, всем, что только нашлось у Будли холстинного или парчового.

Не богат был старый князь Будли, да и не такое время шло, чтобы думать о богатстве да роскоши, да и какая роскошь могла быть в лесу, среди природы, среди зверей, где все скрывалось, все пряталось! На что она? Можно прожить и без роскошества, особенно когда родина стонет под игом иноплеменника. И Будли не роскошничал, несмотря на то что по одному его слову к нему были бы нанесены верными венедями целые груды всякого рода домашнего скарба. В свое время, однако, в молодости, когда князь был в силе и не скрывался, как зверь лесной в трущобе, у него было немало всякого добра. Готы ограбили его. Но все же у него кое-что еще осталось, спасенное и припрятанное верными слугами.

И все это оставшееся старый князь приказал вынести и выкатить. И все было вынесено и выкачено.

У князя оказалось немало старых медов, немало старых браг и квасов. А до этих напитков венеды были немалые охотники.

И начался у Будли пир горой.

Пиршество открыл сам Будли.

Когда все уселись за столы, Будли, во все время не появлявшийся среди гостей, тихо и торжественно вышел из избы, ведя правой рукой жениха, левой – невесту.

Юрица была одета в длинную белую рубаху, которая почти что волочилась по земле, без рукавов, почему руки ее до самых плеч были голы. Рубаха по стану была перехвачена широчайшим поясом из греческой парчи. Волосы на голове были собраны в клубок, который обхватывался куском тонкой и узкой холстины зеленого цвета. В ушах висели необыкновенной величины янтарные серьги, грубо отделанные в золото. На голых ногах – подобие сандалий, привязанных к пятке и икрам до

колен двумя крестообразно вившимися ремнями. Лицо ее было покрыто легкой холстиной.

Болемир был одет в шерстяной кафтан из белой шерсти, изузоренный по краям красной тесьмой с золотой запоной у шеи. Рукава у кафтана были необыкновенно широки. На голове, несмотря на вешнее прекрасное теплое утро, надвинута была высокая облоухая рысья шапка. Кафтан по стану был перехвачен куском серебристой, с зеленью, греческой материи. На ногах грубое подобие сапог из выделанной кожи.

Старый князь Будли был просто в белой рубахе.

Когда он вышел, двое венедов разложили на земле медвежью шкуру, шерстью вверх. Будли вошел на эту шкуру в сопровождении Болемира и Юрицы и остановился.

Гости молчали. Речь была за старым князем, и князь тихо заговорил:

– Братья-венеды, простите меня, старика! И не след бы в такую тяжелую пору задумывать свадьбу, а я вот, старый слепой ворон, задумал. Простите меня, старика!

Будли поклонился гостям. Поклонились гостям и Болемир с Юрицей.

Старейший из гостей ответил:

– Ах, князь, князь! Слово твое – великое слово, и не нам, людишкам мелким, судить о делах твоих. Твое дело – повелеть, наше дело – сделать.

– Твое дело – повелеть, наше дело – сделать! – проговорили в один голос все гости и отвесили поклон Будли и молодым.

– А коли так, – сказал Будли, – то и добро вам! Добро и вам, и мне, и славной нашей родине!

– Добро! Добро! – загудели гости и снова отвесили и Будли и молодым низкий поклон.

После этого Будли, с Болемиром и Юрицей, сошел с медвежьей шкуры и подошел к столу.

На столе стоял целый зажаренный кабан. Он отрезал от него часть, подал Болемиру и сам съел. Это делалось для того, чтобы жених был хороший охотник и не боялся диких зверей. Потом Будли подошел к целому зажаренному ягненку, отрезал часть его, подал его Юрице и сам съел. Это делалось для того, чтобы молодая была хорошей домоводкой.

Во все это время стоявшие гости хранили глубокое молчание.

Далее Будли налил большую чару меда и подал Болемиру. Болемир хлебнул меда и передал его Юрице. Юрица смочила губы и передала дедушке. Сам Будли тоже откушал. Это делалось для того, чтобы жизнь молодых была сладка и хмельна, как мед.

Окончив этот обычный обряд, Будли обратился к гостям:

– Ну, гости мои дорогие, пейте и гуляйте, как хотите, теперь ваша воля, а не моя.

Гости зашумели:

– Спасибо, князь, спасибо!

Юрица и Болемир посадили старого князя за стол и сами сели напротив него.

Когда все уселись, один из старейших гостей начал наливать в чары из ведер мед и подавал его гостям. Гости пили и закусывали. В это время из клетки, которая предназначена была для молодых, вышла толпа девушек, а двое дюжих венедов вывели заярмованного вола, оседланную лошадь, вынесли оружие. Тогда старейший из венедов встал и, глядя на подарки, заговорил:

– Вижу, вижу, подарки хорошие! Молодой хорошо заживется.

Молодая встала. Старейший продолжал:

– Вижу, вижу, подарки хорошие! Молодому хорошо заживется.

Молодой встал.

– А что же мы княжны-то не видим? – спрашивал тот же старейшина. – Покажи нам ее, князь.

Болемир снял с головы Юрицы покрывало. Юрица стояла с опущенными ресницами и рделась, как заря.

Гости ахнули:

– Ах, какая пригожая, складная!

Вышедшие из клетки девушки между тем начали петь песни. Молодые поцеловались и сели. Тут из-за толпы девушек вышла домоводка княжеская, старушка, и начала вместо матери причитать:

– Ах, я горькая! Ах, я несчастливая! – плакала старуха и обратилась к невесте:

– Милая доченька моя! Каково тебе? Поведай мне по правде, не скрываючись. Каково тебе? Поведай мне, милая моя!

Юрица встала и, кланяясь всем гостям, тихо заговорила:

– Хорошо мне, гости дорогие! Ах, как хорошо! Как не хорошо было, не сидела бы я с князем за столом одним, не

глядела бы я на него, на мое солнце красное, не поважала бы я его, красавца моего!

Среди гостей послышались голоса:

– Ладно! Ладно! Ай да невестушка-пригожница! Не солгала перед нами, перед стариками, о своей зазнобушке сердечной!

Юрица села. Ее речью окончился обычный обряд, необходимый при бракосочетании.

Замечательно, что при бракосочетаниях у венедов жрец не принимал никакого участия. Он оставался в стороне. Для него отвели особую клеть, где он и угощался один, как хотел. Вообще, несмотря на то что жрец считался везде одним из почетнейших и важнейших лиц, его все-таки чуждались. Да и сам он, по исключительности своего положения, не искал сообщества с другими.

К полудню головы гостей немного охмелели. Поднялись оживленные речи, закипели неизбежные споры, и даже началась игра в кости.

Игра в кости у всех вообще славянских племен прежнего времени считалась одной из занимательнейших, и они ею, преимущественно на пирах, всегда увлекались, и увлечение это доходило до того, что, проиграв все, нередко пускались на ставку свобода и даже сама личность. Победенный в таком случае беспрекословно подчинялся рабству, давал себя связывать и продавать. Этот поступок считался честным. Выигранных невольников в большинстве случаев, не пользуясь ими лично, продавали, чтоб избавиться от стыда подобного выигрыша. Игра в кости не всегда оканчивалась перебранкой, а чаще всего убийством и ранами.

Закон за такое убийство не преследовал преступника, имел право преследовать родственник убитого.

Даже в позднейших законах славянских законодателей, например, в «Русской Правде» Ярослава, за убийство на пиру ответственность уменьшалась наполовину.

На свадебном пиру у старого князя, хотя венеды и играли в кости, и довольно шумно играли, однако никто не хватался за оружие, чтобы наказать противника. Все обходились друг с другом и сановито, и хорошо. У всех было одно в голове: предстоящее переселение. О чем бы венеды ни говорили, о чем бы ни спорили, всегда речь сводилась на занимающий их вопрос переселения.

Только Юрица и Болемир оставались на пиру безмолвными слушателями и зрителями всего того, что вокруг них происходило, несмотря на то что во всех спорах, во всех советах имя Болемира не сходило ни у кого с языка. Таков был обычай страны, таково было требование бракосочетания. Впрочем, Юрица и Болемир были настолько счастливы и довольны друг другом, что условное молчание несколько их не стесняло, а, наоборот, внутренним чувствам их давался полный простор, и каждый из них мог наслаждаться наступившим наконец для него счастьем, как ему было угодно. Изредка, однако, Болемир и Юрица переговаривались между собой, – на это они имели право, – но коротки были речи их. Они больше говорили душевным языком, как вообще говорят все счастливые и довольные.

Старый князь тоже был не особенно разговорчив. Венедские старики вели себя на пирах вообще важно и спокойно. Шумела и бурлила большей частью молодежь, которой в этом случае давался полный простор. Но зато в делах, которые требовали совета и обсуждения, старики занимали первое и почетное место. Их слово было законом. А общественный закон даже не судил старика за преступление. Старик только лишался уважения от молодежи, и это было ему тяжелее всяких наказаний. Когда стариков встречали вне дома, им давали дорогу и кланялись им, как кто хотел, смотря по степени, которую занимал почитаемый старик. Если случалось какое-либо недоразумение: ссора, драка, и встречали старика – все сейчас же с охотой отдавались на его суд, суду его верили и тотчас же исполняли то, что он советовал. Редко случалось, что старики злоупотребляли тем доверием, которым они пользовались. А если случалось, то старик прятался от людей или оканчивал постыдную жизнь свою тайным самоубийством. Искупительным самоубийством в этом случае считалось самоубийство – зарезаться жертвенным ножом, которым жрец, принося на алтарь своего бога жертву, поражал вола, ягненка, гуся.

Так как к вечеру положено было отправиться на место казни венедских князей и принести там обет на защиту племени венедского, то, едва начало смеркаться, все стали вставать из-за пиршественных столов и напоминать друг другу о великом обете.

– Брате, – слышались голоса, – не пей больше меда, будет, сейчас пойдем на поляну – обет дадим.

– Дадим, дадим, брате!

Встал и старый князь Будли, встал и заговорил, обращаясь ко всем. А все тоже встали и тоже, в свою очередь, обратились к старику, ожидая от него мудрой речи.

Будли заговорил:

– Братья, вдоволь ли вами попито, вдоволь ли вами поедено?

– Вдоволь, князь! Вдоволь! – отвечало ему множество хмельных, но бодрых голосов.

– А коль так, а коль вы по правде говорите, то и я вам скажу правдивое слово.

– Слушаем, князь, твоего слова!

– Мое слово коротко. Положили мы, братья, принести нынче обет на защиту племени венедского, так не пора ли нам исполнить его?

– Пора, пора, князь!

С этими словами толпа гостей окончательно повывлезала из-за столов, повывлезала то бодро, то немного, а то и очень много пошатываясь, а некоторые и совсем не вылезали, потому что как сидели, так и заснули, чересчур уж напивавшись крепкими медами и разными ячменными напитками. Хмель, однако, нисколько не помешал гостям старого князя Будли, поблагодарив его за хлеб, за соль, а молодым пожелав искренне всякого рода счастья и благополучия, тотчас же отправиться гурьбой на условленную поляну.

Жертвенные бараны и другие принадлежности жертвоприношения были отправлены туда еще заранее; вместе с ними отправился и жрец.

Мало-помалу жильё старого князя опустело: все ушли на поляну, и старый, и малый. Осталась в жильё одна только старуха, домоводка княжеская, которая долго еще причитала о сиротской доле княжны-красавицы, Юрицы...

Даже пиршественные столы остались под деревьями небранными, так все торопились на новый пир...

Там же, где не так давно мстительные готы распинали венедских князей, на том же самом берегу Немана венеды воздвигали и свой жертвенный костер.

Костер уже пылал вокруг жертвенного камня, когда к нему с ножом в руках приблизился жрец. Все собравшиеся на поляне

венеды, мужчины и женщины, стояли вокруг костра с зажженными смоляными палками в руках. Впереди всех стояли Болемир, Радогост, Олимер и Будли. Радогост и Олимер были дюжие, крепкие парни, но очень еще молодые и, по-видимому, мало подавали надежд быть защитниками своей родины и править таким делом, как переселение народа с одного места на другое. Но у венедов не было под руками других испытанных князей, и молодые князья, как бы по необходимости, были избраны в предводители. Вся надежда переселенцев возлагалась на Болемира, которого с берегов Вислы до берегов Немана все знали как храбрейшего и знаменитейшего князя. И в самом деле, на Болемира можно было надеяться: несмотря на вынесенную им пытку, он, высокий, статный и плечистый, выглядел таким молодцом, что любо было смотреть. Находившаяся вместе с другими у костра Юрица замирала от удовольствия при взгляде на своего пригожего мужа и с нетерпением ждала окончания жертвоприношения.

А жертвоприношение только что еще началось.

Приблизившись к жертвенному камню, который состоял из четырехугольного куска серого гранита с символическими знаками, жрец взмахнул над ним ножом и громко сказал:

– Жертвенный огонь – дань бытию!

Вся толпа повторила за жрецом:

– Дань бытию! Дань бытию!

Жрец после этого засучил рукава своей одежды, а перед ним положили связанного ягненка и барана, он должен был их резать. Двумя взмахами ножа зарезав сначала ягненка, потом барана, он, не снимая с них шкуры, с кровью, капавшей на его одежду и на землю, кинул их на жертвенный камень. Огонь быстро охватил кинутые жертвы, а жрец, став на колени и склонив голову, стал шептать одному ему известные тайные религиозные молитвы. В это время каждый из присутствующих старался смочить кровью жертв край своей одежды. Жрец молился до тех пор, пока жертвенные животные не обуглились на камне. Тогда он встал, снял вилами жертву и начал резать ее на части.

Болемир, Радогост и Олимер подошли к жрецу.

Первый кусок он подал Болемиру, второй – Радогосту, третий – Олимеру. Все трое начали есть обуглившееся, почти еще сырое мясо ягненка и барана. Это значило, что они посредством

пищи, освятившейся на жертвенном костре, соединяются с обителью божеств, делаются высшими между людей, посвящаются в верховную власть и делаются предводителями сил.

Когда посвященные съели свои доли, жрец поочередно подвел их к самому костру, склонил перед костром их головы и накрыл их грубой холстиной. Все присутствующие стали на колени. А жрец, вынув из своей одежды восьмиугольный кусок лубка, на котором был вырезан обрядовый закон, начал читать:

«Принявший посвящение по обряду, да заботится охранять справедливостью все подвластное ему».

«Мир без владык был отовсюду потрясаем ужасом, и потому были созданы цари».

«Приняв вечные частицы восьми божественных сил мира и заключая в себе их, они превосходят по освящению всех смертных».

«Они по могуществу есть огонь, воздух, свет солнца, блеск луны, дух правды, богатства, божество вод и властители земли».

«Никто да не осмелится сказать: “царь также человек”, ибо он есть высочайшее божество в образе человека».

После этого Болемир, Радогост и Олимер сами сняли с голов своих покрывала, а присутствующие поднялись с колен, поочередно подходили к жертве, отрезали себе жертвенным ножом маленькую частицу жертв и ели. Когда от жертв остались одни только кости и внутренности, их бросили в огонь, а каждый из присутствующих подходил к посвященным и, проговорив: «амарата» (то есть принявший бессмертие), целовал край их одежды. Первым подошел Будли, последней – Юрица. В то время как она целовала край одежды своего мужа, склоняясь потом до самой земли, Болемир слегка коснулся своей ногой ее шеи. Это означало то, что она одна из первых должна склонить свою шею перед своим верховным повелителем.

Этим обряд посвящения и оканчивался. Далее начинались игры и пляска вокруг костра.

Игры свои венецы начали с плясок около костра: участвовали все, кто только мог участвовать. Сначала всякий, мужчина и женщина, плясал отдельно, и плясал необыкновенно тихо. Сперва пляшущие покачивали свои корпуса вправо и влево, а потом отбивали ногами известные колена и обороты. Неучаствовавшие в пляске должны были как можно более разложить костров и зажечь смоляных палок, чтобы пляшущим было свет-

ло. Поплясав отдельно, все мало-помалу соединялись, хватая друг друга за руки, и тогда происходила уже общая пляска.

Пляска производилась под звуки нескольких гуслей, которые в этом случае бренчали без умолку, сопровождаемые возгласами гусяров:

– Лола! Лола! Лола!

Костры горели все ярче и ярче, а пляшущие, освещаемые ими, все более и более оживлялись, так что потом вся пиршественная поляна покрылась несмолкаемым гулом веселья. Голоса смешивались с голосами, звуки гуслей с другими подобными же звуками, и далеко по окрестности разносился этот гам славянского неудержимого веселья.

В числе пляшущих находилась и Юрица. Разгоряченная быстрыми движениями, веселая, зардевшаяся, она приблизилась к Болемиру, который, по праву высшего, не участвовал в пляске, а только любовался ею.

Приблизившись к нему, Юрица остановилась, как бы желая что-то сказать. Счастливый супруг привлек ее к себе и покрыл ее лицо поцелуями.

– Милый, ладный! – страстно шептала Юрица, крепко прижимаясь к нему. – Неужто ты поважаешь меня, такую непригожую!

Болемир молчал и сильно сжимал ее по стану своей богатырской рукой.

Затем Болемир и Юрица ушли. Но пир продолжался до утра.

Утром некоторые утомленные, обессиленные, заснули, где сидели, а те, которые были пободрее, начали разбредаться по домам.

Возвратясь в свое жилище, старый князь Будли прежде всего подошел к клети, предназначенной для молодых.

– Тут ли? – постучал он в запертую изнутри дверь. Некоторое время ответа не было.

Будли повторил свой вопрос:

– Тут ли?

Послышался легкий шорох, потом голосок Юрицы, тихий, добрый, счастливый...

– Тут, дедушка...

– А молодой князь тут?

Ответа не последовало...

Змест

З небыцця – у стагоддзі

Барыс Святлоў

5

Ад аўтара

11

Частка першая.

НА РОДНОЙ ГЛЕБЕ

13

Малая радзіма

13

Кантаніст

20

Вільня. Літаратурны дэбют

25

Частка другая.

МАСКВА

35

Вялікія спадзяванні

35

Па дзікіх стэпах Забайкалля

44

Драматург

55

Гістарычны раманіст

61

Сівая даўніна Масквы

80

Іскра Божая

95

У сузор'і імён

115

Праца і дні

136

Спіс выкарыстаных крыніц

152

З сачыненняў І. К. Кандрацьева

162

Навуковае выданне

Культурны імідж Беларусі

СМОЛІК Аляксандр Іванавіч

**БОЖЫ ДАР
ІВАНА КАНДРАЦЬЕВА**

Рэдактар В. М. Сакалова
Карэктар В. Б. Кудласевіч
Тэхнічны рэдактар А. У. Гіцкая
Дызайн вокладкі А. Д. Захарэвіча

Падпісана ў друк 2013. Фармат 60x84¹/₁₆.
Папера пісчая № 2. Рызаграфія.
Ум. друк. арк. 15,34. Ул.-выд. арк. 12,12. Тыраж 200 экз. Заказ .

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
УА «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў».
ЛИ № 02330/0003939 ад 19.05.2011.
Вул. Рабкораўская, 17, 220007, г. Мінск.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ